

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1890.

№ 14.

ЮЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Вторая книга Моисея «Исходъ» въ переводѣ и съ объясненіями (продолженіе). Профессора Московской Духовной Академіи <i>П. Горскаго-Платонова</i>	57—72
Воспоминанія священника Православной Церкви Д-ра о. Владимира Гетте, бывшаго священникомъ римской церкви (продолженіе). <i>Н.</i>	73—102
Очеркъ православнаго Церковнаго права (продолженіе). Профессора <i>М. А. Остроумова</i> (въ особомъ приложеніи)	33—48
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Ученіе Аристотеля и его школы (периплатетической) о Богѣ (продолженіе). <i>И. Корсунскаго</i>	41—56
«Теодицея» Лейбница. Разсужденіе о благодти Божіей, свободѣ человѣческой и началѣ зла. Часть вторая. (Продолженіе). <i>Н. Истомина</i>	57—90
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. ВЫСОЧАЙШІЯ награды по Харьковской Епархіи. — Учрежденіе въ Харьковской епархіи наблюдательной комиссіи за разборомъ по церквамъ епархіи восточныхъ свѣчей съ епархіальнаго свѣчного завода. — Вѣдомость церк. кружечнаго сбора „въ пользу нуждающихся славянъ“, полученнаго Славянскимъ Обществомъ въ теченіе 1889 года. — Вѣдомость о средствахъ Харьков. епархіальнаго свѣчного завода на 1-е число іюля мѣсяца 1890 года. — Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища. — Разрядной списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ Правленіемъ послѣ годичныхъ испытаній за 1889/90 учебный годъ. — Отъ завѣдующаго складомъ книгъ при Старобѣльскомъ Покровскомъ Соборѣ. — Епархіальныя Извѣщенія. — Извѣстія и Замѣтки. — Объявленіе.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ пер. д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая ул., Гостинный дворъ, № 45.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

1890.

№ 14.

ІЮЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 16.

1890.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3

Дозволено цензурою. Харьковъ, Юля 31 дня 1890 года.

Вр.-и. д. Цензора Протоіерей П. Солнцевъ.

ВТОРАЯ КНИГА МОИСЕЯ

«ИСХОДЪ»

ВЪ ПЕРЕВОДЪ И СЪ ОБЪЯСНЕНИЯМИ.

(Продолженіе *).

Умерщвленіе первородныхъ и отпускъ евреевъ (12, 29—36).

12, 29. *Въ полночь было,—Гегова поразилъ всякаго первенца въ землю Египетской, отъ первенца Фараона, сидящаго на престолъ своемъ, до первенца плытника, который въ темноту, и все первородное скота. (30) И всталъ Фараонъ ночью, онъ и всѣ рабы его, и всѣ Египтяне; и сдѣлался вопль великій въ Египтъ, ибо не было дома, гдѣ не было бы мертвеца; (31) и призвалъ онъ Моисея и Аарона ночью, и сказалъ: встаньте, выйдите изъ среды народа моего, и вы, и сыны Израиля, и пойдите, совершите служеніе Геговъ, какъ говорили вы. (32) И овецъ вашихъ и воловъ вашихъ возьмите, какъ говорили вы; и пойдите, и благословите и меня. (33) И нудили Египтяне народъ, торопя удаленіемъ его изъ страны; ибо говорили они: всѣ мы мертвецы. (34) И взялъ народъ на плечи свои тѣсто свое еще незаквашенное, квашни свои, завязанныя одеждами своими. (35) И сыны израиля поступили по слову Моисея и попросили у Египтянъ вещей серебряныхъ и вещей золотыхъ и*

*) См. ж. «ВѢРА И РАЗУМЪ» 1890 г. № 11.

одеждѣ. (36) И далъ Госова милость народу въ глазахъ Египтянъ, и тѣ давали имъ, и взяли они добычу съ Египтянъ.

Ст. 29. *Въ полночь было, когда Египтяне покоились глубокимъ сномъ, не ожидая страшной бѣды; въ эту полночь Госова поразило всякаго первенца.* Напраснымъ дѣломъ было бы припоминать изъ исторіи Египта случаи повальныхъ болѣзней или мора и искать въ этихъ случаяхъ помощи въ объясненіи избіенія первенцевъ. Поражены были одни первородные, поражены въ одинъ и тотъ же часъ. Сводить такое событіе на степень событія, изъяснимаго хотя въ малой мѣрѣ мѣстными условіями,—возможно только въ томъ случаѣ, когда рассказъ священнаго писателя будемъ признавать неправдою. Но въ этомъ случаѣ незачѣмъ и подыскивать примѣры опустошеній, когда-либо произведенныхъ въ Египтѣ тѣмъ или другимъ видомъ чумы. Отыскиваемые примѣры могли бы быть пригодны только или для тѣхъ, кто склоненъ, отвергая рассказъ Библіи въ цѣломъ, добывать зерно исторической правды въ его частностяхъ, или для тѣхъ, кто почитаетъ важнымъ пріобрѣтеніемъ возможность сказать, что Египтяне и въ другія времена могли умирать въ большомъ количествѣ и довольно неожиданно.

Умерли всѣ первенцы, отъ первенца Фараона до первенца пльнника, который въ темницѣ. Въ другомъ мѣстѣ (11, 5), когда предвозвѣщалась эта казнь, употреблены вмѣсто словъ: *до первенца пльнника* слова: *до первенца рабыни*. И то и другое выраженіе одинаково ясно говорятъ объ истребленіи всѣхъ первенцевъ и въ самыхъ высшихъ и въ самыхъ низшихъ классахъ народа. Пльнный рабъ, и притомъ заключенный въ темницу, такъ же хорошо можетъ служить образомъ самаго низкаго положенія въ обществѣ, какъ и рабыня, занимающаяся работою за жерновомъ.

Объ истребленіи первороднаго изъ скота см. изъясненіе 11, 5.

Ст. 30. Послѣ полуночи въ каждой Египетской семьѣ начался великій вопль, потому что въ каждомъ домѣ неожиданно оказался мертвецъ. Въ виду яснаго свидѣтельства бесполезно было бы придумывать вопросъ: въ каждомъ ли домѣ могъ оказаться первородный?

Ст. 31. Не медля, въ ту же ночь, Фараонъ призвалъ Моисея и Аарона. Это послѣднее свиданіе Фараона съ Моисеемъ засвидѣтельствовало, что Фараонъ, вынужденный обстоятельствами, не сдержалъ своей угрозы наказать Моисея смертію, если Моисей еще разъ придетъ къ нему (10, 28), но не противорѣчить обѣщанію Моисея (10, 29), которое имѣло только тотъ смыслъ, что Моисей по своему желанію уже не явится къ Фараону.

Встаньте. Слово *встаньте* можетъ означать здѣсь не простое только начало приказа выдти изъ Египта, но и приказъ тотчасъ же, тою же ночью, встать съ постелей и отправляться въ путь. Фараонъ, нужно думать имѣлъ ту же мысль, какую имѣли и другіе Египтяне, *торопившіе* (ст. 33) евреевъ уходомъ изъ страны. Такъ понимая первое слово Фараонова приказа, мы ясно поймемъ и то, почему евреямъ пришлось (ст. 34) отправляться въ путь съ квашнями на плечахъ, не дождавшись утра, когда можно было бы испечь изъ тѣста хлѣбы или лепешки.

Выдите изъ среды народа моего. Эти слова ясно говорятъ о настроеніи мыслей Фараона. Онъ не довольствуется употребленіемъ простого слова: *подите*, употребленнаго имъ далѣе. Его заботитъ желаніе поскорѣе удалить изъ среды своего народа источникъ испытанныхъ имъ бѣдствій; потому и говоритъ онъ: *выдите изъ среды народа моего.*

И вы, и сыны израиля. Исключать женщинъ или дѣтей (10, 10. 11. 24) изъ числа отпускаемыхъ Фараонъ теперь уже не желаетъ.

Подите, совершите служеніе Іеговъ, какъ говорили вы. Послѣднія слова или вызваны желаніемъ сказать: пусть будетъ все по вашему, какъ вы сами говорили, ибо таковъ смыслъ этихъ словъ и въ послѣдующемъ (32-мъ) стихѣ; или они показываютъ отношеніе Фараона къ дѣлу ухода Евреевъ изъ Египта. Фараонъ и прежде не разъ обнаруживалъ опасеніе, что Еврей собираются уйти изъ Египта совсѣмъ (10, 10. 24). Примирился ли онъ теперь съ мыслию, что, отпуская евреевъ, онъ отпускаетъ ихъ, можетъ быть, навсегда? Въ виду страшныхъ бѣдъ, понесенныхъ за евреевъ, дорожить удержаніемъ

въ Египтѣ такихъ страшныхъ подданныхъ было дѣломъ, не обѣщавшимъ пользы. Если они и совсѣмъ уйдутъ: что же дѣлать? удерживать опасно. Но дѣйствіе этой мысли было не настолькоъ сильно, чтобы подавить надежду на возможность возвращенія даровыхъ работниковъ къ исполненію своихъ прежнихъ обязанностей (ср. 14, 5). Эта надежда, по видимому, и отразилась на словахъ: *подите, совершите служеніе Господу, какъ говорили вы*. Сокровенную мысль этихъ словъ можно понимать такъ: «опасаюсь, что вы совсѣмъ уйдете изъ Египта: но сами же вы говорили, что уйдете только на время, чтобы совершить служеніе вашему Господу; просьбу вашу исполняю». Если въ эти минуты и не было у Фараона опредѣленной мысли насиліемъ возвратитъ евреевъ въ Египетъ: то зачатки ея уже были въ душѣ Фараона.

Ст. 32. *Благословите и меня*. Это не означаетъ: «разстаньтесь мирно, и вы пожелайте мнѣ всего хорошаго». Просьба Фараона имѣетъ то же значеніе, какъ и прежнія его просьбы помолитъ за него (8, 28; 9, 28; 10, 17).

Ст. 33. Ужась, наведенный на всѣхъ Египтянъ внезапною смертію первородныхъ, и заставлявшій Египтянъ торопить евреевъ скорѣйшимъ удаленіемъ, хорошо выразился въ словахъ: *всѣ мы—мертвецы*. Эти слова выражаютъ болѣе, чѣмъ одинъ страхъ, что и всѣ прочіе Египтяне помрутъ, подобно первороднымъ; они выражаютъ безспорную увѣренность въ неизбѣжности внезапной смерти. Египтяне уже видятъ себя мертвецами.

Ст. 34 Евреи, торопимые и царемъ и народомъ Египетскимъ, не имѣли времени испечь хлѣбъ на дорогу, хотя тѣсто для хлѣба и было уже замѣшено; они завязали квашни съ тѣстомъ въ свои верхнія одежды (плащи, накидки, бурнусы) и понесли эти узлы на плечахъ.

Тѣсто, еще незаквашенное, незаквашенное не потому, что евреи не успѣли заквасить его, а потому, что и не должны были заквашивать его (ст. 15). Смыслъ выраженія такой: евреи вынуждены были такъ поторопиться, что не имѣли времени испечь хлѣбовъ изъ прѣснаго тѣста, которое не требуетъ времени для того, чтобы ему взойти или вскинуть. Прѣсные

хлѣбы называются (Втор. 16, 3) хлѣбами *бѣдствія* не въ томъ только смыслѣ, что они хуже по своему вкусу и, требуя менѣе хлопотъ для своего приготовленія, доступнѣе для людей, впавшихъ въ бѣдствія пицеты или въ другія бѣды, заставляющія покидать заботы о болѣе вкусномъ приготовленіи яствъ, но и потому, что бѣдственно было положеніе евреевъ во время исхода ихъ изъ Египта.

Ст. 35. 36. Согласно внушенію Моисея (11, 2) евреи запросили у египтянъ, главнымъ образомъ женщины у женщинъ (3, 22),—золотыхъ и серебряныхъ вещей и одеждъ. Съ этими просьбами можно было обращаться не только въ ночь исхода, но и заблаговременно, до исхода. Такъ можно думать, принимая во вниманіе, что еще до послѣдней казни у многихъ египтянъ явилось убѣжденіе въ необходимости поскорѣе удовлетворить требованія евреевъ относительно отпуска изъ Египта (10, 7).

И взяли они добычу съ Египтянъ. См. изъясненіе 3, 21. 22, а такъ же изъясненіе 11, 2.

Исходъ Евреевъ изъ Египта (12, 37—42).

Ст. 37. *И двинулись сыны Израиля изъ Раамсеса къ Сокхоу около шести сотъ тысячъ тѣхъ мужчинъ, кромѣ дѣтей. (38) И чужихъ много пошло съ ними, и овцы и волы — скота весьма много. (39) И испекли они изъ тѣста, которое вынесли изъ Египта, лепешки прѣсныя,—ибо оно не было заквашено,—потому что не было ихъ изъ Египта, и они не могли мѣлкать, даже и пиши не приготовили себѣ. (40) А времени жителства сыновъ Израиля, которое прожили они въ Египтѣ, — четыреста тридцать лѣтъ. (41) И по прошествіи четырехъ сотъ тридцати лѣтъ, въ этотъ самый день, выпили всѣ ополченія Іеговы изъ земли Египетской. (42) Это—ночь празднованія Іеговы при изведеніи ихъ изъ земли Египетской; эта самая ночь—Іеговъ, празднованіе у всѣхъ сыновъ Израиля въ роды ихъ.*

Ст. 37. *И двинулись сыны Израиля изъ Раамсеса къ Сокхоу.* Для точнаго понятія о пути, какимъ шли евреи изъ Египта,

необходимо было бы знать, гдѣ находился Раамсесъ, гдѣ находились Сокхоеъ и остальные два мѣста, въ которыхъ останавливались евреи до перехода чрезъ Черное море. Попытокъ указать опредѣленно мѣста еврейскихъ становъ сдѣлано было немало, при чемъ обнаружено много знанія, остроумія и трудолюбія: но при спокойномъ разсмотрѣніи этихъ попытокъ оказывается, что ничего твердаго онѣ доселѣ не дали, и мы ничего не прибавили бы въ уясненіе достовѣрности библейскаго разсказа о пути евреевъ, если бы изложили читателямъ разнообразныя предположенія о мѣстахъ, гдѣ останавливались евреи во время пути.

Нельзя думать, что евреи собрались въ Раамсесѣ, ожидая приказа выйти изъ Египта; пасхальную ночь евреи должны были встрѣтить въ своихъ домахъ (12, 22). Посему нужно думать, что въ Раамсесѣ евреи собрались изъ всей страны Гесемской уже послѣ приказа удалиться изъ Египта, и въ Раамсесѣ испекли себѣ хлѣба на дорогу (ст. 39).

Около шести сотъ тысячъ взрослыхъ мужчинъ, кромѣ дѣтей. Подъ дѣтьми здѣсь разумѣется вся семья, то есть, разумѣются и дѣти и женщины (Числь 32, 16; 2 пар. 20, 13); такъ поняты эти слова и греческими переводчиками. По цифрѣ мужчинъ нужно думать, что все количество еврейскаго народа превышало, при исходѣ изъ Египта, два милліона. Не разъ вычисляли, могли ли евреи до такой степени размножиться въ небольшой срокъ пребыванія въ Египтѣ. Допуская даже очень умеренное число рожденій, получаемъ цифру еврейскаго населенія въ Египтѣ такую (одинъ изъ образчиковъ вычисленія см. въ начертаніи церковно-Библейской Исторіи митроп. Филарета), которая можетъ превышать указанное Моисеемъ количество евреевъ (Сравн. изъясненіе 1, 7). Тѣ изъ іудейскихъ ученыхъ, которые расширяютъ время пребыванія евреевъ въ Египтѣ до четырехъ сотъ тридцати лѣтъ, вычитываютъ, что евреи могли бы за это время размножиться до количества 961,376,769 душъ.

Иныхъ, то есть могшихъ на своихъ ногахъ, не присаживаясь на то или другое животное, совершать путь.

Ст. 38. *И чужихъ много пошло съ ними.* Въ числѣ этихъ

чужихъ могли быть и Египтяне (Лев. 24, 10) и различные племена родственныхъ и неродственныхъ евреямъ племенъ (ср. Числ. 11, 4). Побужденіями уйти изъ Египта вмѣстѣ съ евреями могли служить для нихъ и страхъ, наведенный казнями и надежда найти себѣ безопасность среди евреевъ (ср. 9, 20; 10, 7; 11, 3), и желаніе не опустить случай оставить страну, въ которую иныя изъ нихъ могли попасть не по доброй волѣ.

Ст. 39. *И испекли они изъ тѣста, которое вынесли изъ Египта.* До Раамсеса евреямъ пришлось нести тѣсто въ квашняхъ. Слова: *которое вынесли изъ Египта* нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что евреи напекли хлѣба изъ захваченнаго ими тѣста только уже по выходѣ изъ Египта. Въ разбираемыхъ словахъ мы имѣемъ только сокращеніе рѣчи такой: «которое вынесли изъ разныхъ мѣстъ страны, гдѣ находились ихъ дома».

Лепешки прѣсныя,— ибо оно не было заквашено. Здѣсь указана только ближайшая причина, почему испечены были лепешки именно прѣсныя, а не другія какія-либо. Тѣсто же не было заквашено во исполненіе даннаго закона (12, 15).

Потому что знали ихъ изъ Египта, и они не могли мѣшкать. Эта причина объясняетъ не то, почему тѣсто не было заквашено, а то, почему евреи не успѣли напечь лепешекъ въ своихъ домахъ, и почему пришлось имъ сдѣлать это дѣло только собравшись въ Раамсесѣ.

Ст. 40. *А времени жительства сыновъ Израиля, которое прожили они въ Египтѣ, четыреста тридцать лѣтъ.* Изъ этихъ словъ совершенно ясно, повидимому, открывается, что евреи прожили въ Египтѣ 430 лѣтъ. Однакоже и древніе іудеи не принимали этихъ словъ въ томъ смыслѣ, какой они даютъ каждому читателю. Еще въ греческомъ переводѣ семидесяти толковниковъ вставлены въ этотъ стихъ слова, совсѣмъ измѣняющія хронологическое указаніе стиха, именно, послѣ словъ: *въ Египтѣ*, прибавлены слова: и въ землѣ *Ханаанской*, и въ другихъ спискахъ еще прибавлено къ этой вставкѣ: *они и отцы ихъ*. Послѣ такихъ вставокъ выходитъ, что четыреста тридцать лѣтъ прожили не одни сыны Израиля, но и отцы

ихъ и не въ одномъ Египтѣ, но и въ странѣ Ханаанской. Хронологическое показаніе, такимъ образомъ, измѣняется въ своемъ значеніи совершенно. Нѣтъ причинъ думать, что эти вставки сдѣланы греческими переводчиками на основаніи того еврейскаго текста, съ котораго они дѣлали переводъ. Правильнѣе думать, что переводчики своимъ переводомъ засвидѣтельствовали, какъ іудеи ихъ времени понимали разбираемое мѣсто. Въ такомъ же смыслѣ это мѣсто изъясняетъ и Апостоль Павелъ (Гал. 3, 17), изъясняетъ, конечно, не потому, что руководствовался въ этомъ случаѣ, какъ думаютъ нѣкоторые, вставками сдѣланными въ греческомъ переводѣ. Апостоль Павелъ прямо говоритъ, что завѣта, даннаго Аврааму, не отмѣняетъ законъ, *явившійся спустя* четыреста тридцать лѣтъ. Ясно, что Апостоль считаетъ четыреста тридцать лѣтъ, протекшихъ до времени Синайскаго законодательства, не со времени вступленія Іакова въ Египетъ, а со времени завѣта, даннаго Аврааму. Считаю же четыреста тридцать лѣтъ со времени завѣта, даннаго Аврааму, необходимо ограничить срокъ пребыванія евреевъ въ Египтѣ только числомъ двухъ сотъ пятнадцати лѣтъ. Такое разумѣніе разбираемаго выраженія сорокового стиха, указанное и греческими переводчиками и Апостоломъ Павломъ, согласуется и съ родословіемъ Моисея (Исх. 6, 16—20), который приходится внукомъ Кааѳу, сыну Левія, и правнукомъ самого Левія, сына Іаковлева. Вмѣстить три поколѣнія въ пространство двухъ сотъ пятнадцати лѣтъ весьма удобно (Псал. 89, 10), а растянуть три поколѣнія на 430 лѣтъ—весьма неудобно. Потому, не пополняя разбираемый стихъ никакими вставками, слѣдуетъ думать, что подъ сынами Израіля въ немъ разумѣтся все племя обѣтованія, включая и Авраама (ср. Римл. 9, 7; 2 Кор. 11, 22), а подъ Египтомъ, страню послѣдняго тяжкаго угнетенія, подразумѣвается и другая страна Ханаанская, въ которой племя обѣтованія оставалось племенемъ пришельцевъ, терпѣвшихъ не столь тяжкія, но все же озлобленія (Быт. 20, 2; 23, 4. 12; 26, 10. 20). Названіе страны, гдѣ племена обѣтованія пришлось вытерпѣть наибольшее угнетеніе, удобно можетъ выражать понятіе о землѣ пришествія и угнетенія вообще, ка-

кою была для племени Авраамова, кромѣ Египта, и страна обѣтованія, пока евреи не вступили въ дѣйствительное обладаніе ею.

Ст. 41. *Въ этотъ самый день*, то есть, въ первый день первой пасхи (12, 11. 14).

Вышли всѣ ополченія Іеговы. Іегова—Вождь народа еврейскаго, уже поборолъ Фараона и Египтянъ и вывелъ народъ свой изъ Египта на новую борьбу съ другими народами, не только на борьбу матеріальную, но и на духовную.

Ст. 42. *Это—ночь празднованія Іеговы.* Священный писатель желаетъ неизгладимыми чертами напечатлѣть въ памяти народа день выхода изъ Египта и потому еще разъ поясняетъ, что упомянутый въ предшествующемъ стихѣ *этотъ самый день* былъ день перваго празднованія пасхи, и еще разъ подтверждаетъ прежде данное повелѣніе (ст. 14) праздновать этотъ день и во всѣ будущіе роды.

Опредѣленіе права вкушать пасху (12, 43—51).

Ст. 43. *И сказалъ Іегова Моисею и Аарону: вотъ уставъ пасхи: никакой иноплеменникъ да не ѣстъ ее. (44) А всякій рабъ, купленный за серебро, когда обрѣжешь его, тогда пусть ѣстъ ее. (45) Поселенецъ и наемникъ да не ѣстъ ее. (46) Въ одномъ домѣ да будетъ съдаема; мяса не выноси изъ дома вонъ и костей не сокрушайте у нея. (47) Все общество Израиля да совершаетъ ее. (48) И если поселится у тебя пришлецъ и приготовитъ пасху Іеговы, то пусть обрѣзанъ будетъ у него весь мужескій полъ, и тогда пусть приступитъ къ совершенію ея и будетъ какъ туземецъ; а никакой необрѣзанный да не ѣстъ ее. (49) Законъ да будетъ одинъ для туземца и для пришельца, поселившася между вами. (50) И сдѣлали всѣ сыны Израиля; какъ повелѣлъ Іегова Моисею и Аарону, такъ и сдѣлали. (51) Въ этотъ самый день и вывелъ Іегова сыновъ Израиля изъ земли Египетской, по ополченіямъ ихъ.*

Ст. 43. *И сказалъ Іегова.* Время, въ которое дано было Моисею и Аарону, повелѣніе не допускать иноплеменниковъ до

участія въ яденіи пасхи, нельзя опредѣлять содержаніемъ стиха 38, то есть, нельзя рассуждать такъ: въ стихѣ 38 сказано, что съ евреями пошло изъ Египта много иноплеменниковъ; присоединеніе ихъ къ евреямъ вызывало на разрѣшеніе вопроса: могутъ ли иноплеменники принимать участіе въ совершеніи пасхи? Замѣчаніе, содержащееся въ стихѣ 50, заставляетъ думать, что законъ о недопущеніи иноплеменниковъ къ празднованію пасхи данъ былъ прежде совершенія первой пасхи и что евреи имѣли возможность приложить этотъ законъ къ первому же празднованію пасхи, о чемъ и говорятъ 50 стихъ.

Вотъ уставъ пасхи: никакой иноплеменникъ да не ѣстъ ее. Основаніе исключенія иноплеменниковъ изъ участія въ пасхальной жертвѣ заключалось въ томъ, что эта жертва была великимъ священнодѣйствіемъ. Чужому, невѣрующему человеку совершать священнодѣйствіе съ обществомъ вѣрующихъ -- было бы дѣломъ чуждымъ смысла и оскорбительнымъ для святыни.

Ст. 44. *А всякій рабъ, купленный за серебро, когда обрѣзешь его, тогда пусть ѣстъ ее.* Обрѣзаніе присоединяло къ церкви ветхозавѣтной; вновь присоединенный членъ церкви получалъ права, равныя съ правами другихъ членовъ церкви. Рѣчь идетъ о рабѣ иноплеменникѣ, купленномъ за деньги; а рабъ не купленный, но родившійся въ домѣ хозяина-еврея, и безъ того всегда долженъ былъ подвергаться обрѣзанію, во исполненіе закона, даннаго Аврааму (Быт. 17, 13); потому о послѣднемъ пѣтъ и рѣчи.

Ст. 45. Иноплеменники, успѣвшіе стать въ болѣе или менѣе близкія отношенія къ евреямъ, въ качествѣ ли временныхъ поселенцевъ, или въ качествѣ наемныхъ работниковъ, не должны вкушать пасху. Иначе сказать, какъ ни были бы тѣсны внѣшнія связи иноплеменника съ евреями, однѣ онѣ не могутъ служить основаніемъ для того, чтобы допустить иноплеменника къ участію въ пасхальной жертвѣ.

Ст. 46. 47. Здѣсь отчасти поясняются, отчасти пополняются изложенныя въ началѣ главы предписанія относительно совершенія пасхи (12, 3. 4. 9), именно, еще яснѣе, чѣмъ тамъ,

указано, что каждый агнецъ долженъ быть съѣдаемъ въ одномъ домѣ, что не должно выносить мясо изъ дома, то есть дѣлать агнца по различнымъ домамъ и для сего дробить его кости.

Ст. 48. *Если поселится у тебя пришлецъ*, то есть иноплеменникъ обзаведется своимъ домомъ и семьей въ твоей землѣ, и приготовитъ пасху Іеговѣ, то есть, пожелаетъ сдѣлать то, что обязанъ сдѣлать каждый еврей, домохозяинъ: онъ не долженъ приступать къ совершенію пасхи прежде, чѣмъ надъ всѣмъ мужескимъ поломъ его дома совершенно будетъ обрѣзаніе.

И будетъ какъ тузе мецъ, то есть, какъ природный еврей, съ печатію обрѣзанія.

Ст. 49. Законъ: «необрѣзанному не приступать къ вкушенію пасхи» одинаково обязателенъ и для еврея и для пришельца.

Ст. 50. Замѣчаніе, что всѣ сыны израиля, безъ изъятія, исполнили сообщенныя имъ предписанія о пасхѣ, относится ко всѣмъ касательно ея предписаніямъ, включая сюда и правъла относительно иноплеменниковъ.

Ст. 51. Слова стиха 51-го нѣтъ нужды относить, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, къ слѣдующей главѣ и связывать ихъ съ нею такъ: «въ тотъ самый день, когда Іегова выводилъ сыновъ израиля изъ земли Египетской, тогда онъ говорилъ»... для такой передѣлки связи мыслей едвали есть другое основаніе, кромѣ желанія освободить рѣчь священнаго писателя отъ укора въ повтореніи словъ, не разъ сказанныхъ и прежде. Слова стиха 51-го вполнѣ умѣстны и въ той связи, въ какой стоятъ: «все, относящееся къ празднованію дня пасхи, исполнено было евреями неопустительно; въ этотъ то день они были и помилованы и освобождены». Если бы и еще чаще священный писатель повторялъ, что въ этотъ именно день совершилось чудесное освобожденіе евреевъ отъ тяжкаго и многолѣтняго рабства: то это совершенно соотвѣтствовало бы высказанному съ величайшею ясностію желанію Моисея увѣковѣчать во всемъ народѣ память объ этомъ великомъ днѣ.

Законъ о первородныхъ и опръснокахъ (13, 1—16).

13, 1. И сказалъ Иегова Моисею, говоря: (2) Святи Мнѣ каждаго первенца, разверзающаго каждую утробу у сыновъ Израиля, у людей и у скота; онъ Мой. (3) И сказалъ Моисей народу: помните этотъ день, въ который выпили вы изъ Египта, изъ дома рабства; ибо рукою крѣпкою вывелъ васъ Иегова отсюда; и да не будетъ вкушаемо квасное. (4) Сегодня выйдите вы въ мѣсяцъ Авивъ. (5) И будетъ, когда введетъ тебя Иегова въ землю Хананеевъ, и Хеттеевъ, и Аморреевъ, и Есеевъ и Левусеевъ, которую клялся Онъ отцамъ твоимъ отдать тебѣ, землю, текущую молокомъ и медомъ: ты будешь совершать служеніе сіе въ этомъ мѣсяцѣ. (6) Семь дней тишь опръсноки, и въ день седьмой — праздникъ Иеговы. (7) Опръсноки да будутъ вкушаемы семь дней, и пусть не появляется у тебя квасное и не появляется у тебя квашеное во всей области твоей. (8) И обясни сыну твоему въ тотъ день, говоря: это— ради сдѣланнаго для меня Иеговою при исходѣ моемъ изъ Египта. (9) И да будетъ это для тебя знакомъ на руку твою и памяникомъ на глазахъ твоихъ, чтобы законъ Иеговы былъ въ устахъ твоихъ; ибо рукою крѣпкою вывелъ тебя Иегова изъ Египта. (10) И соблюдай уставъ этотъ въ положенное время, изъ году въ годъ. (11) И когда введетъ тебя Иегова въ землю Ханаанскую, какъ клялся онъ тебѣ и отцамъ твоимъ, и дастъ ее тебѣ: (12) отдѣляй Иегову все разверзающее утробу, и все разверзающее изъ приплода скота, что будетъ у тебя, мужескій полъ—Иегову. (13) И всякаго разверзающаго изъ ословъ выкунай овцею; и если не выкупишь, вымѣняй его; и каждаго первенца человѣческаго, изъ сыновъ твоихъ, выкунай. (14) И когда спроситъ тебя впоследствии сынъ твой, говоря: что это? то скажешь ему: рукою крѣпкою вывелъ насъ Иегова изъ Египта, изъ дома рабства. (15) И было,—когда Фараонъ заупрямился отпустить насъ, —что умертвилъ Иегова всякаго первенца въ землю Египетской, отъ первенца человѣческаго до первенца скота; посему я жертвую Иегову все, разверзающее утробу, мужескаго пола, и всякаго первенца изъ сыновъ моихъ выкупаю. (16) И да будетъ знакомъ на руку твою и памятною повяз-

кою на глазахъ твоихъ, что рукою крѣпкою вывелъ насъ Иегова изъ Египта.

13, 1. Законъ о первородныхъ, вмѣстѣ съ закономъ о празднованіи пасхи, имѣлъ тѣсную связь съ событіями исхода евреевъ изъ Египта, ясно указанную въ стихахъ—14 и 15. Первенцы Египетскіе были умерщвлены, а первенцы еврейскіе остались невредимы; посему и на будущее время народъ еврейскій долженъ отдавать своихъ первенцевъ Богу.

Ст. 2. *Святи Мнѣ*, то есть отдѣлай первородное Мнѣ; такъ изъясняется слово *святи* ниже въ стихѣ 12.

Онъ Мой. Здѣсь указано основаніе для отдѣленія, которое и должно совершать потому, что отдѣляемое принадлежитъ Иеговѣ, переставъ принадлежать людямъ.

Ст. 3. *И сказалъ Моисей народу*. Эти слова показываютъ, что теперь совершенно было Моисеемъ торжественное обнародованіе и прежде даннаго закона объ опрѣснокѣхъ (12; 15), и вновь даннаго закона о первородныхъ (13, 12. 13).

Помните этотъ день. Основанія для постоянного памятованія о днѣ выхода изъ Египта указаны въ этомъ же стихѣ самимъ Моисеемъ. Во-первыхъ, день выхода изъ Египта былъ днемъ выхода *изъ дома рабства*, то есть, днемъ освобожденія евреевъ отъ рабства. Во-вторыхъ, это освобожденіе совершенно *крѣпкою рукою* Иеговы, съ особою ясностію явившею свою силу въ самый день исхода, когда поражено было внезапною смертію все первородное.

Памятованіе о великомъ днѣ должно было и выражаться и, въ то же время, поддерживаться исполненіемъ законовъ объ опрѣснокѣхъ и о первородныхъ.

Ст. 4. Возвѣщая всему народу законъ о невкушеніи краснаго (ст. 3), Моисей, прежде всего, желаетъ утвердить въ народѣ памятованіе о днѣ и мѣсяцѣ исхода: *сегодня выходите вы въ мѣсяцъ Асивъ* (см. изъясненіе 12, 2). Въ это самое время и на будущіе годы (ст. 10 и 5) долженъ совершаться праздникъ Иеговѣ.

Ст. 5. *Когда оведетъ тебя Иегоза въ землю Хананеевъ... ты будешь совершать служеніе сіе въ этомъ мѣсяцѣ*. Здѣсь не о томъ говорится, что евреи должны будутъ совершать празд-

никъ пасхи и опрѣсноковъ только послѣ вступленія въ землю обѣтованную, но о томъ, что евреи и послѣ вступленія въ землю, *текущую молокомъ и медомъ* (см. изъясненіе 3, 17), то есть, послѣ пріобрѣтенія страны, въ которой будутъ жить среди изобилія и привольно, должны въ точности исполнять законъ о праздникѣ и времени его совершенія. Иначе сказать, законъ дается на всѣ роды, и забывать его, при наступленіи благополучія, евреи не должны.—О племенахъ, населявшихъ Палестину, см. въ изъясненіи 3, 17.

Ст. 6. *И въ день седьмой—праздникъ*. Указывается конечный день праздника, потому что начальный день празднованія, указанный и прежде (12, 16), не нуждался въ болѣе точномъ опредѣленіи.

Ст. 7. *Во всей области твоей*, то есть, въ твоихъ будущихъ владѣніяхъ. Понятно чувство, съ которымъ долженъ былъ выслушивать рѣчи о своихъ будущихъ владѣніяхъ народъ, еще не успѣвшій выдти изъ страны тяжкаго рабства.

Ст. 8 и 9. Обязательный рассказъ своимъ дѣтямъ о событіяхъ исхода, имѣвшій цѣлю передавать знаніе этихъ событій будущимъ родамъ евреевъ, и въ самихъ рассказчикахъ долженъ былъ укрѣплять память о всѣхъ чудесныхъ обстоятельствахъ исхода.

Да будетъ это для тебя знакомъ на руку твоею и памятникомъ на глазахъ твоихъ. Для памяти и сознанія каждаго еврея всѣ событія исхода и законы, связанные съ этими событіями, должны быть ясны, живы, можно сказать, осязательны въ такой же степени, въ какой ясенъ и осязателенъ былъ бы знакъ на рукѣ, или памятникъ на глазахъ (ср. притч. 3, 3). Слово объ этихъ событіяхъ и законахъ всегда должно быть наготовѣ, должно находиться въ устахъ. Памятованіе, доведенное до такой степени живости и ясности, обязательно по той причинѣ, что *рукою крѣпкою* вывелъ евреевъ Іегова, то есть, явивъ великія чудеса своего могущества.

Ст. 11. Какъ законъ о празднованіи пасхи и опрѣсноковъ данъ былъ для всѣхъ родовъ: такъ и законъ о первородныхъ долженъ быть въ полной силѣ и тогда, когда далеки будутъ отъ евреевъ, и временемъ и разстояніемъ, ужасы послѣдней

Египетской казни, и когда евреи будутъ жить уже въ собственной землѣ.

Ст. 12 и 13. Законъ, кратко изложенный въ стихѣ второмъ, получилъ здѣсь разъясненіе. Законъ указываетъ, что подъ первородными нужно разумѣть первородныхъ только мужскаго пола. Законъ указываетъ, какъ нужно поступать съ первородными изъ скота нечистаго, который означается здѣсь названіемъ, принадлежащимъ одному изъ нечистыхъ животныхъ, именно ослу. Первородныя изъ нечистыхъ животныхъ должны были выкупаться, то есть, замѣняться овцею, которая должна быть заклана въ жертву Господу (ст. 15. ср. Числь 18, 17).

А если не выкупишь, вымѣняй его. Вымѣнъ можетъ означать или замѣну нечистаго животнаго какимъ-либо другимъ предметомъ (будутъ ли то деньги, животное, или иной предметъ, могущій идти на пользу святилища), замѣну, произведенную не по произволу хозяина нечистаго первороднаго животнаго (ср. Лев. 27, 27), или же замѣну первороднаго животнаго всякимъ предметомъ, за какой согласятся взять животное въ свою собственность другіе евреи, и какой можетъ быть отданъ въ жертву Господу. Можетъ быть во избѣжаніе возможной при этомъ неправильности дѣйствій и установлена была впослѣдствіи оцѣнка нечистыхъ первородныхъ животныхъ самими священниками (Лев. 27, 27).

Каждаго первенца человѣческаго выкупай. Определенное правило относительно способа выкупа первенцевъ человѣческихъ дано впослѣдствіи (Числь 18, 16), а здѣсь узаконенъ только самый выкупъ. Думать, что здѣсь разумѣется выкупъ такой же, какой и для нечистаго животнаго, то есть, выкупъ овцею же, неудобно не только потому, что трудно допустить уравненіе въ этомъ отношеніи человѣка съ осломъ, но и потому, что назначенная впослѣдствіи сумма выкупа за первенца человѣческаго (Числь 18, 16),—пять саклей,—много превышала цѣну овцы.

Ст. 14 и 15. И по отношенію къ закону о первородныхъ, какъ и по отношенію къ закону объ опрѣснокахъ на еврея налагается обязанность разъяснять своимъ дѣтямъ связь этихъ

законовъ съ событіями исхода изъ Египта, такъ чтобы память объ этихъ событіяхъ жива была въ умѣ и сердцѣ каждаго еврея.

Ст. 16. Степень требуемой живости памяти о событіяхъ исхода указана въ томъ же образѣ какой употребленъ въ стихѣ девятомъ (см. изъясненіе сего стиха); только здѣсь вмѣсто слова: *памятникъ* употребленъ образъ, еще болѣе живой и болѣе соотвѣтствующій *знаку на руку*, именно: *повязка* на глазахъ, которой глаза не могутъ не видѣть.

II. Горскій-Платоновъ

(Продолженіе булетъ)

ВОСПОМИНАНІЯ

СВЯЩЕННИКА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Д-ра о. Владиміра Гетте,

БЫВШАГО СВЯЩЕННИКОМЪ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Продолженіе *).

VII.

Высокопреосвященный Сибуръ въ Римъ для опредѣленія догмата о Непорочномъ Зачатіи.—Принятіе имъ, передъ отъѣздомъ, нѣкоторыхъ предосторожностей относительно меня.—Прекрасное ультрамонтанское заявленіе (declaration), составленное аббатомъ Дарбоа.—Я не соглашаюсь на него.—Архіепископъ присылаетъ ко мнѣ своего лакея за моей перепиской съ архіепископскимъ дворомъ.—Въ Римѣ издѣваются надъ архіепископомъ.—Онъ соглашается на преслѣдованіе галликанцевъ.—Его однофамилецъ Сибуръ епископъ Триполійскій.—Дарбоа апостольскій протонотарій.—Архіепископу обѣщаютъ кардинальское достоинство.—По возвращеніи своемъ онъ принимается говорить въ духъ ультрамонтанства.—Онъ преслѣдуетъ Лёкё, Пропсоля и Лаборда.—Способы, употребляемые имъ для лишенія меня мѣста.—Интриги его не удаются.—Онъ увѣдомляетъ меня, что я долженъ удалиться.—Представленные мною условія для подачи въ отставку.—Прекрасное свидѣтельство, данное мнѣ.—Я подаю въ отставку.—Первое мое письмо къ высокопреосвященному Сибуру.—Сильное волненіе въ архіепископскомъ дворѣ.—У меня отнимается и тотчасъ опять возвращается право совершать Богослуженіе.—Архіепископъ приглашаетъ меня къ себѣ. Наше свиданіе.—Высказанныя мною ему истины.—Онъ сердится, но потомъ успокаивается и обѣщаетъ дать мнѣ мѣсто, спустя нѣкоторое время.—Его убиваетъ священникъ Верже.

Высокопреосвященный архіепископъ Сибуръ былъ хорошо извѣстенъ въ Римѣ. Знали, что онъ сильно гордился своимъ титуломъ архіепископа Парижскаго, что былъ очень тщеславенъ и алченъ къ почестямъ. Не посылая ему, наравнѣ съ другими епископами приглашенія въ Римъ, по поводу опредѣленія догмата о Непорочномъ Зачатіи, были вполнѣ увѣрены, что онъ употребитъ всѣ усилія для того, чтобы быть приглашеннымъ, и что тогда они найдутъ тысячу случаевъ привлечь

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1890 г., № 10.

его на сторону ультрамонтанъ. Дѣйствительно, высокопреосвященный Сибуръ написалъ въ Римъ и жаловался на то, что его не пригласили. Ему тотчасъ прислали приглашеніе, и для того, чтобы польстить его тщеславію, объявили, что для него приготовлено помѣщеніе въ Ватиканѣ. Онъ былъ въ восторгѣ; но прежде чѣмъ уѣхать, хотѣлъ принять нѣкоторыя предосторожности относительно о. Лёкё и меня. Что касается до другихъ священниковъ, подверженныхъ запрещенію Индекса, аббата Происоля и аббата Лаборда, то архіепископъ не считалъ нужнымъ заботиться о нихъ—они заранѣе приносились въ жертву. Архіепископъ прекрасно зналъ, что для того, чтобы поправиться въ Римѣ, онъ долженъ былъ отречься отъ тѣхъ, кого самъ прежде поощрялъ; и онъ рѣшился поступать такъ, безъ всякихъ угрызений совѣсти.

О. Лёкё былъ два раза въ Римѣ для устройства своихъ дѣлъ съ Конгрегаціей Индекса; онъ то, во время своего второго путешествія, и отвезъ въ Конгрегацію Индекса мои 8, 9 и 10 томы. Онъ не достигъ ничего ни для себя, ни для меня. Въ Римѣ умышленно желали нравственно убить насъ. Ни у меня, ни у него не было достаточно денегъ, чтобы соблазнить членовъ святой Конгрегаціи. Только благодаря своей щедрости книжная торговля Гашеттъ (Hachette) могла достигнуть, съ условіемъ нѣкоторыхъ исправленій, разрѣшенія продажи съ одобреніемъ Словаря Буилъе (Bouillet), который и теперь наполненъ ошибками. О. Лёкё такъ же какъ и я не имѣлъ денегъ, а потому мы должны были отказаться отъ возможности поправить наше дѣло.

Высокопреосвященный архіепископъ хорошо зналъ, что онъ долженъ былъ пожертвовать нами для того, чтобы стать удобнымъ Риму. Онъ рѣшился на это; но относительно меня испытывалъ нѣкоторое стѣсненіе. Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ поощрялъ меня,—я велъ съ архіепископскимъ дворомъ очень дѣятельную переписку, и было извѣстно, что я имѣлъ въ рукахъ такіе документы, которые могли служить доказательствомъ того, что онъ поощрялъ меня противиться Индексу, и что письма мои помѣщенные въ нѣкоторыхъ журналахъ были составлены съ согласія епископской власти. Онъ

осмѣлился однажды прислать ко мнѣ своего лакея съ требованіемъ возвратить ему всю мою переписку съ архіепископскимъ дворомъ. Я былъ оскорбленъ этимъ неприличнымъ поступкомъ. Въ первую минуту я хотѣлъ отказать, но подумалъ, что меня сейчасъ же подъ какимъ-нибудь предлогомъ могутъ лишитъ мѣста и я тогда сразу очутился бы въ крайне затруднительномъ положеніи. Я рѣшилъ покориться. Я пошелъ въ свой кабинетъ, отобралъ нѣсколько писемъ, а изъ остальныхъ сдѣлалъ свертокъ и отдалъ лакею, которому было дано столь дурное порученіе отъ архіепископа. Такъ какъ этотъ человѣкъ не принесъ мнѣ никакого письма, то и я въ свою очередь не далъ ему письма. Мнѣ не желали прислать письма потому, что оно должно было по необходимости заключать въ себѣ вещи компрометирующія. Какой позоръ! И тотъ, кто совершалъ подобный поступокъ, былъ тотъ самый архіепископъ, который сдѣлалъ мнѣ столь торжественный пріемъ, который обѣщалъ мнѣ высокую должность, *какъ только я выйду на хорошую дорогу*. Онъ совѣтовалъ мнѣ вести отчаянную войну съ Конгрегаціей Индекса, одобрялъ мои письма, написанныя въ журналѣ *Univers*, противилъ настояніямъ нунціатуры, Паллю, *трезъ шутовъ (pierrots)* незаконнаго Ла-Рошельскаго собора и нѣкоторыхъ другихъ. Честолюбіе заглушило въ немъ всякое нравственное чувство! Онъ домогался сдѣлаться кардиналомъ!!! Сколько славы приобрѣлъ бы онъ; если бы вмѣсто фіолетоваго облаченія надѣлъ красное одѣяніе! Подобная перспектива такъ привлекала его, что онъ не оставался ни передъ какою низостью.

Между тѣмъ онъ желалъ бы привезть въ Римъ прекрасное ультрамонтанское заявленіе (*declaration*), подписанное мною и содержащее актъ изъявленія моей покорности Конгрегаціи Индекса. Можетъ быть онъ сохранилъ ко мнѣ нѣкоторую привязанность, и надѣялся, такимъ образомъ, спасти меня, не компрометируя самого себя. Однажды я приглашенъ былъ г. Дарбоа по дѣлу, касающемуся меня. Я отправился къ бывшему моему другу, къ которому никогда не чувствовалъ ни малѣйшей привязанности. Когда я пришелъ къ нему, то онъ старался быть любезнымъ и сказалъ мнѣ, что высокопреосвя-

щенный желалъ, чтобы я подписалъ нужный ему документъ. Я напомнилъ ему, что высокопреосвященному уже былъ переданъ отъ меня документъ, которымъ онъ остался доволенъ. «Онъ желаетъ другого» отвѣчалъ Дарбоа, и затѣмъ представилъ мнѣ документъ, написанный на большомъ листѣ великолѣпной бумаги. Я прочелъ его и, не обративъ вниманія на прекрасную бумагу, зачеркнулъ все то, что было противно православію; замѣнилъ нѣкоторыя фразы другими и сказалъ ему: «Вотъ все, что можно требовать отъ меня сообразно съ каноническимъ правомъ».

«Я не могу принять этого», отвѣтилъ мнѣ Дарбоа. «Но, сказалъ я ему, все это согласуется съ тѣмъ, что до сихъ поръ отъ меня требовалъ высокопреосвященный архіепископъ». «Пойдемъ къ высокопреосвященному, сказалъ Дарбоа, и представимъ ему вашу редакцію».

Онъ повелъ меня окольными путями въ кабинетъ архіепископа; насъ приняли немедленно. Прочитавъ мою редакцію, архіепископъ ограничился слѣдующими словами. «Я не это желалъ получить отъ васъ». «Совѣсть моя не позволяетъ мнѣ дѣлать большихъ уступокъ». «Въ такомъ случаѣ, сказалъ архіепископъ, ограничимся этимъ». И прекрасное объявленіе Дарбоа, вѣроятно, было положено въ корзину.

Архіепископъ отправился въ Римъ въ сопровожденіи Дарбоа и своего однофамильца Сибура-аббата и почетнаго главнаго викарія (*vicaire général honoraire*). Архіепископъ былъ принятъ папой и его приближенными съ притворнымъ почетомъ, и такъ былъ польщенъ этимъ приемомъ, что тотчасъ же былъ не только привлеченъ на сторону партіи, признававшей догматы о Непорочномъ Зачатіи, но и сдѣлался яримъ ультрамонтаниномъ. Во время большой церемоніи ему назначили около папы почетное мѣсто. Онъ несъ ручной подсвѣчникъ съ зажженной свѣчой. Эту обязанность исполняютъ у епископовъ во время торжественнаго служенія семинаристы. Втихомолку говорили, что ему дали нести свѣчу, потому что онъ нуждался въ свѣтѣ. Бѣдный Сибуръ сдѣлался напыщеннымъ; онъ уже воображалъ себя кардиналомъ. Для своего однофамильца онъ добился титула епископа Триполя и Сиріи, а для

Дарбоа титулъ апостольскаго протонотарія. Этотъ титулъ давалъ ему право носить одѣяніе фіолетоваго цвѣта, такое же какъ у епископовъ. Онъ былъ сильно польщенъ даже и одной честью, потому что никогда не рѣшался носить одѣяніе такого же цвѣта, какое носилъ архіепископъ и довольствовался прекрасной кисточкой (gland) на своей шляпѣ.

Что касается до архіепископа, то онъ для себя самого ничего не прибрѣлъ, но ему дали понять что его сдѣлають кардиналомъ, какъ только онъ справится съ галликанцами своей епархіи, преимущественно же съ о. Лёкё. аббатомъ Пронсолемъ, аббатомъ Лабордомъ и мной.

По возвращеніи въ Парижъ архіепископъ лишилъ о. Лёкё, по крайней мѣрѣ по видимому, должности главнаго викарія, и оставилъ ему только, какъ средство къ существованію, мѣсто каноника въ соборѣ богоматери. Аббатъ Лабордъ не принадлежалъ къ епархіальному духовенству; по всѣмъ ризницамъ данъ былъ приказъ не давать ему священническаго облаченія для служенія обѣдни. Аббатъ Пронсолъ былъ лишенъ должности священника (aumonier) больницы для слѣпыхъ (Quinze—Vingt), которую онъ занималъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Ему не дали никакого пенсіона.—Спустя нѣкоторое время онъ ослѣпъ, и умеръ въ духовномъ госпиталѣ, извѣстномъ подъ названіемъ больницы Маріи—Терезіи. Аббатъ Лабордъ умеръ спустя нѣсколько времени въ госпиталѣ Милосердія.

Оставалось еще принести въ жертву меня. Начали искать предлога добратъся до меня. Для отысканія его, употребили болѣе года.

Прежде всего меня заставили оставить госпиталь святого Людовика и послали въ госпиталь Состраданія (Pitié), въ надеждѣ, что я скоро начну борьбу съ однимъ изъ собратовъ, который дрался съ моимъ предшественникомъ. Этотъ священникъ былъ сумасшедшій и умеръ въ неистовомъ помѣшателствѣ въ частной лечебницѣ. Я не дрался съ нимъ, но какъ только пріѣхалъ, то онъ началъ смотрѣть на меня косо и позволилъ себѣ грубо относиться ко мнѣ. Я не обратилъ на это никакого вниманія, исполнялъ свои обязанности, не обращая вниманія на бѣднаго сумасшедшаго.

Однажды я былъ крайне удивленъ, получивъ отъ г. главнаго викарія, на котораго возложенъ былъ надзоръ за госпиталями, записку, въ которой онъ приглашалъ меня къ себѣ. Я зналъ эту личность, и все Парижское духовенство знало его очень хорошо. Это былъ, глубоко безправственный человекъ. Каждый вечеръ онъ снималъ съ себя духовное платье, переодѣвался и отправлялся то въ театръ, то въ другія увеселительныя мѣста. Онъ былъ взятъ вмѣстѣ съ другими важными лицами за участіе въ пресловутомъ союзѣ квартала военной школы. Дѣло было замято, чтобы не компрометировать важныхъ лицъ, которыя были взяты вмѣстѣ съ нимъ. Но онъ принужденъ былъ оставить должность главнаго викарія и ограничиться должностью каноника. Когда же онъ пригласилъ меня къ себѣ, то еще находился въ полномъ блескѣ своей должности главнаго викарія. Онъ принялъ меня съ обычной своей грубостью и заявилъ, что я дурно обращаюсь съ моимъ собратомъ. Я повернулся къ нему спиною и направился къ двери. Онъ послѣдовалъ за мною, говоря, что ему нужно со мною переговорить. Я не отвѣтилъ ему ничего, открылъ дверь и захлопнулъ ее предъ самымъ его носомъ. Я тотчасъ же написалъ архіепископу, что если ему угодно будетъ дѣлать мнѣ замѣчанія, по поводу моего собрата, то я прошу его указать мнѣ главнаго викарія менѣе грубаго и умѣющаго наводить болѣе точныя справки. Прекрасно было пзвѣстно, что меня нельзя было ни въ чемъ упрекнуть, и архіепископъ не настаивалъ болѣе.

Прибѣгли къ другому средству, чтобы обвинить меня. У меня служила почтенная женщина, которая поступила ко мнѣ еще въ Блоа, по рекомендаціи Маркиза де Монпеза (Montpezat) и графа Жюинье (Juigné) съ дозволенія преосвященнаго Фабръ-де-Ессара.

Эта женщина послѣдовала за мной въ Парижъ, гдѣ она имѣла отношенія съ семействомъ графа Монталамбера, котораго она была *молочной сестрой*. Я не знаю, какимъ образомъ узнали объ этомъ въ дворѣ парижскаго архіепископа. Г. Сибуръ Триполійскій построилъ на этомъ прекрасную интригу. Черезъ посредство одной дамы, родственницы Монталамбера, онъ просилъ мою прислугу прійти къ нему въ дворъ архіе-

пископа, но ничего мнѣ не говорить объ этомъ. Она не обратила никакого вниманія на послѣднее предостереженіе и прямо спросила меня, должна ли она отправиться по приглашенію. «Отправьтесь сказалъ я, мы увидимъ, что изъ всего этого выйдетъ». Она отправилась къ Триполійскому преосвященному, который говорилъ съ ней приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «аббатъ Гетте не имѣетъ прочнаго положенія; для его пользы и блага мы должны прибѣгнуть къ извѣстному рѣшенію; мы знаемъ, что вы весьма почтенная женщина и потому желаемъ дать вамъ другое мѣсто. Семейство Манталамберовъ заботится о васъ и мы думали назначить васъ начальницей приюта для молодыхъ дѣвушекъ. Вамъ будетъ тамъ лучше, нежели у аббата Гетте. Черезъ недѣлю придите ко мнѣ, и мы поговоримъ объ этомъ болѣе подробно». Онъ проводилъ ее и далъ ей пятьдесятъ франковъ. По возвращеніи ко мнѣ, моя служанка заявила мнѣ, что не желала предлагаемаго ей мѣста, и что она отдастъ полученныя ею пятьдесятъ франковъ. «Спрячьте ихъ, они вамъ понадобятся, а черезъ недѣлю отправьтесь къ *Триполійскому преосвященному*». Она послѣдовала моему совѣту. Сибуръ Триполійскій вообразилъ, что приобрѣлъ ея довѣріе, и началъ распрашивать о моемъ частномъ поведеніи, и о томъ не было ли чего такого, въ чемъ бы меня можно было упрекнуть.

Честная женщина отвѣчала, что она не знаетъ въ чемъ меня можно упрекнуть, и просила дать ей пемного времени для того, чтобы обдумать предложеніе сдѣланное ей по поводу управленія приютомъ. *Триполійскій преосвященный* далъ ей опять пятьдесятъ франковъ, и просилъ прійти къ нему, какъ только она рѣшится принять предлагаемое предложеніе. По возвращеніи ко мнѣ она начала плакать и говорить, что мнѣ хотятъ сдѣлать зло, и что она не пойдетъ больше въ дворъ архіепископа и не желаетъ предлагаемаго ей мѣста. Я предоставилъ ей полную свободу. Не видя ее болѣе въ дворѣ архіепископа, поняли, что поступали не такъ, какъ слѣдовало, и что я, вѣроятно, узналъ объ интригѣ.

Итакъ, они должны были отказаться отъ нея.

Спустя нѣкоторое время я получилъ отъ самого архіепис-

скопа приглашеніе прійти къ нему. Я отправился и засталъ его въ его кабинетѣ съ преосвященнымъ Триполійскимъ; преосвященнымъ Дарбоа и бѣднымъ отцемъ Лёкё, которому нечего было дѣлать при дворѣ архіепископа, по крайней мѣрѣ, оффиціально. Я поклонился архіепископу, но даже и не посмотрѣлъ ни на одного изъ его приближенныхъ. Архіепископъ посадилъ меня около себя и сказалъ мнѣ торжественнымъ тономъ: «господинъ аббатъ, васъ обвиняютъ въ янсенизмѣ; скажите мнѣ откровенно, признаете ли вы пять предложеній Янсениуса, осужденныхъ какъ еретическія?» Я отвѣчалъ. «Я не признаю ни одного изъ пяти предложеній, и вызываю всякаго, кто можетъ найти въ моемъ трудѣ, хотя одно слово, которое доказывало бы, что я признаю это ученіе». «Въ такомъ случаѣ, сказалъ архіепископъ, смотря на о. Лёкё, аббата Гетте нельзя обвинить въ янсенизмѣ». Тогда началъ говорить о. Лёкё, и запутался въ массѣ весьма темныхъ соображеній, доказывающихъ, что можно быть янсенистомъ четырьмя способами. Добрякъ раздражалъ мнѣ нервы: «Вы забываете, сказалъ я ему, о пятомъ способѣ, который только и есть истинный: Янсенисты хорошіе христіане, которые не любятъ іезуитовъ. Теперь, господинъ Лёкё, позвольте выразить вамъ мое удивленіе, что именно вы беретесь обвинять меня. Вы мой собратъ по Индексу, и уже одно это должно было побудить васъ предоставить право обвиненія его высокопреосвященству архіепископу, или преосвященному Триполійскому и аббату Дарбоа. Они столько же учены, какъ и вы, и они не были причислены къ писателямъ подозрѣваемымъ въ неправомысліи. Мнѣ очень тяжело, въ виду вашихъ лѣтъ, дѣлать вамъ подобныя замѣчанія, но мнѣ кажется, что вы заслуживаете ихъ. Вамъ болѣе чѣмъ кому бы то ни было извѣстно, насколько я старался угодить его высокопреосвященству архіепископу моими отвѣтами журналу *Univers*; какъ я согласился на всѣ поправки въ моихъ статьяхъ, сдѣланныя вами и его высокопреосвященствомъ архіепископомъ; какъ я всегда держалъ себя скромно и не нарушалъ мира. Развѣ вы забыли наши весьма частыя сношенія?»

Архіепископъ остановилъ меня, поднялся съ мѣста и ска-

заль: «Не сердитесь, мой дорогой аббать. Вопросъ исчерпанъ. Мы къ нему болѣе не возвратимся».

Я поклонился архіепископу и удалился; его приближенные имѣли довольно смущенный видъ, въ особенности о. Лёкё, который не ожидалъ встрѣтить подобнаго объясненія.

Итакъ, нужно было искать другого предлога для устраненія меня отъ должности. Такъ какъ меня не могли ни въ чемъ упрекнуть, то архіепископъ принужденъ былъ потребовать, чтобы я самъ подалъ въ отставку. Онъ еще разъ позвалъ меня въ архіепископскій дворъ, чтобы сдѣлать мнѣ это предложеніе. Я отвѣчалъ: «ваше высокопреосвященство, я не могу подавать въ отставку. Вы сами предложили мнѣ мѣсто среди вашего духовенства; хотя то мѣсто, которое я занимаю теперь, должно быть только временнымъ, и я долженъ оставить его съ тѣмъ, чтобы занять, *по вашему собственному выраженію, другое болѣе соответствующее моимъ заслугамъ мѣсто.* Вы можете лишить меня мѣста; но если я самъ подамъ въ отставку, то косвеннымъ образомъ признаю себя виновнымъ; а между тѣмъ вы сами знаете, что меня нельзя ни въ чемъ упрекнуть. Если вы лишите меня мѣста, то поступите произвольно, и вся вина будетъ на вашей сторонѣ».

«Я имѣю на это право», гордо отвѣчалъ архіепископъ. «Нѣтъ, ваше высокопреосвященство, вы не имѣете *на это права*, а имѣете только власть; если вы воспользуетесь ею, то это будетъ противно праву». «Мы посмотримъ», прибавилъ онъ и отпустилъ меня.

Наконецъ, наступилъ день великой несправедливости, и я былъ увѣдомленъ главнымъ викаріемъ о томъ, что долженъ былъ оставить мѣсто въ теченіе не болѣе двухъ недѣль. Я отвѣчалъ, что назначенное время, не согласуется съ сроками найма квартиръ, и что мнѣ остается еще два мѣсяца, чтобы найти квартиру. Я прекрасно зналъ, куда долженъ былъ удалиться; но хотѣлъ, чтобы знали, что если меня и лишаютъ мѣста, то это происходитъ не вслѣдствіе какого-нибудь проступка съ моей стороны, требовавшаго немедленнаго моего изгнанія. Я получилъ на мою просьбу *весьма вѣжливое согласіе.*

Мною предложено было еще другое условіе, для моего отъѣзда. Условіе это заключалось въ томъ, чтобы мнѣ дали письменное свидѣтельство въ томъ, что меня не признавали виновнымъ ни въ чемъ. Я не желалъ имѣть печатнаго свидѣтельства, которое дается всѣмъ священникамъ, отъ которыхъ желаютъ отдѣлаться. И письменное свидѣтельство имѣло свое значеніе. Просьба моя была удовлетворена, и преосвященному Дарбоа поручено было выдать мнѣ это письменное свидѣтельство. Оно было написано въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

(Мѣсто для герба).

«Maria-Daminicus-Augustus Sibour, miseratione divina et sanctae Sedis Apostolicae gratia, Archiepiscopus Parisiensis.

«Omnibus quorum interesse poterit fidem facinus et testamur, Dilectum nobis in Christo Magistrum Renatum Franciscum Guettè, Diocesis Blesensis Presbyterum.

«Nobis optime notum, pium esse et probum, moribus viro ecclesiastico dignis commendabilem; nullis eum poenis, censuris aut sententiis ecclesiasticis, saltem quae ad nostram notitiam pervenerint, innodatum esse, nihilque Nobis obstare videri quominus, in locis per quos illum transire aut in quibus commorari contigerit, sacrosanctum Missae sacrificium celebrare ipsi permittatur à Superioribus Ecclesiasticis.

«Datum Parisiis, sub signo Vicarii nostri Generalis, sigillo nostro, ac Secretarii Archiepiscopatus nostri subscriptione, anno Domini millesimo octingentesimo quinquagesimo sexto die vero mensis aprilis quinta.

«Дарбоа, глав. вѣн.

«*De Mandato Illustrissimi et Reverendissimi*

(Мѣсто
печати).

«*D. D. Archiepiscopi Parisiensis*

«*E. Suquet,*

«*Praesb. Sec.*».

Итакъ, я получилъ письменное свидѣтельство въ томъ, что:
«Архіепископскому двору было хорошо извѣстно, что я былъ благочестивъ и честенъ, отличался нравственностью до-

стойною человѣка духовнаго званія, что я не подвергался никакому наказанію, духовному осужденію или приговору, и что я не совершилъ ничего такого, что могло бы не позволить мнѣ, служить обѣдню вездѣ, гдѣ бы я ни былъ, съ разрѣшенія высшихъ духовныхъ лицъ».

Какъ только пришло время моей отставки, то я напечаталъ *первое письмо къ его высокопреосвященству Сибуру, архіепископу Парижскому.*

Вотъ оно:

«Non laedas servum in veritate operantem». Не обращайтесь дурно со слугою, работающимъ во истинѣ (Эккл. VII, 22).

«Иисусъ Христосъ сказалъ:

«Блаженны изгнанные за правду; ибо ихъ есть царство небесное.

«Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать и всячески неправедно злословить ради Меня.

«Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесахъ.

«Остерегайтесь же людей; ибо они будутъ бить васъ въ своихъ синагогахъ.

«Ученикъ не выше Учителя и слуга не выше Господина своего.

«Довольно для ученика, чтобы онъ былъ какъ Учитель его и для слуги, чтобы онъ былъ какъ Господинъ его. Если хозяина дома назвали вельзевуломъ; не тѣмъ ли болѣе домашнихъ его?»

«Итакъ, не бойтесь ихъ, ибо нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы, и тайнаго, что не было бы узнано».

(Евангеліе отъ Матѳея гл. V и X).

Парижъ, 14 апрѣля 1856 года.

Ваше Высокопреосвященство.

Покидая должность, которую вы съ такой расположенностію довѣрили мнѣ, приблизительно пять лѣтъ тому назадъ, я долженъ вамъ напомнить о нѣкоторыхъ фактахъ, которые вѣ-

роятно позабыты вами, вслѣдствіе вашихъ многочисленныхъ занятій.

Вы знаете, ваше высокопреосвященство, что я оставилъ свою прежнюю епархію для того, чтобы свободнѣе работать для составленія исторіи нашей знаменитой Французской Церкви, и что въ этой епархіи я исполнялъ возложенныя на меня обязанности такъ, что заслужилъ уваженіе и похвалы моихъ начальниковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь въ Парижѣ, я исполнялъ тяжелую обязанность, которая была противна моей природѣ, въ госпиталѣ Святого-Людовика и госпиталѣ Богоматери — de Pitié! Въ теченіе этого времени свирѣпствовали жестокия эпидеміи, и я исполнялъ свою обязанность со скромностью, не искалъ ни отъ кого похвалы и не заботился о томъ, что вы могли подумать обо мнѣ, потому что, благодаря Бога, я, ваше высокопреосвященство, не честолюбивъ, и въ своихъ поступкахъ руководствуюсь тѣми побужденіями, которыя должны быть присущи священнику.

Въ то время, какъ я только думалъ объ исполненіи своей обязанности и объ *Исторіи французской церкви*, на трудъ мой былъ сдѣланъ тайный доносъ въ Конгрегацію Индекса, которая подвергла его осужденію, не принявъ въ соображеніе правилъ, которыя столь благоразумно предписаны ей ученымъ папой Бенедиктомъ XIV.

Я до того времени не могъ даже предполагать возможности подобныхъ интригъ. Во всемъ томъ, что относится къ правомыслию моихъ убѣжденій, я основывался на глубокихъ изслѣдованіяхъ, честныхъ намѣреніяхъ, и на одобреніяхъ и поощреніяхъ сорока двухъ епископовъ Франціи.

Отъ васъ, ваше высокопреосвященство, я не получилъ такого письма, какъ отъ упомянутыхъ сорока-двухъ епископовъ, но на основаніи всего того, что вы говорили о моей книгѣ, по пріѣздѣ моемъ въ Парижъ, я позволяю себѣ сказать, что вы были въ числѣ моихъ одобрителей. Запрещеніе Индексомъ *Исторіи французской церкви* поразило васъ почти такъ же, какъ и меня. Я легко замѣтилъ, откуда шелъ ударъ; мы имѣли по этому поводу нѣсколько конфиденціальныхъ переговоровъ; ваши слова еще сохранились у меня въ памяти. Неужели, ваше высокопре-

освященство, я долженъ напоминать вамъ о нихъ? Вы не только откровенно говорили со мной по поводу совершенной противъ меня несправедливости, но вы побудили меня прійти къ соглашенію съ тремя духовными лицами, имена которыхъ я могу назвать вамъ, для противодѣйствія притязаніямъ Римскаго двора и Конгрегаціи Индекса въ особенности. Я написалъ сочиненіе въ указанномъ мнѣ направленіи, но одинъ изъ священниковъ, къ которому вы посовѣтовали мнѣ обратиться, отсовѣтовалъ мнѣ печатать его, говоря, что вы не поддержите меня въ моей борьбѣ. Спустя нѣкоторое время, одинъ изъ вашихъ лакеевъ принесъ мнѣ письмо, въ которомъ отъ вашего имени потребовали отъ меня всю мою корреспонденцію съ архіепископскимъ дворомъ, касавшуюся дѣла, запрещенія моего труда Индексомъ. Я счелъ это требованіе оскорбленіемъ для себя. Я, ваше высокопреосвященство, готовъ былъ отказать. Но подумавъ нѣсколько минутъ, передалъ вашему лакею часть той корреспонденціи, которая причиняла вамъ столько безпокойства, для избѣжанія непріятнаго столкновенія; но я понялъ, что хорошо поступилъ, послѣдовавъ совѣту—не печатать моего сочиненія противъ Конгрегаціи Индекса.

Журналъ *Univers* оскорблялъ меня по поводу опредѣленія этой Конгрегаціи. Письма, посылаемая мною въ эту газету, передѣлывались главнымъ викаріемъ, котораго вы спеціально назначили для моего дѣла; передѣлки эти были сообщаемы вамъ, въ моемъ присутствіи. Я даже имѣлъ честь быть приглашеннымъ въ архіепископскій дворъ, для переговоровъ съ вами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, вы, ваше высокопреосвященство, выказывали себя вѣрнымъ ученію галликанской церкви. Я былъ этимъ очень счастливъ, потому что ученіе это истинно и сообразно съ ученіемъ святаго древняго христіанскаго преданія.

Въ 1853 году, Ла-Рошельскій соборъ, гдѣ желали осудить Боссюэта, осудилъ восьмой томъ моей *Истории французской церкви*. По этому случаю, вы, ваше высокопреосвященство, потребовали отъ меня заявленія (*declaration*), которое заставило меня исполнить извѣстныя формальности относительно пап-

скаго престола и васъ для того, чтобы я могъ отвѣчать моимъ противникамъ, въ случаѣ, если бы это понадобилось. Я составилъ это заявленіе вмѣстѣ съ аббатомъ Дарбоа согласно съ вашимъ желаніемъ; оно заслужило ваше одобреніе. Въ то же самое время, я предложилъ вамъ отдать мой трудъ на разсмотрѣніе комиссіи, но мнѣ отвѣтили отъ вашего имени, что вы считали это неумѣстнымъ.

Послѣ такого отвѣта я, ваше высокопреосвященство, былъ крайне удивленъ, когда спустя нѣкоторое время послѣ вашей поѣздки въ Римъ, въ концѣ 1854 года, я получилъ письмо, въ которомъ мнѣ писали отъ вашего имени слѣдующее: что вы принуждены отдать мое сочиненіе на разсмотрѣніе комиссіи, и что вы надѣетесь, что я избавлю васъ отъ этой непріятности, удалившись въ свою первоначальную епархію. Въ случаѣ, если я соглашусь на предложенное мнѣ условіе, то мнѣ обѣщали не отдавать на разсмотрѣніе комиссіи мой трудъ. Я уже, ваше высокопреосвященство, съ тѣхъ поръ понималъ, что не долго останусь въ предѣлахъ официальнаго Парижскаго духовенства. Я скоро пришелъ къ слѣдующему рѣшенію: отвѣтить вамъ, что вы можете отдать мой трудъ на разсмотрѣніе тому, кому вамъ будетъ угодно; что я готовъ представить тѣмъ судьямъ, на которыхъ вы укажете мнѣ, такія разъясненія, какія они пожелаютъ; что вы можете лишить меня порученной мнѣ вами должности, когда вы найдете это нужнымъ, не заботясь о томъ, останусь ли я въ Парижѣ, или же удаюсь въ мою прежнюю епархію.

Спустя нѣкоторое время, я былъ позванъ къ вашему высокопреосвященству. У васъ въ то время находились преосвященный Триполійскій, о. Лекё и Дарбоа. Главный викарій, начавшій свою рѣчь, былъ мною изобличенъ въ его ложныхъ и неправильныхъ мнѣніяхъ касательно затропутокъ имъ вопросовъ. Его затруднительное положеніе было для меня тяжело. Я никогда не могъ думать, чтобы онъ, находившійся въ одномъ со мной положеніи, и многократно выражавшій свою привязанность ко мнѣ, могъ взять на себя то порученіе, которое въ то время исполнялъ. Онъ не могъ сдѣлать дурного дѣла хорошимъ. Я защищался съ энергіей, и вы не пришли тогда

ни къ какому рѣшенію; но я прекрасно понялъ, что затруднял васъ, и что скоро долженъ буду оставить свою должность.

Между тѣмъ, опредѣленія Ла-Рошельскаго собора 1853 г., были напечатаны. Они наполнены оскорбленіями и клеветой на мою личность и на мой трудъ. Но мнѣ легко было защищаться, потому что я имѣлъ въ рукахъ *rapport*, на основаніи котораго соборъ судилъ меня. Я не могъ прямымъ путемъ получить этого документа отъ предсѣдателя Ла-Рошельскаго собранія, но само провидѣніе дало мнѣ въ руки этотъ документъ. Я напечаталъ *защиту*, но для того, чтобы не дать этимъ предлога вашей администраціи лишить меня должности, я смиренно просилъ васъ дозволенія напечатать мою защиту.

Г. Бюке (Buquet), главному викарію, поручено было отвѣтить мнѣ, что если я желаю защищаться противъ обвиненій Ла-Рошельскаго собора, то долженъ предварительно выйти въ отставку. Для чего вы, ваше высокопреосвященство, поставили это условіе? Развѣ неестественно защищать свою репутацію? Развѣ вы не желали бы полнаго оправданія моего? Развѣ вы не думали о томъ, что эти повторенныя напоминанія о моей отставкѣ были безпричинными оскорбленіями, которыя вы наносили брату *по священству*? Я, ваше высокопреосвященство, глубоко чувствовалъ это оскорбленіе; я понялъ очень хорошо, что меня хотѣли заставить самого отказаться отъ своей должности для того, чтобы потомъ могли сказать, что отъ нихъ не зависѣло рѣшеніе этого дѣла, и чтобы вся отвѣтственность, по видимому, пала на меня. Я отвѣтилъ вашему главному викарію, что не подамъ въ отставку. Условлено было, что я дамъ вамъ шесть экземпляровъ моей защитительной статьи, что рукопись напечатана не будетъ. Я страдалъ отъ этого рѣшенія, но не желалъ ни въ чемъ способствовать той мѣрѣ, которая, какъ я предвидѣлъ, должна была быть принята противъ меня.

Недавно я былъ увѣдомленъ о томъ, что нѣкоторые лица, не могшія силою своей логики и знаній побѣдить меня, обратились по поводу меня къ вамъ, и думали прибѣгнуть къ доносамъ и вызвать строгія мѣры. Подобныя интриги не были новы для меня, потому что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вы сообщили мнѣ злобный *Post-scriptum* письма одного епи-

скопа, который можетъ упрекнутьъ меня только въ хорошихъ поступкахъ противъ его личности.

Моя защита отъ обвиненія Ла-Рошельскаго собора, вѣроятно, убѣдила васъ, ваше высокопреосвященство, въ томъ, что мнѣ весьма легко оправдать мой трудъ, и что нужно было найти другой предлогъ для лишенія меня того скромнаго мѣста, на которомъ я приносилъ нѣкоторую пользу.

Одинъ изъ вашихъ главныхъ викаріевъ взялся возбудить такой вопросъ, который вполнѣ обнаруживалъ возвышенность его ума. Онъ могъ бы быть возбужденъ противъ большинства Парижскихъ священниковъ, за что, въ крайнемъ случаѣ, виновный подвергался только перемѣнѣ мѣста. Этотъ человекъ не могъ найти ничего лучшаго, не смотря на все высказанное имъ въ этомъ случаѣ усердіе. Онъ достигъ только того, что воздалъ наилучшую хвалу моему поведенію.

Я представилъ вамъ, ваше высокопреосвященство, замѣтку, которая сама собою уничтожала жалкій вопросъ возбужденный противъ меня. Я прежде читалъ ваши *Institutions diocésaines* (Епархіальныя постановленія), и воображалъ, что, оставаясь вѣрнымъ своему ученію, вы отнесетесь справедливо къ тому дѣлу, къ которому я желалъ, чтобы вы отнеслись съ полнымъ знаніемъ и безпристрастно. Но я обманулся въ своихъ надеждахъ; написавъ книгу, въ которой выражена та господствующая идея (весьма вѣрная и похвальная), что епископъ долженъ судить на основаніи существующаго права чтобы избѣжать ошибокъ и произвола, написавъ, говорю я, эту книгу по поводу духовнаго судопроизводства, вы однакоже не желали обсудить моего дѣла.

Итакъ, ваше высокопреосвященство, вы забыли о томъ, что могутъ замѣтить противорѣчіе, существующее между вашими поступками и вашими прежними принципами, и могутъ сказать, или вѣриѣе, подумать, не желали ли вы умышленно осудить невиннаго?

Изъ всего того, что я высказалъ въ настоящее время можно заключить, что въ теченіе немногихъ лѣтъ вы, ваше высокопреосвященство, совершенно измѣнили свои чувства ко мнѣ. Когда я углубляюсь въ свою совѣсть и спрашиваю ее, не былъ ли я самъ причиной такого измѣненія съ вашей сто-

роны, то совѣсть моя отвѣчаетъ мнѣ, что я не совершилъ ничего такого, что могло огорчить васъ, или причинить вамъ неприятность. *Исторія французской церкви* и теперь настолько же правомысленна, какъ была въ то время, когда получила ваше одобреніе, и я, конечно, никогда не могъ думать, чтобы трудъ, предпринятый съ столь чистою цѣлью, и выполненный съ такой настойчивостью, могъ въ вашихъ глазахъ послужить поводомъ для пріятія противъ меня мѣры, которая уже сама по себѣ позорна, и которую я принужденъ считать несправедливой.

Итакъ, ваше высокопреосвященство, послѣ семнадцатилѣтней безупречной службы и жизни, посвященной исключительно исполненію духовныхъ обязанностей, изученію духовныхъ наукъ и неутомимымъ изслѣдованіямъ, главнымъ результатомъ которыхъ была *Исторія французской церкви* не считая другихъ работъ, оцѣненныхъ компетентными людьми, послѣ всего этого, вы считаете меня недостойнымъ выполнять скромную обязанность госпитальнаго священника!

Повѣрьте, ваше высокопреосвященство, я нисколько не сожалѣю объ этомъ мѣстѣ госпитальнаго священника. Я не могъ находить удовольствія въ томъ, что днемъ и ночью долженъ былъ посѣщать тѣхъ несчастныхъ, которыхъ нищета заставляетъ испускать послѣдній вздохъ въ печальныхъ убѣжищахъ офиціальнаго человеколюбія. Но я не покинулъ бы своего поста, и вы уже сами дѣлаете мнѣ одолженіе тѣмъ, что лишаете тяжкаго и непрерывнаго зрѣлища всевозможныхъ человѣческихъ страданій. Не менѣе вѣрно и то, что вы, ваше высокопреосвященство, лишая меня моей должности, не думали этимъ сдѣлать что-либо пріятное мнѣ и не обратили вниманія на то, что соединенный съ нею окладъ можетъ быть мнѣ крайне необходимъ.

Развѣ вы, ваше высокопреосвященство, находите совершенно естественнымъ подвергать уважаемаго и трудолюбиваго священника нищенству? Но вы ошибаетесь. Провидѣпіе, дающее пищу птицамъ небеснымъ и украшающее полевья лиліи, поможетъ и мнѣ. Я увѣренъ, что Оно не покинетъ меня.

Вы, ваше высокопреосвященство, можетъ быть скажете мнѣ, что я не принадлежу къ вашей епархіи, и что относительно

меня вы не признаете за собой никакихъ обязательствъ. Скажите же мнѣ, высокопреосвященнѣйшій, развѣ я не былъ принятъ въ вашу епархію въ тотъ самый день, когда я былъ признанъ членомъ вашего духовенства? Развѣ въ этотъ самый день не былъ совершенъ между вами и мной безмолвный договоръ, который обязывалъ меня достойнымъ образомъ выполнять вѣряемую мнѣ должность, а васъ обращаться со мной съ любовью и справедливостью? Большинство священниковъ, исполняющихъ святое служеніе въ Парижской епархіи, начиная съ вашихъ главныхъ викаріевъ и кончая ипподіаконами (diacres d'office), не принадлежатъ къ этой епархіи. Неужели вслѣдствіе только этого вы считаете себя въ правѣ не признавать заслугъ громаднаго большинства вашего духовенства? Въ такомъ случаѣ, вы, ваше высокопреосвященство, имѣли бы совершенно особенное понятіе о справедливости. Я былъ вѣренъ связывавшему насъ договору. Спросите, ваше высокопреосвященство, свою совѣсть, остались ли вы настолько же вѣрны въ этомъ отношеніи?

Теперь довольно, я остаиваюсь.

Оканчивая это письмо, я, ваше высокопреосвященство, прошу, у васъ только того, чтобы вы подумали, что, можетъ быть скоро, вы должны будете отдать отчетъ въ вашемъ управленіи Тому, Кто на основаніи вашего мірскаго величія подвергнетъ васъ только болѣе строгому осужденію и болѣе суровому приговору. Вы, ваше высокопреосвященство, не вѣчны. Почести, которыми пользуетесь вы, и которыя, какъ говорятъ, обѣщаны вамъ, испарятся вмѣстѣ съ вами, и смерть постигнетъ вашъ великолѣпный дворецъ такъ же, какъ и хижину бѣдняка. Тогда то у васъ будетъ преемникъ, который не будетъ обращать вниманіе на то, какъ вы смотрѣли на вещи. Богъ, можетъ быть, внушитъ ему поступить со мной справедливо, если только вамъ самимъ передъ смертью Онъ не внушитъ мысли изгладить нанесенное вами мнѣ оскорбленіе.

Какъ бы то ни было, я останусь вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, и этимъ способомъ заслужу уваженіе даже тѣхъ, которые не во всѣхъ случаяхъ раздѣляютъ мое мнѣніе.

Теперь, ваше высокопреосвященство, чрезвычайно трудно найти человѣка, который бы не колебался подъ вліяніемъ различныхъ ученій.

Прошу васъ, высокопреосвященнѣйшій, не считать дурнымъ то, что я желаю придать этому письму наибольшую гласность. Никто не можетъ быть лишенъ права защищать свою честь такъ же какъ и жизнь.

Честъ имѣю оставаться вашимъ, высокопреосвященнѣйшій, покорнѣйшимъ слугою,

Аббатъ Гетте.

Я отправилъ преосвященному Сибуру, а также и нѣсколькимъ главнымъ викаріямъ по одному экземпляру этого письма. Вслѣдствіе этого я получилъ отъ г. Ботена, главнаго викарія-попечителя, слѣдующую записку:

«Парижъ, 22 апрѣля 1856 года.

«*Господинъ Аббатъ!*

«Вслѣдствіе того письма, которое вы напечатали, я, къ сожалѣнію, долженъ увѣдомить васъ, что данное вамъ право совершать Богослуженіе въ Парижской епархіи отнимается отъ васъ съ этого дня.

Примите и т. д.

«*Л. Ботенъ.*

«Главный викарій-попечитель.

Г. Л. Ботенъ уже, вѣроятно, забылъ о томъ, что самъ онъ перенесъ такое же оскорбленіе, какое въ настоящее время наносилъ мнѣ, хотя онъ перенесъ за дѣла и поступки, достойные большаго порицанія, нежели мое письмо къ Сибуру.

Въ тотъ же день вечеромъ я написалъ другое письмо преосвященному Сибуру. Я старался доказать ему, что письмо мое было *защитой*, а не *нападениемъ* на его администрацію. Я въ особенности распространялся по поводу непріятности, причиненной мнѣ запиской Ботена, и предлагалъ ему передать послѣднему экземпляры моего письма, для доказательства того, что если я и хотѣлъ защищаться, то не желалъ производить шуму.

На другой день въ полдень преосвященный Сибуръ прислалъ мнѣ своего лакея съ слѣдующимъ письмомъ:

«Парижъ, 23 апрѣля 1856 года.

«Я очень тронутъ, г. Гетте, тѣми чувствами, которыя вы выразили въ вашемъ вчерашнемъ письмѣ, и желаю засвидѣ-

тельствовати предъ вами свое удовольствіе. Навѣстите меня сегодня вечеромъ въ 7^{1/2} часовъ.

«Я вамъ возвращаю позволеніе служить святую обѣдню.

«Для засвидѣтельствованія вашихъ подлинныхъ чувствъ предъ моею администраціею, въ самомъ дѣлѣ, необходимо, чтобы вы передали въ канцелярію архіепископскаго двора экземпляры вашего письма».

Я отправился въ архіепископскій дворъ. Условлено было, что я обратно возьму свое письмо, и что спустя короткое время, мнѣ поручатъ исполненіе новой церковной должности.

Очевидно было, что я былъ жертвою несправедливости со стороны Сибура. И дѣйствительно, какое бы не имѣли понятіе объ осужденіи Индексомъ, но должны сознаться въ томъ, что осужденіе это не есть еще признаніе ереси ни въ осужденномъ трудѣ, ни тѣмъ болѣе въ авторѣ, *личность* котораго не можетъ быть отвѣтственной въ этомъ. Сочиненіе подпадаетъ осужденію Индекса за извѣстныя мнѣнія даже въ томъ случаѣ, если эти мнѣнія считаются недозволенными въ Римѣ. Но мнѣнія, недозволенные въ Римѣ, могутъ быть дозволенными во Франціи; кромѣ того, мнѣнія считаются предосудительными для того лица, которое придерживается ихъ, только въ томъ случаѣ, если онѣ противны ученію церкви.

А развѣ я держался такихъ мнѣній въ *Исторіи французской церкви?*

Этотъ вопросъ никогда не подвергался разсмотрѣнію духовной власти.

Если бы подобное разсмотрѣніе произошло, то и тогда, прежде чѣмъ подвергать меня преслѣдованію, нужно было указать мнѣ мои ошибки и убѣдиться въ томъ, что я упорно придерживаюсь ихъ, потому что всякій человѣкъ можетъ ошибаться; достойно порицанія только то, когда упорствуютъ въ доказанномъ и извѣстномъ заблужденіи.

Отпосительно же меня не только не было доказано, что я упорно держался того или другого заблужденія, но духовная власть никогда даже не указала мнѣ ни на одно изъ нихъ въ моемъ сочиненіи. Итакъ, я былъ лишенъ должности пресвященнымъ Сибуромъ совершенно несправедливо.

Послѣднее мое свиданіе съ архіепископомъ было не со-

всѣмъ спокойно. Онъ старался оправдать мѣры, принятыя противъ меня, ссылаясь на затрудненія, которыя Римскій дворъ причинялъ ему, вслѣдствіе моего сопротивленія Конгрегациі Индекса. Такимъ образомъ, онъ представилъ мнѣ случай ко-спуться прошедшаго. Я напомнилъ ему, что онъ самъ поощрялъ мое сопротивленіе; что если бы я послушался его совѣтовъ, то началъ бы борьбу съ Конгрегацией Индекса; я напомнилъ ему также все то, что онъ говорилъ мнѣ, когда я пришелъ къ нему съ извѣстіемъ о запрещеніи моего сочиненія: «Вотъ, ваше высокопреосвященство, чѣмъ вы были два года тому назадъ. А теперь вы опровергаете самого себя и желаете, чтобы я сдѣлался ультрамонтаниномъ. Но развѣ вы сами ультрамонтанинъ? Я не вѣрю этому, не смотря на ваше па-стырское посланіе, наполненное звучными фразами. Можно такъ быстро измѣнять свои мнѣнія только въ томъ случаѣ, если не имѣютъ никакихъ убѣжденій. Вы теперь притво-ряетесь ультрамонтаниномъ, потому что надѣетесь быть кар-диналомъ, но, ваше высокопреосвященство, вы имъ не будете. Въ Римѣ издѣвались надъ вами: васъ будутъ заставлятъ со-вершать несправедливости, изъ которыхъ думаютъ извлекать пользу; но надъ вами всегда будутъ лишь издѣваться». Ар-хіепископъ покраснѣлъ, выпрямился и сказалъ мнѣ: «Милости-вый государь, еще ни одинъ священникъ не говорилъ со мной подобнымъ образомъ». «Будетъ время, ваше высокопреосвя-щенство, когда вы этого не скажете. До сихъ поръ вы всег-да были окружены льстецами, а теперь передъ вами священ-никъ, который говоритъ вамъ истину. Вы прежде увѣряли меня въ своей привязанности; я не сдѣлалъ никакого про-ступка. Вы отдаете меня на жертву безъ всякаго основатель-наго повода; вы сами дали мнѣ право быть откровеннымъ съ вами. Я ни въ чемъ не выказалъ непочтительности къ вамъ. Напротивъ, могу сказать даже, что изъ всѣхъ священниковъ, которые льстятъ вамъ, нѣтъ ни одного, кто бы могъ имѣть столько почтительной привязанности къ вамъ, сколько имѣю я, не смотря на ваши несправедливости». «И я васъ также люблю, сказалъ преосвященный; никто болѣе меня не сожа-лѣетъ о томъ, что я вынужденъ дѣлать противъ васъ; но это только временно. Имѣйте терпѣніе, мой дорогой г. Гетте:

вскорѣ вы опять возвратитесь къ моему духовенству, и тогда то я постараюсь вполне вознаградить васъ за тѣ страданія, которыя причиняю вамъ теперь».

Съ этими прекрасными словами мы разстались. Я уже не видѣлъ больше архіепископа Сибура, который шесть мѣсяцевъ спустя былъ убитъ священниковъ Верже (Verger) во время богослуженія въ церкви святого Стефана, вблизи Пантеона. Такъ какъ пытались скомпрометировать меня по поводу этого печальнаго событія, то поэтому я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности, которыя никому не были такъ хорошо извѣстны, какъ мнѣ.

VIII.

Верже, его прежняя жизнь. Какимъ образомъ другъ мой Паранъ-дю-Шателе познакомился съ нимъ.—Сообщеніе тайны Верже.—Отношеніе къ нему архіепископа.—Я встрѣчаю Верже у Парана-дю-Шателе.—Дю-Шателе и я помѣщаемъ Верже въ одинъ изъ приходоу епархіи Мо.—Онъ приходитъ ко мнѣ за книгами.—Онъ приходитъ ко мнѣ во второй разъ, чтобы возвратить мои книги.—Его порицанія Меленскаго суда.—Епископъ Мо принужденъ лишить его мѣста.—Онъ возвращается въ Парижъ.—Дю-Шателе упрекаетъ его.—Онъ приходитъ ко мнѣ и проситъ меня помѣстить изложеніе дѣла (factum) въ моемъ журналѣ *L'observateur catholique*.—Онъ бросается на колѣни и пугаетъ меня.—Онъ находился въ помѣщательствѣ.—Паранъ-дю-Шателе и я ничего болѣе не слышимъ о немъ.—Газеты извѣщаютъ насъ о его преступленіи.—Паранъ-дю-Шателе сожалѣетъ о томъ, что не принялъ его къ себѣ, думая, что этимъ онъ могъ-бы помѣшать преступленію.—Процессъ Верже.—Я вызванъ судомъ въ качествѣ свидѣтеля со стороны защиты.—Низость людей архіепископскаго двора, надѣявшихся меня скомпрометировать.—Моя явка въ судъ.—Вопросы и отвѣты.—Невозможность злоупотребить ими.—Враги мои сосредоточиваютъ свое вниманіе на моемъ названіи *свидѣтеля со стороны защиты* и смѣшываютъ его съ именемъ защитника.—Эта глупость распространяется.—Верже приговоренъ къ смертной казни и казненъ.—Приговоръ этотъ несправедливъ.—На гильотинѣ казнили сумасшедшаго.—Его слѣдовало бы запереть въ домъ умалишенныхъ.

Верже былъ молодой священникъ тридцати лѣтъ. По пріѣздѣ своемъ въ Парижъ онъ былъ профессоромъ въ институтѣ аббата Жоляклерка (Joliclerc), потомъ былъ причисленъ къ одному изъ Парижскихъ приходоу. Это былъ чрезвычайно красивый и хорошо сложенный молодой человекъ, имѣвшій пріятную и изящную наружность. Взглядъ его былъ чрезвычайно оживленный. Въ его фізіономіи было что то неопредѣленное; и когда я увидѣлъ его въ первый разъ, то мнѣ показалось, что его умственныя способности не особенно въ порядкѣ.

Я увидѣлъ его въ первый разъ у моего почтеннаго друга Марціала Парана-дю Шателе (Martial Parent du Châtelet).

Верже нанялъ маленькую комнату въ домѣ Парана-дю-Шателе. Онъ былъ въ сюртукѣ и потому его приняли за студента. На другой день онъ вышелъ въ рясѣ, и тогда увидѣли, что онъ былъ священникомъ. Паранъ-дю-Шателе, не смотря на свою глубокую религіозность, считалъ принципомъ, не отдавать у себя квартиры священникамъ. Родственники его имѣли нѣкогда столько непріятностей съ постояльцами изъ духовнаго званія, что онъ принялъ за правило не имѣть у себя постояльцевъ изъ духовныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого къ слѣдующему сроку квартиры онъ отказалъ Верже.

Въ комнаткѣ несчастнаго молодого человѣка была только плохая кровать. Когда ему отказали, то онъ два дня не могъ выбраться. Было холодно, а ему не чѣмъ было топить и нечего было ѣсть. На третій день сосѣдка его, прекрасная и честная женщина, приняла участіе въ немъ, отправилась въ квартиру Парана-дю-Шателе, чтобы увѣдомить его о происшедшемъ. Этотъ великодушный человѣкъ тотчасъ же послалъ своего лакея въ комнату Верже. Его нашли полумертвымъ отъ голода и холода. Дю-Шателе велѣлъ перевести его сейчасъ же въ свою квартиру, усадилъ около огня и приказалъ подать ему сначала бульонъ, а потомъ и превосходный обѣдъ. Верже, подкрѣпивъ силы, могъ, наконецъ, говорить и выразить свою признательность столь доброму и милосердному хозяину. Дю-Шателе высказалъ прежде всего свое удивленіе, что онъ могъ находиться въ столь крайней нищетѣ. Онъ подумалъ сначала, что такъ какъ Верже былъ чрезвычайно красивъ, то былъ запрещенъ по какому-нибудь романическому приключенію. Тогда Верже рассказалъ ему свою исторію. Его причислили къ приходу N, гдѣ онъ встрѣтилъ священника, который принялъ его съ большимъ расположеніемъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, этотъ священникъ помѣстилъ его въ маленькой комнаткѣ, въ которую Верже не могъ проникнуть не перейдя комнаты священника. Къ сожалѣнію священникъ, оказался крайне безнравственнымъ ¹⁾, и Верже, чтобы отцѣ-

¹⁾ Переводчикъ отступаетъ отъ подлиннаго текста, находитъ безнравственность этого священника крайне унижительною для священнаго сана. Ред.

латься отъ него, написалъ архіепископу письмо и просилъ о перемѣщеніи въ другой приходъ. Онъ не объяснялъ, почему просилъ этого перемѣщенія. Верже зналъ, что священникъ имѣлъ большое значеніе въ архіепископскомъ дворѣ, и потому боялся обвинять его.

Архіепископъ потребовалъ Верже къ себѣ и выразилъ желаніе узнать причину нежеланія его быть въ томъ приходѣ, куда онъ былъ назначенъ. Верже колебался, но архіепископъ обѣщалъ ему не сообщать своему совѣту о томъ, что онъ ему скажетъ. Тогда Верже рѣшился говорить и рассказалъ о гнусныхъ предложеніяхъ священника.

Архіепископъ не сдержалъ слова, и сообщилъ своему совѣту то, что ему рассказалъ Верже. Въ этомъ совѣтѣ было нѣсколько лицъ настолько же безнравственныхъ, какъ и вышеупомянутый священникъ, его друзья, а можетъ быть и соучастники въ безнравственности. Они высказались противъ Верже и обвинили его въ клеветѣ. Бѣдный молодой человѣкъ былъ лишенъ вслѣдствіе этого мѣста. Ему не дали другого мѣста и онъ былъ выброшенъ на мостовую Парижа безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Хотя Верже былъ уроженцемъ Парижа, но онъ былъ посвященъ въ священники епархіи Мо. Онъ ходатайствовалъ о своемъ отпускѣ (excat) изъ Мо, чтобы возвратиться въ Парижъ. Когда же его лишили мѣста въ Парижѣ, то снова отправили въ Мо, но епископъ Мо отказался принять его.

Это было въ то самое время, когда онъ нанялъ комнатку у Парана-дю-Шателе.

Этотъ превосходный человѣкъ, хорошо знавшій Парижъ и парижское духовенство, весьма осторожно навелъ справки для того, чтобы удостовѣриться сказалъ ли ему Верже правду, и скоро убѣдился въ справедливости разказа. Тогда онъ рѣшился держать у себя несчастнаго постояльца и давать ему все необходимое.

Однажды онъ предложилъ ему мѣсто священника въ одномъ изъ приходоу епархіи Мо. Онъ былъ знакомъ съ главнымъ викаріемъ, который былъ священникомъ въ томъ приходѣ, гдѣ находился его замокъ, а я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ преосвященнымъ Аллу, епископомъ Мо. Верже согласился

оставить Парижъ, былъ назначенъ священникомъ и уѣхалъ съ движимымъ имуществомъ, библіотекой и деньгами, данными ему Параномъ-дю-Шателе.

Прежде чѣмъ уѣхать, онъ зашелъ ко мнѣ, чтобы поблагодарить меня за участіе и взять нѣсколько книгъ.

Въ другой разъ онъ зашелъ ко мнѣ въ Парижѣ, чтобы возвратитъ мнѣ книги. Во время одного изъ вышеупомянутыхъ посѣщеній, я замѣтилъ у него сильное раздраженіе противъ архіепископа парижскаго. Я старался успокоить его и разсказалъ ему, что однажды архіепископъ въ моемъ присутствіи называлъ его *дурнымъ священникомъ*, но тотчасъ же взялъ назадъ свое несправедливое выраженіе, какъ только я сдѣлалъ ему самое простое замѣчаніе.

Верже былъ, повидимому, успокоенъ. Но у него было на сердцѣ то, что онъ называлъ *измѣной архіепископа*, который взялъ на себя обязательство и не выполнилъ его. «Я, говорилъ онъ, жертва этой измѣны». При этихъ словахъ взглядъ его, обыкновенно столь кроткій дѣлался ужаснымъ.

Пребываніе въ деревнѣ не соотвѣтствовало характеру Верже. Онъ часто оставлялъ приходъ, отправлялся въ Меленъ (Melun) и каждый разъ присутствовалъ при засѣданіяхъ суда. На одномъ изъ подобныхъ засѣданій судили бѣднаго человека, котораго подвергли строгому приговору. По мнѣнію Верже, подсудимый былъ невиненъ. Онъ тотчасъ напечаталъ письмо, въ которомъ страшно порицалъ судей и обвинялъ ихъ въ несправедливости. За это на него подали жалобу епископу Мо, который счелъ себя обязаннымъ лишить Верже вѣреннаго ему прихода. Паранъ-дю-Шателе и я были объ этомъ увѣдомлены.

По возвращеніи своемъ въ Парижъ, Верже отправился къ дю-Шателе, который упрекнулъ его за его поведеніе и сказалъ ему. «Какъ же могу я принимать въ васъ участіе? Кто мѣшалъ вамъ сидѣть покойно въ вашемъ приходѣ?» По выходѣ изъ дома дю-Шателе, Верже зашелъ ко мнѣ. Это былъ его третій визитъ ко мнѣ. Я испугался его; глаза его сверкали особеннымъ образомъ; онъ просилъ меня помочь ему, напечатать язвительное порицаніе архіепископа парижскаго. Такъ какъ я отказалъ ему въ этомъ, то онъ бросился пере-

до мной на колѣни, и я для того, чтобы отдѣлаться отъ него, обѣщала ему сдѣлать все то, чего онъ желалъ. Какъ только онъ ушелъ, я отдать приказъ не принимать его. Я уже не видѣлъ его болѣе. Онъ не заходилъ и къ Парану-дю-Шателе. Мы не знали, что съ нимъ случилось, когда, мѣсяць спустя послѣ нашихъ послѣднихъ свиданій съ нимъ, газеты извѣстили насъ о томъ, что онъ убилъ архіепископа ударомъ кинжала во время торжественнаго богослуженія въ церкви святого Стефана.

Паранъ-дю-Шателе прибѣжалъ ко мнѣ, и первыя его слова были слѣдующія. «Какъ я сожалѣю о томъ, что не принялъ этого несчастнаго! Можетъ быть, я помѣшала бы совершиться столь ужасному преступленію!» Не знаю, дѣйствительно ли онъ помѣшала бы ему, потому что Верже былъ несомнѣнно сумасшедшій; и если бы мы продолжали наши сношенія съ нимъ, то весьма возможно, что онъ могъ скомпрометировать насъ, не смотря на нашу хорошо извѣстную репутацію.

Относительно самого себя я не могъ быть довольнымъ архіепископомъ, но могу сказать, что среди парижскаго духовенства не было ни одного священника, столь тяжело пораженнаго, какъ я, его печальною смертью. М.-дю-Шателе и другіе друзья, которые читали мое *первое письмо архіепископу Сибурру*, напоминали мнѣ о послѣднемъ его параграфѣ: «Вы были пророкомъ». Я могъ имѣть на это притязаніе—ослица Валаама была тоже пророчицей. Но не имѣвши ни малѣйшаго притязанія на духъ пророчества, я все-таки былъ пораженъ совпаденіемъ того, что сказалъ, съ совершившимся ужаснымъ событіемъ.

Верже былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и вскорѣ преданъ суду. Мнѣ нѣсколько разъ приходило въ голову, что онъ могъ позвать меня къ себѣ въ тюрьму, потому что онъ былъ раздраженъ противъ всѣхъ другихъ священниковъ; и, вѣроятно, послушался бы только одного меня во время своихъ послѣднихъ минутъ. Я не получилъ никакого увѣдомленія, и считалъ своимъ долгомъ ждать, пока меня позовутъ.

Я былъ вызванъ въ судъ только въ первый день присутствія (audience), въ качествѣ *свидѣтеля со стороны защиты*

(*temoin à discharge*). Дю-Шатель былъ вызванъ какъ *свидѣтель противъ обвиненнаго* (*temoin á charge*). Для чего нужна была эта разница? Верже назначилъ свидѣтелями со стороны защиты какъ меня, такъ и Дю-Шателя; но онъ былъ свѣтскій, и потому для архіепископскаго двора не могъ имѣть никакого значенія; я же, какъ священникъ, котораго преслѣдовалъ архіепископъ Сибуръ, по мнѣнію ужасныхъ священниковъ архіепископскаго двора, неизбѣжно долженъ былъ скомпрометировать себя показаніемъ своимъ въ пользу Верже. Ненависть священническая простирается далеко. Верже назначилъ, по крайней мѣрѣ, сто свидѣтелей со стороны защиты. Но только *одного* меня вызвали! Нельзя же было назвать свидѣтелемъ одну бѣдную дѣвушку, которую я встрѣтилъ въ комнатѣ для свидѣтелей, и которая совершенно ничего не знала о преступленіи Верже. Она исповѣдовалась у него и предложила ему небольшую сумму денегъ. Вотъ все, что она могла сказать. Когда я вошелъ въ комнату для свидѣтелей, то она была почти въ обморокѣ, а глупый жандармъ смотрѣлъ на нее съ грознымъ взглядомъ. Въ комнату вошла торговка съ апельсинами, я купилъ у нея два апельсина и предложилъ ихъ бѣдной дѣвушкѣ, которая вызывала у меня сожалѣніе, и просилъ жандарма не пугать ее болѣе, потому что она не имѣла къ нему никакого дѣла. Пандуръ желалъ испугать также и меня, но онъ напрасно терялъ время и я заявилъ ему, что если онъ не уйдетъ, то я позову его начальника. Онъ убрался. Бѣдная дѣвушка была позвана раньше меня, и я ее не видѣлъ болѣе. Когда я вошелъ, то всѣ взоры устремились на меня. Я во время присутствія былъ окруженъ многими священниками, свидѣтелями противъ обвиненнаго, которымъ Верже не позволялъ удалиться.

Такъ какъ, по возвращеніи моемъ домой, я тотчасъ подробно записалъ всѣ сдѣланные мнѣ вопросы и мои отвѣты, то я представляю ихъ читателю согласно съ текстомъ:

«*Предсѣдатель Делангъ (Delangle)*. Обвиняемый, что вы желаете спросить у свидѣтеля?

«*Верже*. Я спрашиваю г. аббата Гетте, сохранилъ ли онъ воспоминаніе объ одномъ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ архіепископомъ Сибуромъ, во время котораго архіепископъ называлъ

меня дурнымъ священникомъ, но взявъ назадъ это выраженіе послѣ замѣчанія, сдѣланнаго ему г. аббатомъ Гетте?

«*Аббатъ Гетте.* Я прекрасно помню этотъ разговоръ.

Когда, во время вышеупомянутаго разговора, было упомянуто имя Верже, то архіепископъ Сибуръ называлъ его дурнымъ священникомъ. Я позволялъ себѣ сказать ему на это слѣдующее: «Это выраженіе слишкомъ рѣзко, ваше высокопреосвященство: развѣ вы считаете, что Верже дѣйствительно заслуживаетъ это названіе? Правда, что я его не знаю, я видѣлъ всего только одинъ разъ, но онъ показался мнѣ хорошимъ священникомъ». «Вы правы, отвѣчалъ архіепископъ, выраженіе, которое я употребилъ, слишкомъ рѣзко. Верже нельзя ни въ чемъ упрекнуть въ отношеніи къ исполненію его обязанностей, и я очень доволенъ, что епископъ Мо далъ ему приходъ».

«*Императорскій (imperial) прокуроръ Вейсз (Weisse).* Какъ вы, г. аббатъ, могли взять на себя защиту того человѣка, который написалъ пасквильную брошюру противъ духовенства? Авторъ подобной брошюры не можетъ быть хорошимъ священникомъ.

«*Аббатъ Гетте.* Я, милостивый государь, долженъ прежде всего замѣтить вамъ, что состою свидѣтелемъ, и долженъ по совѣсти отвѣчать только на предлагаемые мнѣ вопросы, но не обязанъ отстаивать свой образъ мыслей. Но я все-таки скажу вамъ, что въ то время, когда сдѣлалъ свое замѣчаніе архіепископу Сибуру, я совсѣмъ не зналъ о существованіи брошюры, о которой вы говорите. Съ того времени мнѣ пришлось слышать о ней самые разпорѣчивые толки; но г. императорскому прокурору хорошо извѣстно, что никто не читалъ ее; потому что она была напечатана въ Бельгii и арестована по ея появленіи во Франціи. О ней говорятъ не зная ея. Одни говорятъ о ней много дурного, другіе же утверждаютъ, что это просто законная защита противъ произвола, жертвой котораго авторъ считаетъ себя. Если послѣднее справедливо, то Верже могъ написать эту брошюру и не подвергаться за нее названію дурнаго священника, потому что священникъ, какъ и всякій другой человѣкъ, можетъ защищаться, если онъ считаетъ себя жертвою несправедливости.

«Президентъ Деланль. Это ваше мнѣніе, г. аббать?»

«Аббатъ Гетте. Да, г. предсѣдатель, это мое мнѣніе и я думаю мнѣніе всякаго благоразумнаго и справедливаго человека.

«Предсѣдатель Деланль. Обвиняемый, вы имѣете еще что нибудь спросить у свидѣтеля?»

«Верже. Нѣтъ, г. предсѣдатель; мнѣ остается только поблагодарить г. аббата Гетте за то, что онъ говорилъ по совѣсти.

«Аббатъ Гетте. Въ такомъ случаѣ, г. предсѣдатель, я могу удалиться?»

«Предсѣдатель Деланль. Если обвиняемый согласенъ, то я ничего не имѣю противъ этого.

«Верже Г. аббать Гетте можетъ удалиться».

Для того, чтобы выйти, я долженъ былъ пройти мимо скамьи, на которой сидѣлъ обвиняемый. Когда я проходилъ, то онъ всталъ и поклонился мнѣ очень низко.

Могъ ли кто-либо подумать, чтобы показаніе мое послужило поводомъ къ обвиненію меня въ томъ, что я взялся защищать Верже? А между тѣмъ это говорили враги мои въ дворѣ архіепископа. Я отправился пожаловаться на это Буке, первому главному викарію, который сказалъ мнѣ на это слѣдующее: «Тѣ, которые обвиняютъ васъ, прекрасно знаютъ, что они лгутъ. Ваши отвѣты на вопросы, вамъ предложенные, были совершенно соответствующими, и вообще во всемъ этомъ печальномъ дѣлѣ вы держали себя съ тою мудростью, которую я ожидалъ отъ васъ. Даже другъ архіепископа Сибура не могъ лучше отвѣчать». «Я не былъ его врагомъ, г. главный викарій, и не могъ бы смѣяться, какъ это дѣлали многіе священники, въ то время, когда несчастный архіепископъ находился на катафалкѣ». «Я, въ этомъ вполнѣ увѣренъ, мой дорогой аббать, отвѣчалъ г. Буке; я слишкомъ хорошо знаю васъ, чтобы быть убѣжденнымъ въ томъ, что ужасная смерть архіепископа тяжка для васъ, не смотря на то, что вы не можете быть довольны имъ». «Будьте увѣрены, г. главный викарій, что это событіе причинило мнѣ ужасное страданіе. Въ виду столь страшной смерти, мнѣ ничего не стоитъ забыть всѣ мои обиды».

Низкіе люди, желавшіе во что бы то ни стало преслѣдовать меня, злоупотребляли названіемъ *свидѣтеля со стороны защиты* и усвоили лично мнѣ полученный мною вызовъ въ судъ. Они говорили, что *я самъ настоялъ вызвать меня свидѣтелемъ со стороны защиты*, но этимъ они доказывали лишь свою грязную злобу. Развѣ кто-нибудь можетъ назначить себя свидѣтелемъ съ чьей бы то ни было стороны, въ какомъ-либо процессѣ? Свидѣтель *вызывается* по закону судомъ: если свидѣтель не является по вызову суда, то законъ уполномочиваетъ судью прибѣгать къ общественной власти и упорный свидѣтель подлежитъ штрафу. Я *вызванъ* былъ самимъ судомъ въ качествѣ свидѣтеля, но *самъ не выражалъ желанія быть имъ*.

Развѣ, по совершеніи убійства Верже, я сохранилъ о немъ то же мнѣніе, которое имѣлъ до его преступленія? Развѣ я выразилъ предъ судомъ хотя одну похвалу въ пользу Верже? Спрошенный по поводу моихъ *раніе высказанныхъ словъ*, я просто возобновилъ въ памяти эти слова. Мнѣ предложили вопросъ, и я отвѣтилъ на него; этимъ ограничивалась вся моя роль, какъ *свидѣтеля*. Я не долженъ былъ ни бранить, ни хвалить Верже. И я не сдѣлалъ ни того, ни другого, потому что свидѣтель уважающій себя обязанъ высказать суду одну лишь *истину*.

Если бы меня спросили, какого былъ я мнѣнія о характерѣ Верже, и если бы я счелъ нужнымъ отвѣтить на это, то я бы сказалъ слѣдующее: «Верже сумасшедшій; онъ въ припадкѣ неистоваго помѣшательства совершилъ преступленіе. Подвергите его изслѣдованію компетентныхъ медиковъ, и я увѣренъ, что вы скорѣе отошлете его въ домъ умалишенныхъ, чѣмъ на гильотину».

Такимъ то образомъ поступили бы съ Верже, если бы дѣло касалось обыкновеннаго убійства, но тутъ было убійство Парижскаго архіепископа!!

Верже былъ приговоренъ къ смерти, и почти полумертвый былъ принесенъ на гильотину.

Я не присутствовалъ при его казни. Я никогда не видѣлъ гильотины, и надѣюсь, что никогда не увижу ее.

К.

(Продолженіе будетъ).

УЧЕНІЕ АРИСТОТЕЛЯ

и

ЕГО ШКОЛЫ (ПЕРИПАТЕТИЧЕСКОЙ) О БОГѢ.

(Продолженіе *)

Къ числу духовныхъ доказательствъ бытія Божія у Аристотеля прежде всего относится в) *Онтологическое доказательство*. Космологическое доказательство приводило къ признанію всемогущества Перваго Двигателя; телеологическое — къ признанію Его разумности и премудрости. Доказательства, исходящія изъ области міра духовнаго, должны приводить къ признанію болѣе духовныхъ, нравственныхъ свойствъ Божества; но въ то же время они должны и болѣе утвердить мысль о бытіи Его, какъ существа, притомъ какъ Существа, настолько же болѣе вызвышеннаго въ своихъ совершенствахъ, насколько духовный міръ совершеннѣе физическаго. Именно, прежде всего, въ насъ есть идея бытія Бога, какъ существа совершеннѣйшаго. Эту идею предположилъ Аристотель, какъ мы видѣли, даже и въ людяхъ, живущихъ подъ землею, съ цѣлю вывести изъ этого предположенія уже извѣстныя намъ умозаключенія. На мысли о существованіи въ насъ идеи Божества опираются всѣ доказательства бытія Божія, къ которымъ мы теперь перешли, и ближе всего онтологическое. Оно же ближе всего и болѣе другихъ доказательствъ этого ряда утверждаетъ и самую истину бытія Бога, какъ *существа*

*) См. ж. «Вѣра Разумъ» 1890 г. № 12.

(ὄντως οὖν), съ Его основными онтологическими свойствами: самобытною, вѣчною, неизмѣняемою, неограниченною и т. д., не говоря уже объ идеальныхъ свойствахъ. Именно, по свидѣтельству Секста Эмпирика, Аристотель говорилъ, что «умопредставленіе о богахъ (ἐννοία θεῶν) въ людяхъ произошло изъ двухъ началъ, отъ совершающагося въ самой душѣ (ἀπό τε τῶν περὶ ψυχῆν συμβαινόντων) и отъ созерцанія совершающагося въ воздушныхъ пространствахъ»¹⁾. Если же Аристотель говорить о томъ, откуда произошло въ людяхъ *умопредставленіе* (ἐννοία) о Божествѣ: то ясно, что самое это умопредставленіе онъ признаетъ, какъ уже готово данное въ людяхъ (ἐν τοῖς ἀνθρώποις). Но разъ *есть* въ людяхъ это умопредставленіе, должно признать, что *есть въ действительности* и предметъ этого умопредставленія, т. е. Божество. Вотъ первое, чтò получается въ онтологическомъ доказательствѣ бытія Божія, по мысли Аристотеля. Однако, этого мало. Предметъ разсматриваемаго умопредставленія не есть одинъ изъ обыкновенныхъ предметовъ умственного воспріятія и мышленія. Какъ мы видѣли изъ предшествующихъ доказательствъ бытія Божія, Богъ, по Аристотелю, есть первый Двигатель, Существо совершеннѣйшее (βέλτιστον, ἄριστον) изъ всего существующаго. «Вообще въ чемъ есть лучшее (βέλτιον), передаетъ мысль Аристотеля Симплицій, въ томъ есть и наилучшее (ἄριστον). Поелику же въ существующемъ (ἐν τοῖς οὖσι) одно бываетъ лучше другого, то посему есть нѣчто и совершеннѣйшее (ἔστιν ἄρα τι καὶ ἄριστον), а таковымъ и можетъ быть только Божество (ὅπερ εἶη ἄν τὸ θεῖον). Въ немъ ничего нѣтъ несовершеннаго, дурнаго (οὐδὲν ἐν ἐκείνῳ φαῦλον). Оно не имѣетъ недостатка ни въ чемъ изъ свойственнаго Ему прекраснаго» (οὐδὲ ἐνδεές ἐστι τῶν αὐτοῦ καλῶν οὐδενός)²⁾. Если же такъ, то съ точки зрѣнія онтологическаго доказательства, предметъ разсматриваемаго умопредставленія даже необходимо долженъ существовать въ дѣйствительности, потому что Божество не было бы и существомъ совершеннѣйшимъ изъ всего существую-

¹⁾ *Aristotelis opp. fragm.* 12, pag. 1475 t. V ed. Berolinensis 1870.

²⁾ *Ibid. fragm.* 15, pag. 1476.

щаго, если бы оно существовало только въ нашемъ умопредставленіи, а не въ дѣйствительности, такъ какъ, не говоря уже о небытіи ($\mu\eta\ \delta\upsilon\nu$), и существованіе въ одномъ только представленіи (а не въ дѣйствительности) было бы несовершенствомъ по сравненію съ дѣйствительнымъ бытіемъ ($\delta\upsilon\nu\tau\omega\varsigma\ \delta\upsilon\nu$) ¹⁾. И Богъ, по ученію Аристотеля, подлинно обладаетъ *дѣйствительнымъ* бытіемъ, относится прямо къ категоріи бытія ($\epsilon\nu\ \tau\omega\ \tau\acute{\iota}$) ²⁾. Онъ есть первый Двигатель. Движеніе же есть переходъ изъ возможности въ дѣйствительность, при чемъ движимое есть возможное, а движущее—дѣйствительное. Если же движущія конечныя, ограниченныя причины поэтому суть дѣйствительныя, то тѣмъ болѣе это должно сказать о первомъ Двигателѣ безконечномъ. Онъ есть чистая дѣйствительность ($\epsilon\nu\epsilon\rho\gamma\epsilon\iota\alpha$), въ противоположность тому, что представляетъ въ себѣ существующее только по возможности ($\tau\eta\ \delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota$). Онъ есть энтелехія, какъ являющій въ себѣ бытіе совершенное ($\epsilon\nu\tau\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\alpha$) ³⁾; есть οὐσία—сущность, истинно сущее ($\delta\upsilon\nu\tau\omega\varsigma\ \delta\upsilon\nu$), τὸ τί ἦν εἶναι. Существующее по возможности ($\tau\eta\ \delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota$) можетъ какъ быть, такъ и не быть ($\tau\acute{\alpha}\ \epsilon\nu\delta\epsilon\chi\omicron\mu\epsilon\nu\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota\ \kappa\alpha\iota\ \mu\eta\ \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$) ⁴⁾: а Богъ, какъ существующій въ дѣйствительности, въ энтелехіи необходимо ($\epsilon\acute{\xi}\ \acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\chi\eta\varsigma$) долженъ быть. Безъ Него, какъ перваго Двигателя, не могло бы быть движенія; а между тѣмъ движеніе есть въ дѣйствительности: слѣдовательно, Онъ, какъ первый Двигатель, необходимо долженъ существовать. Если возможное имѣетъ бытіе случайное, то Онъ обладаетъ бытіемъ необходимымъ, то есть, не можетъ не быть и стало бытіемъ необходимо бытіемъ дѣйствительнымъ. Богъ есть чистая дѣйствительность, $\epsilon\nu\epsilon\rho\gamma\epsilon\iota\alpha$ (дѣятельность), по Аристотелю ⁵⁾. $\epsilon\nu\epsilon\rho\gamma\epsilon\iota\alpha$ же есть дѣло ($\tau\omega\ \epsilon\rho\gamma\omicron\nu$). Отсюда и са-

1) Τὸ εἶναι βέλτιον τοῦ μὴ εἶναι—прямые слова Аристотеля. De animal. gener. II, 1. Относительно же того, что есть $\delta\upsilon\nu$ ὡς ἀληθές, ἐν τοῖς πράγμασιν и что лишь ἐν διανοίᾳ, см. метаф. V, 4.

2) Eth. Nicom. I, 4.

3) Τὴν ἐντελέχειαν ὁ Ἀριστοτέλης,—говоритъ сходясь на послѣдняго,—ἐπὶ τῆς τελειότητος ἀκούει.—Opp. Arist. t. V, p. 253 indicis. ed. Rerol. 1870.

4) De animal. gener. II, 1. Здѣсь прямо противопоставляется этому имѣющему возможность быть и не быть τὰ αἰδία καὶ θεῖα τῶν ὄντων.

5) Метаф. XI, 7.

мое имя ἐνέργεια произносится, какъ производимое отъ ἔργον, и направляется къ совершенной дѣйствительности» (πρὸς τὴν ἐντελέθειαν) ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ, въ противоположность существующему по возможности (τῇ δυνάμει), т. е. матеріи (τῇ ὕλῃ), ἐνέργεια у Аристотеля принимается въ равномъ значеніи съ формою или идеею (εἶδος, μορφή), съ сущностію (οὐσία) и т. д. ²⁾. И такъ какъ ἐνέργεια «направляется къ совершенной дѣйствительности», къ энтелехіи: то Богъ есть и энтелехія. Понятіе энтелехіи разъясняетъ самъ Аристотель примѣромъ человѣка, могущаго знать что-либо, способнаго къ тому, и человѣка, уже знающаго и умосозерцающаго ³⁾. Относительно бытія собственно, энтелехія есть истинное, дѣйствительное, совершенное бытіе, существованіе, такъ что, по Аристотелю, «сущность (οὐσία) есть энтелехія» ⁴⁾ и «выраженія: единое и бытіе (τὸ ἓν καὶ τὸ εἶναι) во многихъ смыслахъ употребляются, но въ собственномъ смыслѣ это есть энтелехія» (τὸ κυρίως ἢ ἐντελέθειά ἐστιν), ⁵⁾ Уже отсюда, далѣе, ясно, что Богъ, по Аристотелю, есть настоящая, истинная сущность (οὐσία). Такъ онъ прямо и называетъ Его, какъ перваго Двигателя неподвижнаго ⁶⁾. «Выраженіе же: сущность (ἢ οὐσία),—по словамъ Аристотеля,—употребляется во многихъ смыслахъ, но по преимуществу въ четырехъ: во первыхъ, оно означаетъ то, что есть и было (τὸ τί ἢ εἶναι), затѣмъ, означаетъ сущность вообще (τὸ καθόλου), въ-третьихъ,—родъ (τὸ γένος) можетъ быть сущность каждаго и наконецъ, въ-четвертыхъ,—субстратъ» (τὸ ὑποκειμένον) ⁷⁾. Очевидно, что къ Богу приложимо только первое опредѣленіе сущности: Богъ, какъ сущность, есть τὸ τί ἢ εἶναι, по выраженію Аристотеля. Что за смыслъ этого

1) Метаф. VIII, 8.

2) Метаф. VII, 2; VIII, 8 и др.

3) De anima II, 5.

4) De anima II, 1.

5) Ibidem.

6) Metaph. XI, 7. Въ этомъ смыслѣ знаменательны слова Аристотеля въ его сочиненіи: De generatione et corruptione (II, 10) которыя мы скоро приведемъ и которыя имѣютъ отношеніе къ понятію энтелехіи.

7) Metaph. VI, 3.

страннаго по грамматическому составу выраженія? Смысль его обстоятельно выясняется у Аристотеля въ VI-й книгѣ его Метафизики. Сущность этого объясненія можно представить въ слѣдующемъ видѣ: выраженіе это состоитъ изъ настоящаго $\tau\acute{\iota} \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$ и прошедшаго $\eta\upsilon$ и означаетъ у Аристотеля то, что онъ называетъ также $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$, т. е. форма. Поэтому сочетаніе въ одномъ выраженіи и настоящаго (есть) и прошедшаго (было) указываетъ на то, что форма или идея каково бы то ни было единичнаго предмета или явленія существуетъ не только въ настоящій моментъ его бытія, но и была отъ вѣчности и какъ бы предопредѣляла самое это бытіе его и, съ другой стороны, что когда единичный предметъ или явленіе уже исчезли, форма, идея продолжаетъ существовать ¹⁾. Такимъ образомъ, $\tau\omicron \tau\acute{\iota} \eta\upsilon \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$ указываетъ на истинную, не уничтожающуюся, вѣчную сущность Божества: Богъ есть истинно сущее ($\omicron\upsilon\tau\omega\varsigma \omicron\upsilon$). <Выраженіе: сущее ($\tau\omicron \omicron\upsilon$), употребляется во многихъ смыслахъ: оно означаетъ, съ одной стороны, нѣчто существующее ($\tau\acute{\iota} \epsilon\sigma\tau\acute{\iota}$) и опредѣленно существующее ($\tau\omicron\delta\epsilon \tau\acute{\iota}$), а съ другой, — качество или количество или иное что-либо по категоріямъ такого рода. Если же выраженіе: сущее употребляется въ такихъ смыслахъ, то явно, что изъ нихъ первое сущее есть нѣчто существующее, что обозначаетъ сущность ($\tau\eta\nu \omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\nu$). Ибо, когда мы скажемъ, каково что-либо опредѣленное, то называемъ его добрымъ или дурнымъ, но не трехфутовымъ или человѣкомъ; когда же упомянемъ нѣчто существующее, то разумѣемъ не бѣлое и не теплое и не трехфутовое, но человѣка или Бога ($\alpha\lambda\lambda' \alpha\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\nu \eta \theta\epsilon\omicron\nu$). Поэтому прежде всего (первымъ) сущее и не что либо сущее, но просто, сущее ($\omicron\upsilon \alpha\pi\lambda\omega\varsigma$), можетъ быть названо сущностію ($\eta \omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha$). Слово: первое, употребляется во многихъ значеніяхъ, однако первымъ изъ всѣхъ и по разумному основанію, и по познанію и по времени является *сущность* ²⁾.

1) Срав. примѣчаніе русскихъ переводчиковъ Метафизики Аристотеля на стр. 100 февральской кн. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. за 1890 г. въ отд. класс. филол.

2) Metaph. IV, 1.

Мало этого: «Сущность есть причина бытія каждаго предмета» (ἡ οὐσία αἰτία τοῦ εἶναι ἕκαστου) ¹⁾, такъ что, такимъ образомъ, благо бытія, существованія отъ перваго истинно сущаго, Бога, распространяется и на всѣ существа, появляющіяся и исчезающія въ мірѣ, равно какъ и на существа, имѣющія болѣе устойчивое бытіе или пребываніе подъ условіями пространства и времени, разумныя или неразумныя, одушевленные или неодушевленные. «Поелику природа утверждаетъ,—говоритъ Аристотель,— во всемъ всегда стремится къ лучшему, а бытіе лучше, нежели небытіе (βέλτιον δὲ τὸ εἶναι ἢ τὸ μὴ εἶναι), быть же этому во всемъ невозможно вслѣдствіе того, что многіе предметы далеко отстоятъ отъ начала (τῆς ἀρχῆς): то Богъ и наполнилъ все въ мірѣ происхожденіемъ и уничтоженіемъ, сдѣлавъ происхожденіе постоянно совершающимся (ἐντελεχῆ); ибо, такимъ образомъ, болѣе всего постоянно поддерживается бытіе (τὸ εἶναι), то есть, такъ какъ въ этомъ случаѣ существованіе всегдашняго происхожденія (γένεσις) оказывается ближе всего къ сущности (τῆς οὐσίας). Причиною же сего служитъ круговое движеніе; потому что одно только оно непрерывно=(συνεχῆς) ²⁾. Являясь первымъ виновникомъ бытія для всего существующаго, Богъ самъ долженъ необходимо обладать этимъ бытіемъ въ совершенствѣ, и Онъ, такимъ образомъ, по Аристотелю, въ дѣйствительности имъ обладаетъ, что и требовалось доказать. Обладая дѣйствительнымъ, совершеннымъ бытіемъ, Онъ и во всемъ своемъ существѣ является совершеннѣйшимъ (βέλτιστον, ἄριστον). Онъ есть идея идей; Онъ есть разумъ, который, какъ мы знаемъ изъ предшествующаго, есть совершеннѣйшее изъ всего, и Самъ есть «идея идей» (εἶδος εἰδῶν), по выраженію Аристотеля ³⁾. Но объ этомъ болѣе подробная рѣчь будетъ дальше. А теперь мы должны изложить дальнѣйшія изъ Аристотелевыхъ доказательствъ бытія Божія. Изъ нихъ ближайшимъ образомъ относится къ онтологическому—

1) Ibid. VII, 2.

2) De gener. et corrupt. II, 10.

3) De anima III, 8.

г) *Психологическое доказательство бытія Божія*. Указывая на существованіе въ людяхъ умопредставленія о Божествѣ (ἔννοια θεῶν), Аристотель, какъ мы припомнимъ, задался вопросомъ о томъ, откуда происходитъ это умопредставленіе, и изъ двухъ началъ, отъ которыхъ онъ производитъ это умопредставленіе, указываетъ между прочимъ на «совершающееся въ самой душѣ» ἀπό τε τῶν περὶ ψυχῆν συμβαίνόντων) или точнѣе, — «относительно души». Въ объясненіе этого источника умопредставленія или идеи Божества, Аристотель, по словамъ Секста Эмпирика ¹⁾, говоритъ слѣдующее: «отъ совершающагося въ душѣ (относительно души—περὶ ψυχῆν) вслѣдствіе бывающихъ съ нѣю во время сна Божескихъ одушевленій ἐνδουσιασμός) и прорицаній (μαντείας). Ибо, когда, говоритъ онъ, во время сна душа остается сама съ собою, тогда, воспріявъ собственное свое естество (τῆν ἴδιον φύσιν), пророчествуетъ и предсказываетъ будущее. Таковою же она бываетъ и во время отдѣленія отъ тѣла при смерти. Въ свидѣтели этого беретъ онъ (т. е. Аристотель, по словамъ того же Секста Эмпирика) и поэта Гомера, какъ наблюдавшаго сіе, такъ какъ Гомеръ въ своихъ произведеніяхъ сказалъ, что Патроклъ, умирая, предсказывалъ о смерти Гектора, а Гекторъ — о кончинѣ Ахиллеса. Итакъ, на основаніи этого, говоритъ (Аристотель), люди стали думать, что есть Богъ (εἶναι τι θεόν—ὀπενοήσαν), такъ какъ это само по себѣ представляется душѣ и является достовѣрнѣйшимъ изъ всѣхъ познаній» (πάντων ἐπιστημονικωτάτου) ²⁾. Въ этихъ немногихъ словахъ заключается глубокая мысль о воздѣйствіи Божества на душу человѣка (ἐνδουσιασμός), какъ источникъ идеи Божества; а это и служитъ прямымъ и яснымъ признакомъ такъ называемаго психологическаго доказательства бытія Божія, хотя способы и случаи воздѣйствія указаны очень односторонне и представлены лишь въ частныхъ чертахъ. Ибо какъ Божественное вдохновеніе или Божеское одушевленіе (ἐνδουσιασμός—энтузіазмъ), особенно во снѣ, такъ

¹⁾ Предлагаемыя С. Эмпирикомъ слова Аристотеля заключались въ затерянномъ для насъ сочиненіи послѣдняго «О философіи» (популярное изложеніе).

²⁾ Aristotelis opp. fragm. 12, t. V, pag. 1475. 1476 edit. Berolinensis 1870.

и состоянія, въ которыхъ прорицають, во время ли сна также ¹⁾ или при смерти, суть нѣкоторымъ образомъ чрезвычайныя состоянія души человѣческой. Но тутъ важны для насъ слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, состояніе души во время сна (при означенномъ Божескомъ вдохновеніи) называется ея независимымъ состояніемъ, независимымъ, очевидно, отъ условій тѣлесной жизни, которыми она бываетъ связана въ состояніи бодрственномъ, — состояніемъ, въ которомъ она остается лишь сама съ собою или «бываетъ сама по себѣ» (*καθ' ἑαυτὴν γένηται*); во вторыхъ, при такомъ состояніи и во время прорицанія душа воспринимаетъ собственное естество=(*τὴν ἴδιον ἀπολαβούσα φύσιν*); иначе сказать, это состояніе, состояніе сна, и есть то, въ которомъ душа находится въ собственномъ своемъ ествѣ, въ собственной своей природѣ; наконецъ, въ-третьихъ, хотя состояніе и сна и прорицанія есть состояніе души не обычное, при всемъ томъ несомнѣнно, что этотъ энтузіазмъ ²⁾ есть, именно, слѣдствіе Божественнаго вдохновенія, Божескаго воздѣйствія на душу человѣка, слѣдствіемъ какового воздѣйствія является умопредставленіе о Божествѣ, увѣренность въ бытіи Божіемъ (*εἶναι θεόν*). Воздѣйствіе это необходимо предполагаетъ собою соприкосновеніе Божества съ душою человѣка. Теперь спрашивается: какимъ образомъ можетъ быть представляемо это соприкосновеніе? Какъ соприкасается Божество съ человѣкомъ, когда Аристотель прямо учитъ о Божествѣ, какъ Существо безгранично совершенномъ, а человѣкъ ему не безызвѣстенъ былъ въ своей ограниченности? Въ отвѣтъ на этотъ важный вопросъ мы воспользуемся словами самого же Аристотеля, которыя, кстати, послужатъ и къ дальнѣйшему раскрытію предмета настоящаго нашего обслѣдованія.

1) Срав. о семъ спеціальнѣйшій трактатъ Аристотеля *Περὶ μαυτικῆς τῆς ἐν τοῖς ὕπνοις*, особенно главы 1 и 2.

2) Энтузіазмъ—*ἐνθουσιασμός*, ближе всего отъ *ἐνθουσιάζω*, а это отъ *ἐνθους* вм. *ἐνθεος* (*ἐν* и *θεός*) и значитъ прямо то состояніе человѣка, въ которомъ онъ является вслѣдствіе внутренняго (*ἐν*) воздѣйствія на него со стороны Божества; и только уже послѣ и въ переносномъ смыслѣ энтузіазмъ получилъ значеніе одушевленнаго состоянія вообще.

Въ одномъ изъ своихъ нравственно-философскихъ сочиненій Аристотель, рассуждая о причинѣ счастья людскаго и полагая его, вслѣдъ за общераспространеннымъ мнѣніемъ, въ счастливой судьбѣ (τύχη), какъ бы руководящей въ такомъ случаѣ и умомъ и волею человѣка, заключаетъ свою рѣчь о томъ словами: «поэтому все будетъ зависѣть отъ счастливой судьбы, или есть еще какое-либо начало (ἀρχή), помимо котораго нѣтъ никакого другого». И далѣе спрашиваетъ: «Почему же это начало таково, что въ силахъ сдѣлать это? А сей вопросъ сводится къ слѣдующему: какое начало движенія въ душѣ (τίς ἢ τῆς κινήσεως ἀρχή ἐν τῇ ψυχῇ)?» Отвѣтъ дается у нашего философа такой: «ясно, что какъ во вселенной таковымъ началомъ является Богъ (ἐν τῷ ὄλῳ—θεός), такъ и въ душѣ; ибо все какъ бы движетъ существующее въ насъ Божество (κινεῖ γάρ πως πάντα τὸ ἐν ἡμῖν θεῖον). Разума же (λόγου) началомъ служить не самъ же разумъ (λόγος), но нѣчто болѣе превосходное. А что можетъ быть превосходнѣе и знанія и ума, какъ не Богъ (τί οὖν ἄν κρείττον καὶ ἐπιστήμης εἶη καὶ νοῦ πλὴν θεός)? Ибо добродѣтель есть орудіе ума; и поэтому древніе говорили: счастливыми называются тѣ, которые стремятся поступать правильно будучи неразумными (ἄλογοι ὄντες), и желать имъ не полезно, такъ какъ они имѣютъ въ себѣ такое начало, которое превосходнѣе ума и желанія (τοῦ νοῦ καὶ βουλεύσεως). Иные же признаютъ разумъ (τὸν λόγον) таковымъ началомъ; но сами не имѣютъ его; и Божественное вдохновеніе (ἐνθουσιασμόν); но сіе не могутъ имѣть, такъ какъ достигаютъ его будучи неразумными (ἄλογοι ὄντες). Итакъ, должно предполагать, что у благоразумныхъ и мудрыхъ прорицаніе бываетъ скорѣе (ταχέϊαν εἶναι τὴν μαντικὴν), хотя и не отъ разума (τοῦ λόγου) получается, но у однихъ бываетъ вслѣдствіе опытности, а у другихъ вслѣдствіе привычки усматривать отдаленное. Въ томъ и другомъ случаѣ, однако, они пользуются Божествомъ (τῷ θεῷ), такъ какъ оно хорошо видитъ и будущее и настоящее, равно какъ и то, до чего не доходитъ разумъ (λόγος) нашъ. Поэтому меланхолики ¹⁾ имѣютъ пра-

¹⁾ Меланхолія (развитіе черной желчи) у древнихъ было признакомъ душевной болѣзни, сумасшествия, при чемъ возможно бываетъ и изступленіе, свойственное энтузіастамъ и прорицателямъ.

вильныя и ясныя сновидѣнія. И кажется, упомянутое начало имѣеть болѣе силы тогда, когда разумъ не доходитъ до чего-либо, при чемъ прорицатели бываютъ подобны слѣпымъ, которые являются болѣе памятливыми, такъ какъ отрѣшены отъ того, что ослабляетъ силу памяти и препятствуетъ прочному запоминанію. И такъ, явно, — заключаетъ всю рѣчь свою Аристотель, — что есть два вида счастья: одно Божественное, почему счастливый и кажется дѣйствующимъ съ помощію Бога (*διὰ θεόν*), а другое бывающее по природѣ. Перваго рода счастливецъ дѣйствуетъ по силѣ особеннаго стремленія (*κατὰ τὴν ὀρέην*) ¹⁾, а втораго рода счастливецъ — помимо такового стремленія; неразумные же и такъ и иначе. И перваго рода счастье болѣе постоянно, а послѣдняго рода — непостоянно ²⁾. Для болѣе яснаго пониманія этого отрывка изъ сочиненій Аристотеля, нужно, съ одной стороны, припомнить его ученіе о движеніи и постепенности существъ природы и ихъ движеній, при чемъ вѣнцомъ существъ ея является человѣкъ, а съ другой, — принять во вниманіе его ученіе о душевной и духовной жизни человѣка и способностяхъ души послѣдняго, равно какъ и о счастіи. Благо человѣка состоитъ въ совершенствѣ его собственно человѣческой, т. е. разумной дѣятельности, которая и есть добродѣтель. Поэтому счастье, блаженство человѣка, въ собственномъ смыслѣ, состоитъ въ добродѣтели. Разумная же дѣятельность двояка: теоретическая и практическая. Послѣдняго рода дѣятельность, какъ условливаемая содѣйствіемъ и вліяніемъ воли, хотя и управляемая разумомъ, есть собственно нравственная, иѳическая. Но самая цѣнная и высшая есть теоретическая или чисто разумная дѣятельность: (*ἡ θεωρία τὸ ἥριστον καὶ ἄριστον*) — говоритъ Аристотель ³⁾, ибо она-то собственно и представляетъ нѣчто божественное въ человѣкѣ. Человѣкъ въ невещественной части своего состава, т. е. въ независимой отъ тѣлеснаго, вещественнаго въ немъ, хотя и тѣсно связанной съ нимъ, имѣеть

1) Срав. о Богѣ, какъ ὀρεκτόν въ Метафиз. XI (XII), 7.

2) Eth. Eud. VII, 14.

3) Метаф. XI, 7; срав. Пѣнку Ньюом. X, 7 и др.

душу (ψυχή), общую у него со всѣми животными и выражающую свою дѣятельность самымъ нагляднымъ образомъ въ области чувственныхъ воспріятій (αἴσθησις), общаго чувства, органомъ котораго служитъ сердце, объединяющее въ себѣ впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ, сохраняющее ихъ (память) и вызывающее по временамъ въ бодрственномъ (воспоминанія, образы воображенія) или сонномъ состояніи (сновидѣнія)¹⁾, и т. д. Но кромѣ души, человѣкъ, одинъ только изъ всѣхъ живыхъ существъ, имѣетъ еще духъ или умъ (νοῦς), который, правда, имѣетъ близкое соотношеніе съ душою въ дѣятельности, но онъ независимъ отъ нея: между тѣмъ, какъ душа рождается и умираетъ или возникаетъ и уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ, духъ или умъ вѣченъ. Душа есть форма тѣла, а духъ или умъ—форма самой души. Онъ—Божественное (θεῖον) въ ней и привзошелъ (ἐπεισέναι) въ нее извнѣ (θύραθεν)²⁾ до рожденія человѣка. Своею страдательною стороною (νοῦς παθητικός) онъ тѣсно примыкаетъ къ душѣ въ ея дѣятельности, но какъ умъ дѣятельный (νοῦς ποιῶν или ποιητικός), онъ все производитъ, не подвергаясь самъ какимъ-либо измѣненіямъ. Въ этомъ отношеніи онъ прямо служитъ отображеніемъ Божественнаго ума (νοῦς), движущаго все, но неподвижнаго. Поэтому-то онъ и вѣченъ. Его то дѣятельность по преимуществу и есть теоретическая состоящая въ созерцаніи (θεωρεῖν) и постиженіи высочайшихъ истинъ и общихъ началъ всякаго бытія, въ чистомъ мышленіи (νόησις, νοεῖν). Въ отношеніи къ разуму дѣятельному самъ разумъ страдательный является нѣкоторымъ образомъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ является возможность по отношенію къ дѣйствительности: онъ заключаетъ въ себѣ только расположеніе къ мышленію, онъ есть пустое мѣсто мысли и становится истиннымъ мышленіемъ только при посредствѣ ума дѣятельнаго. Подъ руководствомъ послѣдняго становясь однако же на почву дѣятельности практической, въ

¹⁾ Сновидѣнія вызываются также, впрочемъ, по Аристотелю, и внутренними движеніями въ чувственныхъ органахъ, при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ могутъ служить указаніями на событія, оставшіяся незамѣченными въ бодрственномъ состояніи.

²⁾ De animal. gener. II, 3; cont. De anima I, 4 и др.

связь съ волею и желаніемъ, онъ въ свою очередь является разумомъ практическимъ (νοῦς или λόγος πρακτικός, также διάνοια πρακτική, τὸ λογιστικόν, въ отличіе отъ ἐπιστημονικόν), въ развитіи коего состоитъ благородіе или разсудительность (φρόνησις). Въ этомъ именно смыслѣ Аристотель говоритъ на примѣръ: «если счастье (εὐδαιμονία) состоитъ въ добродѣтельномъ дѣйствіи (κατ' ἀρετὴν ἐνέργεια), то естественно заключать, что добродѣтель здѣсь разумѣется высшая; а она можетъ принадлежать только наилучшей части въ составѣ человѣка, будетъ ли это умъ (νοῦς) или нѣчто другое, что по самой природѣ своей является начальствующимъ и управляющимъ, руководящимъ и содержащимъ въ себѣ понятіе (ἐννοίαν) о прекрасномъ и Божественномъ (περὶ καλῶν καὶ θεῶν), будетъ ли и оно само Божественнымъ или наиболѣе Божественнымъ изъ всего, что есть въ насъ (εἴτε θῶρον ὄν καὶ αὐτὸ εἴτε τῶν ἐν ἡμῖν τὸ θεϊότατον) Во всякомъ случаѣ дѣятельность этой части, сообразная съ ея собственною добродѣтелію, и можетъ быть совершеннымъ счастьемъ (ἡ τελεία εὐδαιμονία). Она есть теоретическая (θεωρητική). Эта дѣятельность есть превосходнѣйшая; ибо и умъ (νοῦς) есть превосходнѣйшее изъ всего, что есть въ насъ, и изъ познаваемаго превосходнѣйшее есть то, что объемлетъ умомъ. Въ то же время она есть и самая постоянная; ибо созерцать (θεωρεῖν) мы можемъ болѣе постоянно, нежели дѣлать что-либо» ¹⁾. Въ этомъ же смыслѣ Аристотель говоритъ, что человѣкъ, или только одинъ изъ извѣстныхъ намъ живыхъ существъ или даже одинъ изъ всѣхъ причастенъ Божественному (μετέχει τοῦ θεοῦ)» ²⁾; или, какъ въ другомъ мѣстѣ: «человѣкъ одинъ только изъ живыхъ существъ имѣетъ прямое положеніе тѣла вслѣдствіе того, что его природа и сущность есть Божественная (διὰ τὸ τῆν φύσιν αὐτοῦ καὶ τῆν οὐσίαν εἶναι θεῖαν), дѣло же того, что весьма Божественно, заключается въ мышленіи и мудрствованіи» (ἔργον δὲ τοῦ θεϊοτάτου τὸ νοεῖν καὶ φρονεῖν) ³⁾. Или еще въ иномъ

¹⁾ Eth. Nicom. X, 7. Въ вышеприведенномъ отрывкѣ для понятія счастья у Аристотеля употреблено слово: εὐτυχία.

²⁾ De part. animal. II, 10.

³⁾ Ibid. IV, 10.

мѣстѣ: умъ, какъ кажется, превзошелъ въ душу отъ-внѣ и есть нѣкая сущность (*οὐσία τις οὐσα*), которая не уничтожается и не повреждается. Онъ могъ быособенно повреждаться отъ помраченія, бывающаго въ старости: однако это случается теперь только съ внѣшними чувствами; ибо если кто, даже будучи старцемъ, будетъ смотрѣть чрезъ это око (т. е. умъ), то онъ будетъ видѣть такъ же, какъ и молодой, такъ что старость не есть такое состояніе, въ которомъ душа чѣмъ-либо страдаетъ, но такое, которое подобно состоянію опьяненія и болѣзни. Въ этомъ случаѣ и мышленіе и созерцаніе (*καὶ τὸ νοεῖν δὴ καὶ τὸ θεωρεῖν*), конечно, ослабѣваютъ, но такъ что при этомъ что-либо другое внутри души повреждается; умъ же самъ остается безстрастнымъ. Размышленіе (*τὸ διανοεῖσθαι*) или разсужденіе, а равно и любовь или ненависть не суть его страдательныя состоянія, но другой части души, которая обладаетъ этимъ, доколѣ обладаетъ; поэтому и когда эта часть повреждается, то онъ не обнаруживаетъ ни памятованія о семъ, ни любви; ибо это суть состоянія не его, а общаго чувства (*κακοῦ*), которое погибаетъ, исчезаетъ. Умъ же есть нѣчто болѣе Божественное и безстрастное: *ὁ δὲ νοῦς θεϊότερον τι καὶ ἀπαθές ἐστίν*) ¹⁾. Изъ всего этого ясно, что, по Аристотелю, Божество можетъ воздѣйствовать и воздѣйствуетъ на душу человѣка такъ или иначе посредствомъ наивысшей и наилучшей, истинно сущей и вѣчной части ея, посредствомъ ума (*νοῦς*). Въ немъ-то, въ семъ именно умѣ и образуется умопредставленіе или понятіе (*ἐννοια*) ²⁾ о Богѣ и Божественномъ, которое (понятіе) поэтому же самому и заключаетъ въ себѣ всѣ возможные для ума человѣческаго признаки Существа абсолютно совершеннаго, какимъ является Богъ. Изъ того же видно, что Аристотель ясно представлялъ, что не самъ человѣкъ приобрѣтаетъ себѣ какъ это умопредставленіе, понятіе (*ἐννοια*), такъ и самый умъ (*νοῦς*), но что и то и другое привходитъ въ него извнѣ (*δύραθεν ἐπεισιέναι*), именно отъ Бо-

1) De anima I, 4. Conf. De animal. gener. II, 3.

2) Самое слово *ἐννοια* происходитъ, очевидно, отъ *ἐν* (въ) и *νοῦς* (умъ) и означаетъ τὸ, что содержится въ умѣ.

га. Который есть самъ чистѣйшій Умъ (Νοῦς) ¹⁾. А отсюда съ несомнѣнностію слѣдуетъ заключеніе, что Онъ есть, существуетъ, какъ таковой, что и требовалось подтвердить разсматриваемымъ доказательствомъ бытія Божія.

д) *Историческое доказательство бытія Божія.* Между тѣмъ какъ въ предшествующихъ доказательствахъ бытія Божія Аристотель стоялъ на почвѣ своихъ философскихъ началъ, онъ не считалъ однако излишнимъ и достойнымъ пренебреженія и то, что не было, строго говоря, принадлежностію его собственно философскаго міровоззрѣнія, но что, взаи́мнъ того, имѣло на своей сторонѣ вѣскій авторитетъ общаго мнѣнія и убѣжденія. Это могло служить и служило для него подтвержденіемъ его собственныхъ философскихъ соображеній и выводовъ. Съ этою именно цѣлію и пользуется онъ такъ называемымъ историческимъ доказательствомъ бытія Божія или доказательствомъ, заимствуемымъ отъ согласія всѣхъ народовъ и людей въ признаніи истины бытія Божія (*argumentum à consensu gentium*). Классическимъ мѣстомъ для сего у Аристотеля должно быть признано слѣдующее мѣсто изъ его сочиненія «О небѣ», гдѣ онъ, разсуждая объ эфирѣ, находящемся въ небесныхъ пространствахъ, и о первомъ изъ небесныхъ тѣлъ (или свѣтилъ), говоритъ: «первое изъ тѣлъ (τὸ πρῶτον τῶν σφαιρῶν) есть вѣчное и не имѣющее ни возрастанія, ни уменьшенія, но есть не старѣющее, неизмѣняемое и безстрастное. Кажется, и слово преданія служитъ свидѣтелемъ являемому и являемое— слову преданія. Ибо всѣ люди имѣютъ представленіе о богахъ (πάντες γὰρ ἄνθρωποι περὶ θεῶν ἔχουσιν ὑπόληψιν) ²⁾, и всѣ, которые полагаютъ, что боги существуютъ (ὅσα πὲρ εἶναι νομίζουσι θεούς), какъ еллины, такъ и варвары, приписываютъ Божеству высочайшее мѣсто (въ мірѣ) ³⁾, очевидно потому, что бессмерт-

1) Припомнимъ, кромѣ сказаннаго сейчасъ, еще и раньше приведенное выраженіе Аристотеля: «Умъ возложенъ Богомъ въ душѣ на подобіе свѣта» *Rhētor.* III, 10.

2) ὑπόληψις—предположеніе, мнѣніе, представленіе, молва, слухъ имѣетъ еще ту важную въ настоящемъ случаѣ особенность значенія, что указываетъ на преемственную (ἐξ ὑπόληψεως) передачу этого мнѣнія, представленія отъ однихъ людей къ другимъ.

3) Ср. ту же мысль въ *De coelo*, II, 1.

ному приличествуетъ безсмертное, такъ какъ иначе невозможно. И такъ, если есть Божество, а Оно и дѣйствительно есть (εἴπερ οὖν ἔστι τι θεῖον, ὥσπερ ἔστι), то и сказанное нынѣ о первой сущности тѣлѣ, сказано хорошо и правильно¹⁾. Не мало имѣетъ значенія въ настоящемъ случаѣ и другое мѣсто изъ сочиненія Аристотеля «О мірѣ», гдѣ читаемъ: «Нѣкое древнее и отъ предковъ къ потомкамъ переходящее преданіе существуетъ между людьми и гласитъ, что все у насъ отъ Бога и чрезъ Бога установлено и существуетъ и что никакое естество само по себѣ не можетъ быть самодовлѣющимъ, будучи лишено сохраненія отъ Него. Поэтому и нѣкоторые изъ древнихъ увлечены были этою мыслию даже до того, что говорили: богами полно все это, какъ представляющееся очамъ нашимъ, такъ и воспринимаемое чрезъ слухъ и всякое другое чувство, и тѣмъ хотя полагали приличествующее основаніе Божественному всемогуществу, однако утверждали не совсѣмъ приличествующее Его существу. Ибо Богъ есть по истинѣ спаситель и производитель (σωτήρ καὶ γενέτωρ) всего, какимъ бы то ни было образомъ совершающагося въ мірѣ семь: однако не такъ, чтобы Онъ, на подобіе какого-либо ремесленника или утомленіе испытывающаго живого существа, терпѣлъ трудности, но пользуется никогда не ослабѣвающимъ могуществомъ, коимъ превосходитъ даже тѣхъ, которые кажутся могущественнѣйшими²⁾. И въ своемъ письмѣ къ Антипатру Аристотель говоритъ, что Александру (Македонскому) «слѣдуетъ гордиться не однимъ только тѣмъ, что онъ властвуетъ надъ столь многими людьми, но и тѣмъ, что властвуетъ надъ столь многими людьми, имѣющими истинныя мнѣнія о богахъ» (τοῖς περὶ θεῶν δοῦσας ἀληθεῖς ἔχουσιν)³⁾. Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій нашъ философъ говоритъ: «почему человѣку должно болѣе вѣрить, нежели другому живому существу? потому ли, что онъ только одинъ изъ живыхъ существъ, какъ отвѣчалъ Платонъ Неоклесу, умѣетъ исчислять? или потому, что онъ

1) De coelo, I, 3.

2) De mundo, cap. 6.

3) Aristotelis app. 7 fragm. 614, t. V p. 1581 ed. Berolinensis 1870.

одинъ только имѣеть понятіе о богахъ» (*νομίζεαι θεούς*)? ¹⁾ Сюда же можно отнести и тѣ мѣста разныхъ сочиненій Аристотеля, въ которыхъ онъ исчисляетъ и разбираетъ мнѣнія древнѣйшихъ философовъ о Богѣ, какъ-то: Θαλέса ²⁾, Ксенофана ³⁾, Пифагорейцевъ ⁴⁾, Гераклита ⁵⁾, Зенона ⁶⁾, Эмпедокла ⁷⁾, Платона ⁸⁾ и др., потому что всѣ эти философы, имѣя каждый свое особенное мнѣніе о Божествѣ, были въ то же время и выразителями общенароднаго признанія бытія боговъ или Божества. Голосъ народа — голосъ Божій, слѣдовательно, голосъ истины. Не даромъ еще Цицеронъ говорилъ, что «согласіе въ чемъ-либо всѣхъ людей должно быть почитаемо голосомъ природы» ⁹⁾. И Аристотель, конечно, не могъ не довѣрять этому голосу, что и выразилъ собственнымъ, приуроченнымъ къ тому признаніемъ: «если есть Божество, а Оно и дѣйствительно есть». Мало того, Онъ, какъ мы говорили выше, подтверждаетъ этимъ общенароднымъ голосомъ свои собственные философскія соображенія и выводы, какъ на примѣръ о мѣстѣ пребыванія Божества, о зависимости всего отъ Бога и о сохраненіи Имъ всего, и т. д. Онъ считаетъ нужнымъ вѣрить человѣку, потому что человѣкъ одинъ изъ всѣхъ живыхъ существъ имѣеть понятіе о богахъ: слѣдовательно потому, что человѣкъ можетъ сообщать и то, что открываетъ ему предметъ этого понятія — Божество: тѣмъ болѣе не могъ онъ не довѣрять всѣмъ людямъ въ признаніи истины бытія Божества. Ближе къ системѣ собственно философскаго міровоззрѣнія Аристотеля стоитъ послѣднее изъ встрѣчающихся въ его сочиненіяхъ.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Problem. XXX, 6.

²⁾ De anima, I, 5.

³⁾ Metaph. I, 5.

⁴⁾ Fragm. 192, pag. 1512 t. V ed. Berol. 1870.

⁵⁾ De part. animal. I, 5.

⁶⁾ De Xenophane etc. 3.

⁷⁾ De anima, I, 5. De gener. et. corrupt. II, 6.

⁸⁾ Polit. II, 5. Срав. также о Сократѣ въ Rhetor. III, 18.

⁹⁾ Disput. Tusc. I, 13. Срав. ж. «Вѣра и Раз.» 1885 г. отд. фил. I, 8.

„ТЕОДИЦЕЯ“ ЛЕЙБНИЦА

Разсужденіе о благодѣи Божіей, свободѣ человѣческой и началѣ зла.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе *).

§ 149. Бель соглашается, что «повсюду можно встрѣчать и благо нравственное и благо физическое, а также нѣкоторые примѣры добродѣтели и нѣкоторые примѣры счастья; но именно это и составляет затрудненіе; ибо если бы существовали одни люди злые и несчастные, то не было бы надобности прибѣгать къ гипотезѣ двухъ началъ». Я удивляюсь, что этотъ превосходный человѣкъ заявляетъ такую расположенность къ мнѣнію о двухъ началахъ, и я поражаюсь тѣмъ, что онъ не принялъ въ соображеніе, что то повѣствованіе о человѣческой жизни, которое составляетъ всемірную исторію человѣческаго рода, возникло готовымъ въ божественномъ умѣ съ безковечнымъ числомъ другихъ повѣствованій, и что божественная воля опредѣлила существованіе только одного этого повѣствованія, потому что только эта послѣдовательность событій наиболѣе могла согласоваться съ остальными предметами, для извлеченія отсюда наилучшаго. И эти кажущіяся несовершенства цѣлаго міра, эти пятна на солнцѣ, какъ они существуютъ на нашемъ солнцѣ, только возвышаютъ, а не умаляютъ его красоту и способствуютъ къ достиженію

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 12.

наибольшаго блага. Дѣйствительно существуютъ два начала, но оба они находятся въ Богѣ: это Его разумъ и Его воля. Разумъ указываетъ начало злое, не содержа зла и не становясь злымъ; онъ представляетъ естественные предметы, какъ они существуютъ въ вѣчныхъ истинахъ; Онъ заключаетъ въ себѣ причину, по которой зло допускается; но воля стремится только къ благу. Присоединимъ третье начало, т. е. могущество; оно предшествуетъ даже разуму и волѣ; но оно дѣйствуетъ какъ указываетъ разумъ, и какъ требуетъ воля¹⁾.

150. Многие, подобно Компанеллѣ, называли эти три совершенства Божіи *примордіальными* (т. е. первичными). Многие также полагали, что въ нихъ содержится таинственное отношеніе къ Св. Троицѣ; что могущество относится къ Отцу, т. е. къ Его божеству; мудрость къ вѣчному Слову, которое названо *Λογος*-омъ самымъ возвышеннымъ изъ евангелистовъ; а воля или любовь относится къ Св. Духу. Почти всѣ черты

¹⁾ Кирхманъ признаетъ простымъ мнѣніемъ, простою гипотезою и слѣдовательно, одною, ничѣмъ недоказанною возможностью то ученіе Лейбница, по которому зло настоящей жизни будетъ вознаграждено и преподѣдено въ будущей; онъ думаетъ, будто Лейбницъ не доказываетъ свою мысль, а только высказываетъ; между тѣмъ какъ его противники будто-бы приводятъ и основанія для своихъ возраженій. И однакоже можно-ли согласиться, что ученіе о вознагражденіи въ будущей жизни должно быть признаваемо только предположеніемъ или гипотезою, ни на чемъ не основанною? Намъ кажется, что даже съ философской точки зрѣнія Кирхманъ не имѣетъ права это утверждать. Теоретическій или индуктивный выводъ только тогда можетъ быть признаваемъ твердою истиною, когда утверждается на несомнѣнныхъ теоретическихъ послѣдкахъ, или обнимаетъ всю группу потребныхъ фактовъ опыта для своего обоснованія; конечно, ни того, ни другого противники Лейбница не дѣлаютъ, хотя и ссылаются на несомнѣнные факты существующаго въ мірѣ зла. Кромѣ того, факты, какъ бы ни были поразительны, сами по себѣ ничего не говорятъ; они требуютъ для себя такого, или иного объясненія, какъ мы уже замѣчали это. И нельзя привести никакихъ основаній, почему бы объясненія фактовъ существующаго въ мірѣ зла. предлагаемыя противниками Лейбница, должны быть признаваемы болѣе основательными или убѣдительными объясненіями Лейбница. Во всякомъ случаѣ Кирхманъ забываетъ, что мысль о торжествѣ добра надъ зломъ въ будущей жизни не есть одно только предположеніе, или гипотеза, подобная такому или иному силлогистическому выводу или ограниченной индукціи, а есть глубокая потребность человѣческой природы и человѣческой исторіи. Съ этой точки зрѣнія она гораздо сильнѣе и доказательнѣе противоположныхъ мнѣній противниковъ Лейбница.

и сравненія заимствованныя изъ природы разумныхъ субстанцій, указываютъ на то же отношеніе ¹⁾).

151. Мнѣ кажется, что еслибы Бель принялъ въ соображеніе то, что сказано было мною о началахъ вещей, то онъ самъ отвѣтилъ бы на свои вопросы, или, по крайней мѣрѣ, не сталъ бы, какъ дѣлаетъ теперь продолжать слѣдующую вопросительную рѣчь: «Если бы человѣкъ былъ твореніемъ одного начала высочайше святаго, высочайше могущественнаго: то могъ ли бы онъ быть подверженъ болѣзнямъ, холоду, голоду, жадѣ, скорби, печали? могъ ли бы онъ имѣть столько дурныхъ склонностей? могъ ли бы совершать столько преступленій? Высочайшая святость могла ли создать это несчастное твореніе? Высочайшее могущество, въ соединеніи съ безконечною благостію, не ущедрило ли бы благами свое созданіе, и не удалило бы отъ него все, что могло бы его оскорблять и печалить? Пруденцій представилъ эти же возраженія въ своей Гамортигеніи (Hamortigénie):

*Si non vult Deus esse malum, cur non vetat?
 inquit;
 Non refert auctor fuerit, factorve malorum.
 Anne opera in vitium sceleris pulcherrima verti,
 Cum possit prohibere, sinat? quod si velit omnes
 Innocuos augere Omnipotens, ne sancta voluntas
 Degeneret; facto nec se manus inquinat ullo?
 Condidit ergo malum Dominus, quod spectat ab alto,
 Et portitur, fierique probat, tanquam ipse creavit.
 Ipse creavit enim, quod si discludere possit,
 Non abolet, longosque sinit grossarier usu.*

(Если Богу угодно, говорить, чтобы не было зла, то почему не запрещаетъ его? Вѣдь все равно, будетъ ли Онъ самъ виновникомъ или творцемъ зла, или будетъ допускать, чтобы Его прекраснѣйшее твореніе предавалось злымъ дѣйствіямъ,

¹⁾ Греческое слово λόγος имѣетъ двойное значеніе; оно выражаетъ, съ одной стороны, сочетаніе членораздѣльныхъ звуковъ въ словѣ, а съ другой—мысль или понятіе, обозначаемыя этимъ сочетаніемъ. Но въ древней философіи оно имѣло свое особенное значеніе. Александрійская школа философовъ подъ словомъ λόγος разумѣла духъ или разумъ, исходящій изъ высочайшаго начала. Христіане же этимъ именемъ обозначаютъ Божественную Личность Иисуса Христа.

хотя Онъ могъ бы этому воспрепятствовать. Ибо, если бы угодно было Всемогущему, то Онъ могъ бы все содѣлать безвреднымъ, чтобы не извращалась святая воля и чтобы рука не была осквернена какими-либо (недостойными) дѣлами. Такимъ образомъ, Самъ Господь, взирающій съ высоты, уготовалъ зло. Онъ допускаетъ его и одобряетъ его совершеніе, какъ если-бы Самъ творилъ его. Да, Онъ Самъ совершаетъ это, когда то, что могъ бы уничтожить, не препобѣждаетъ, но чрезъ продолжающееся совершеніе, допускаетъ ему укрѣпляться).

Я уже достаточно отвѣчалъ на это. Человѣкъ самъ виновникъ своихъ золъ: какимъ онъ есть теперь, такимъ онъ былъ въ Божественныхъ идеяхъ. Богъ, побуждаемый неотвратимыми причинами мудрости, опредѣлялъ, чтобы человѣкъ явился въ своемъ бытіи такимъ, какимъ есть теперь. Бель, быть можетъ, понялъ-бы происхожденіе зла, какъ я понимаю его, если-бы для уясненія присоединилъ Божественную мудрость къ могуществу, Божественную благодѣтельность къ святости. Мимоходомъ присовокуплю, что святость Божія есть нечто иное, какъ высшая степень благодѣтельности, какъ противоположное ей—преступленіе есть наихудшее изъ золъ ¹⁾.

152. Бель представляетъ Мелисса, греческаго философа,

¹⁾ Квирхмапъ говоритъ, что неотвратимыя причины мудрости (*raisons indispensables*), которыми Лейбницъ оправдываетъ существованіе зла, предлагаются философомъ *a priori* и поэтому не могутъ быть признаны убѣдительными; между тѣмъ какъ факты существованія зла, на которые ссылается Бель, приводятся *a posteriori*. Отсюда какъ будто-бы слѣдуетъ, что Бель сплѣнѣе доказываетъ свое положеніе, чѣмъ Лейбницъ свое. И однакоже несомнѣнно, что факты сами по себѣ ничего не доказываютъ и что тождественные факты могутъ совершаться по различнымъ мотивамъ. Все дѣло зависитъ отъ мотивовъ и отъ пониманія или объясненія ихъ. Только правильное пониманіе факта даетъ ему смыслъ и значеніе. Но можно-ли сказать, будто объясненіе фактовъ зла, предлагаемое Белемъ, болѣе удопонятно, чѣмъ объясненіе предлагаемое Лейбницемъ? Лейбницъ не можетъ представить ближайшихъ причинъ существованія того или другого частнаго зла и ограничивается ссылкой на общія причины божественной мудрости, допускающей это зло. Это правда. Но развѣ Бель, съ своей точки зрѣнія, можетъ представить болѣе разумныя причины существованія этого зла? Во всякомъ случаѣ Лейбницъ, указывая на общія причины допущенія Промысломъ зла, не преграждаетъ этимъ дѣятельности человѣческаго разума въ изысканіи частныхъ или ближайшихъ причинъ существованія того или иного фактическаго зла.

защитника единого начала (и, быть можетъ, даже одной субстанции), спорящимъ съ Зороастромъ, первымъ творцемъ дуализма. Зороастръ соглашается, что гипотеза Мелисса болѣе сообразна съ порядкомъ и основаніями *a priori*, но отвергаетъ, чтобы она была сообразна съ опытами и основаніями *a posteriori*. «Я превосхожу тебя, говоритъ онъ, въ объясненіи явленій, что служитъ главнымъ признакомъ хорошей системы». По моему же мнѣнію, не особенно хорошее даютъ объясненіе явленію, когда указываютъ на ближайшую причину, напримѣръ, при злѣ указываютъ на *principium maleficum* (на начало злое), при холодѣ на *principium frigidum* (на холодное начало); нѣтъ ничего легче и нѣтъ ничего проще этого. Это почти тоже, какъ если бы кто сказалъ, что перипатетики превосходятъ новыхъ математиковъ въ объясненіи астрономическихъ явленій, усвоивъ звѣздамъ совершенный разумъ, который путеводитъ ими, потому что при этомъ объясненіи очень легко понять, почему планеты совершаютъ свое теченіе столь правильно; между тѣмъ какъ надобно много имѣть геометрическихъ знаній и употребить много размысленій, чтобы понять, какимъ образомъ изъ притяженія планетъ, привлекающаго ихъ къ солнцу, въ соединеніи съ ихъ собственнымъ стремленіемъ, можетъ возникать эллиптическое движеніе Кеплера, которое такъ хорошо объясняетъ видимыя явленія. Человѣкъ неспособный къ глубокимъ соображеніямъ будетъ соглашаться съ перипатетиками и будетъ признавать нашихъ математиковъ мечтателями. Древній послѣдователь Галена тоже дѣлаетъ съ схоластическими тайными силами; онъ будетъ принимать подобную силу для изготовленія питательнаго сока, другую для химическаго изготовленія пищи и еще иную для распредѣленія крови, и каждой изъ нихъ будетъ усвоить особенное дѣло; онъ будетъ думать, что здѣсь совершаются чудеса и посмѣется надъ химерическими затѣями современныхъ ученыхъ, которые механически хотятъ объяснить то, что совершается въ тѣлѣ животнаго.

153. Объясненіе причины зла единымъ началомъ, *per principium maleficum*, принадлежитъ къ одной и той же категоріи. Зло не объясняется этою причиною, равно какъ холодъ и тьма:

нигдѣ нѣтъ *primum frigidum* (перваго холода), ни начала тьмы. Зло происходитъ только отъ лишенія; положительное же при этомъ появляется по сопровожденію, какъ дѣятельное по сопровожденію въ холодѣ. Мы видимъ, что вода замерзая способна разорвать стволъ ружья, въ которомъ она заключена: и однакоже холодъ есть извѣстное лишеніе силы; онъ появляется отъ уменьшенія движенія, которое разъединяетъ жидкія частицы. Когда это разъединяющее движеніе въ водѣ, посредствомъ холода, уменьшается, то сжимаемыя частицы воздуха, скрытыя въ водѣ, собиравшись, и дѣлаясь болѣе массивными, становятся болѣе способными дѣйствовать во внѣ свою упругостію, потому что сопротивленіе, которое поверхности частицъ воздуха встрѣчаютъ въ водѣ, и которое противится стремленію этихъ частицъ къ расширенію, становится гораздо меньше и поэтому дѣйствіе въ большихъ объемахъ (Ballen) воздуха гораздо больше, чѣмъ въ малыхъ, хотя-бы эти маленькіе объемы, соединенные вмѣстѣ, содержали такую же массу, какъ и большіе, потому что сопротивленія, т. е. поверхности, возрастаютъ какъ квадраты, а сила, т. е. содержаніе, или твердость сжатыхъ объемовъ воздуха возрастаютъ какъ кубы діаметровъ. Такимъ образомъ, только случайно лишеніе пріобрѣтаетъ дѣйствіе и силу. Я уже показалъ выше, какимъ образомъ лишеніе достаточно для возбужденія ошибки и злодѣянія и какимъ образомъ, Богъ опредѣляетъ допустить ихъ, не имѣя въ Себѣ ничего злаго. Зло происходитъ отъ лишенія; положительное и дѣйственное возникаютъ случайно, какъ сила рождается изъ холода ¹⁾.

1) Приведенныя Лейбницемъ объясненія въ наше время не могутъ быть признаны правильными. Современные физики учатъ, что вода достигаетъ наименьшей степени расширенія при 4 градусахъ теплоты по Реомюру; при болѣе же низкой температурѣ она увеличивается въ своемъ объемѣ, т. е. молекулы воды такъ располагаются, что становятся на большемъ разстояніи другъ отъ друга, что можетъ быть объяснено только увеличеніемъ отталкивающей силы, а не уменьшеніемъ ея. Столько же не примѣнимо понятіе лишенія, или ограниченія и къ физическому и нравственному злу, т. е. и то и другое зло происходитъ не отъ одного ограниченія. Страданіе является въ ощущеніи чѣмъ-то положительнымъ, а не однимъ только явленіемъ отрицательнымъ, равно какъ и дѣйствіе безнравственное является очень положительнымъ, когда, напримѣръ, при немъ сила страстей преоблѣж-

154. То, что Бель усволяетъ павликіанамъ (стр. 2323), нельзя назвать логичнымъ; онъ думаетъ, что свободная воля должна протекать отъ двухъ началъ, чтобы могла склоняться къ добру и злу. Напротивъ, будучи въ себѣ самой простою, она должна протекать изъ начала нейтральнаго, если-бы это заключеніе могло быть допущено. Но свободная воля стремится къ добру, и если она предается злу, то это случайно; и это потому, что зло скрыто подъ добромъ и какъ-бы замаскировано. Слѣдующія слова, которыя Овидій влагааетъ Медеѣ:

Video meliora proboque,
Deteriora sequor,
(Вижу лучшее и одобряю, но слѣдую худшему),

даетъ силу нравственныхъ побужденій. Теперь не сомнѣваются болѣе, что зло и въ природѣ физической и въ природѣ нравственной есть нѣчто положительное. Иначе стоитъ дѣло въ наше время, когда хотятъ объяснить извѣстное физическое явленіе посредствомъ допущенія силы, производящей это явленіе; когда, напримѣръ, для объясненія холода допускаютъ силу холодную, для объясненія тьмы силу темную и т. п. Теперь боятся допустить даже жизненную силу, какъ вспомогательное средство, при недостаточности объясненій физическихъ, химическихъ и физиологическихъ. Все хотятъ свести на механическія, химическія и физиологическія процессы. И однакоже эти процессы сами по себѣ достаточны-ли для полного объясненія извѣстныхъ явленій? Когда современный химикъ говоритъ, что вода есть соединеніе кислорода и водорода, то объяснилъ-ли онъ намъ появленіе воды вполне? Рѣшительно нѣтъ. Онъ указываетъ намъ только методъ или путь, посредствомъ котораго какал-то непопятна намъ сила кислорода и водорода при взаимномъ сочетаніи образуетъ воду; но онъ не избѣгаетъ понятія силы, онъ только замаскировываетъ его. Кеплеръ на основаніи математическихъ вычисленій доказалъ эллиптическое движеніе планетъ. Но почему его математическія вычисленія непременно должны приводить къ допущенію эллипческаго движенія планетъ, почему это движеніе дѣйствительно осуществляется въ самой природѣ—этого Кеплеръ тоже, конечно, не могъ объяснить безъ допущенія Силы, властвующей надъ нашимъ разумомъ и законами природы. Кирхманъ говоритъ, что научное объясненіе явленія отличается отъ ненаучнаго тѣмъ, что первое указываетъ ближайшія и простѣйшія причины возникновенія явленія; между тѣмъ, какъ ненаучное не знаетъ ихъ. Это правда. Но дѣло въ томъ, что одно научное объясненіе явленій ведетъ только къ признанію *последовательности* явленій, къ накопленію фактовъ этой последовательности; но не къ объясненію ихъ. Нашъ же умъ при своихъ объясненіяхъ явленій можетъ успокоиться только тогда, когда допустить бытіе силы властвующей и надъ последовательностію и надъ фактами явленій. Мы ищемъ безусловную причину повсюду и не можемъ ограничиться одними ближайшими или простѣйшими причинами, которыя въ сущности ничего не объясняютъ, а только показываютъ последовательность явленій. Съ этой точки зрѣнія ученіе о жизненной силѣ, равно какъ и о другихъ силахъ, а также философскія поло-

означаютъ, что благо честное побѣждается благомъ пріятнымъ, которое производитъ болѣе сильное впечатлѣніе на души, когда онѣ бываютъ возмущены страстями ¹⁾).

155. Наконецъ, самъ Бель даетъ хорошій отвѣтъ Мелиссу, хотя нѣсколько ниже опровергаетъ себя. «Если бы Мелиссъ обратился къ понятіямъ послѣдовательности, то онъ отвѣтилъ бы, что человѣкъ не золь, коль скоро Богъ создалъ его такимъ; онъ могъ бы сказать еще, что человѣкъ поставленъ былъ Богомъ въ счастливое состояніе, но не послѣдовалъ внушеніямъ совѣсти, которая, по намѣренію Его Творца, должна была вести его путемъ добродѣтели; онъ сдѣлался злымъ и заслуживаетъ того, чтобы Богъ, высочайше благой, далъ ему почувствовать дѣйствіе Своего гнѣва. Такимъ образомъ. Богъ не есть причина нравственнаго зла; но Онъ есть причина зла физическаго, то есть наказанія за зло нравственное,—наказанія, которое будучи очень далеко отъ того, чтобы его нельзя было согласить съ началомъ высочайше добрымъ, необходимо вытекаетъ изъ одного изъ Его атрибутовъ: я хочу сказать, изъ Его справедливости, которая столько же у него существенна, какъ и Его доброта. Этотъ разумный отвѣтъ, какой только Мелиссъ могъ бы дать, въ сущности прекрасенъ и основателенъ, но онъ можетъ быть испровергнутъ нѣкоторыми болѣе частными и болѣе обязательными соображеніями. Именно, Зороастръ могъ бы возразить, что *начало безконечно доброе должно было создать чело-*

женіи окказіонализма, предустановленной гармоніи, «безсознательнаго» и пр. имѣютъ свое значеніе: они доказываютъ, что умъ человѣческой не можетъ удовлетвориться знаніемъ одной лишь послѣдовательности явленій естественной или научной. Онъ ищетъ безусловной силы, въ чемъ бы онъ ее не полагалъ.

1) Кърхманъ упрекаетъ Лейбница въ томъ, что онъ не хочетъ вмѣстѣ съ панмикіанами олицетворять двухъ направленій нашей воли, изъ коихъ одно стремится къ добру, а другое къ злу, т. е. не хочетъ признавать обнаруженія въ человеческой душѣ двухъ самостоятельныхъ началъ—добраго и злого. Но въ данномъ случаѣ Лейбницъ ссылается на свидѣтельство человѣческаго сознанія, которое признаетъ одного и того же человѣка виновникомъ и добрыхъ и злыхъ дѣяній. Но бываютъ случаи, когда то же сознаніе со всею ясностію указываетъ причину такого или иного направленія воли и обнаруженія ея въ такихъ или иныхъ поступкахъ въ стороннемъ вліяніи.

отка не только безъ существующаго зла, но даже и безъ склонности къ злу; что Богъ, предвидѣвшій грѣхъ со всеми его послѣдствіями, долженъ былъ воспрепятствовать этому; что Онъ долженъ былъ опредѣлить человека къ нравственному благу и не оставлять у него никакой склонности отдаваться преступленію. До сихъ поръ говорить Бель. Легко это сказать, но вельзя сдѣлать слѣдую началамъ послѣдовательности: этого нельзя было сдѣлать безъ непрерывныхъ чудесъ. Невѣжество, заблужденіе и злость естественно слѣдуютъ въ такихъ твореніяхъ, какъ мы; итакъ, надлежало ли, чтобы этотъ родъ твореній не существовалъ въ природѣ? Я не сомнѣваюсь, что твореніе это, не смотря на свои слабости, очень значительное и Богъ не могъ допустить его уничтоженія ¹⁾.

156. Бель въ статьѣ подъ названіемъ *Павликиане*, помѣщенной имъ въ своемъ *Лексіконѣ*, утверждаетъ то же, что говоритъ въ статьѣ о Манихеяхъ. По нему (стр. 2330, прим. 71), правослыщащіе христіане, повидимому, тоже допускаютъ два первыя начала, признавая діавола виновникомъ грѣха. Бекеръ, бывшій Амстердамскій министръ, авторъ книги

¹⁾ Лейбницъ оправдываетъ созданіе человека закономъ послѣдовательности или постепенности (*Gesetz der Stetigkeit*), по которому въ природѣ нѣтъ скачковъ и всѣ роды и виды созданій соединены между собою самыми незначительными различіями, и по которому дажѣ созданіе человека съ такими или иными свойствами было необходимо. Кирхманъ возражаетъ противъ этого закона тѣмъ, что съ признаніемъ его будто бы надобно допустить *безконечный* рядъ твореній и *безконечный* рядъ физическаго и нравственнаго зла, что противорѣчитъ понятію міра, какъ ограниченнаго творенія Божія. Но почему же законъ этотъ не можетъ существовать въ ограниченномъ мірѣ? Обнаруженіе этого закона въ нашемъ мірѣ довольно ясно для каждаго не предубѣжденнаго человека. Во всякомъ случаѣ Лейбницъ не говоритъ того, будто законъ этотъ непременно долженъ осуществляться чрезъ рядъ твореній, утверждался прежде всего въ началѣ добромъ и потомъ постепенно переходя въ начало злое. Законъ послѣдовательности находится въ тѣсной связи съ закономъ достаточнаго основанія. Кирхманъ отвергаетъ этотъ послѣдній законъ; онъ говоритъ, что законъ этотъ основывается на недостаточной индукціи и что поэтому Лейбницъ напрасно возвелъ его въ верховный логическій или метафизическій законъ. Но гдѣ же существуетъ эта достаточная индукція, на основаніи которой надобно было бы отвергать законъ достаточнаго основанія? Законъ достаточнаго основанія есть въ сущности законъ причинности. Когда отвергаютъ законъ причинности, какъ верховный законъ человѣческой логики, тогда ограничиваютъ доступное намъ знаніе природы однимъ лишь созерцаніемъ послѣдовательности явленій.

подъ названіемъ: «*Monde enchanté*» (Околдованный міръ) воспользовался этою мыслию для уясненія того, что діаволу не должно приписывать могущества и власти, поставляющихъ его въ параллель съ Богомъ. Авторъ правъ въ этомъ, но онъ выводитъ крайнія слѣдствія. И авторъ книги подъ заглавіемъ 'Αποκαταστασις πάντων (Всеобщее возстановленіе) думаетъ, что если-бы діаволъ никогда не былъ пораженъ, еслибы отъ него не была отнята сила, если-бы онъ навсегда остался непобѣжденнымъ, то это было бы ущербомъ для славы Божіей. Между тѣмъ какъ надобно признать жалкимъ преимуществомъ властвованія надъ обольщенными, чтобы вмѣстѣ съ ними терпѣть наказаніе. Что же касается причины зла, то справедливо, что діаволъ есть виновникъ грѣха; но начало грѣха скрывается дальше, источникъ зла находится въ первоначальномъ несовершенствѣ твореній; это дѣлаетъ ихъ способными къ грѣху; и бываютъ обстоятельства, по теченію вещей, когда эта возможность переходитъ въ дѣйствительность.

157. Діаволы до паденія своего были ангелами, подобно другимъ ангеламъ; и думаютъ, что ихъ начальникъ былъ главнымъ ангеломъ, по св. Писанію не выражается объ этомъ достаточно ясно. Мѣсто Апокалипсиса, которое говоритъ въ видѣніи о борьбѣ съ дракономъ, оставляетъ много сомнѣній и недостаточно раскрываетъ дѣло, о которомъ другіе священные писатели почти ничего не говорятъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности и надобно согласиться, что общепринятое ученіе болѣе согласуется съ священнымъ текстомъ. Бель изслѣдуетъ нѣкоторые отвѣты св. Василія, Лактанція и другихъ писателей о началѣ зла; но такъ какъ они говорятъ только о злѣ физическомъ, то я отлагаю рѣчь о нихъ, а теперь продолжу разборъ затрудненій о причинѣ нравственнаго зла; эти затрудненія находятся во многихъ мѣстахъ сочиненій нашего опытнаго писателя.

158. Онъ возстаетъ противъ допущенія зла; онъ хотѣлъ бы, чтобы согласились съ тѣмъ, что Богъ его желалъ. Онъ приводитъ слѣдующія слова Кальвина (на Бытіе, гл. 3): «Слухъ оскорбляется, когда говорятъ, что Богъ хочетъ зла. Но ска-

жите на милость, что такое допущеніе, какъ не желаніе у Того, кто имѣетъ право воспретить, или лучше, кто имѣетъ въ своей рукѣ все дѣло? Бель объясняетъ эти слова Кальвина, равно какъ и предшествующія, какъ будто бы онъ признавалъ, что Богъ желалъ паденія Адама не въ томъ смыслѣ, чтобы желалъ преступленія, но въ смыслѣ какого-то другого понятія, намъ неизвѣстнаго. Онъ приводитъ казуистовъ, учившихъ снисходительной нравственности, которые говорили, что сынъ можетъ желать смерти своего отца, поскольку смерть его есть благо для его наслѣдниковъ (Отв. на вопр. гл. 147, стр. 850). Я же нахожу, что Кальвинъ говоритъ только, что Богъ желалъ паденія Адама по нѣкоторой причинѣ, намъ неизвѣстной. Въ сущности же всѣ эти разсужденія не имѣютъ значенія, когда дѣло идетъ о волѣ опредѣляющей, то есть, объ окончательномъ рѣшеніи; желаютъ дѣйствія со всѣми его послѣдствіями, если только вѣрно то, что его желаютъ. Но если это дѣйствіе есть преступленіе, то Богъ могъ желать только допущенія его; преступленіе не было ни цѣлью, ни средствомъ, оно было только условіемъ *sine qua non* (безъ котораго дѣло было невозможно); такимъ образомъ, оно не было объектомъ прямой воли Божіей, какъ я уже показалъ это выше. Богъ не могъ воспрепятствовать появленію грѣха, не переступая должнаго, не совершая чего-то такого, что было бы хуже преступленія человѣка, не нарушая требованій наилучшаго, что разрушало бы Его божественность, какъ я уже замѣтилъ это. Такимъ образомъ, Богъ долженъ былъ по нравственной необходимости, присущей Ему, допустить нравственное зло тварей. Вотъ, именно, единственный случай, когда воля мудреца является только допускающею. Я уже сказалъ: надобно допустить преступленіе другого человѣка, когда нельзя воспрепятствовать этому безъ уклоненія отъ должнаго въ отношеніи къ самому себѣ ¹⁾.

1) Конечно Лейбницъ говоритъ только о допущеніи Творцемъ зла и это допущеніе можетъ касаться только разумно—свободныхъ существъ; ни растенія, ни животныя не грѣшатъ, а слѣдовательно и не творятъ зла. Но Лейбницъ напрасно старается оправдать Кальвина и нѣкоторыхъ схоластиковъ; они положительно

159. «Но изъ всѣхъ безчисленныхъ плановъ, говоритъ Бель, стр. 853, Богу угодно было избрать тотъ, по которому Адамъ долженъ былъ согрѣшить, и онъ опредѣлилъ осуществить этотъ планъ, преимущественно предъ всѣми другими планами». Очень хорошо; это то же, что и я утверждаю, если только подразумевать всѣ связи, образующія вселенную: «Вы никогда не объясните, прибавляетъ онъ, какимъ образомъ Богъ не желалъ грѣха Адама и Евы, когда отстранилъ всѣ связи, при которыхъ не было бы грѣха». Но вообще дѣло это очень легко можно понять изъ всего того, что сказано мною. Эта связь, составляющая вселенную, есть наилучшая; такимъ образомъ, Богъ не могъ освободить себя отъ избранія ея, не проявляя нѣкотораго недостатка; или лучше, вмѣсто того, чтобы проявить этотъ недостатокъ, что совершенно не приличествуетъ Ему, Онъ допускаетъ недостаточность или грѣхъ человѣка, соединенные съ этою связью. ¹⁾

160. Жакело, вмѣстѣ съ другими замѣчательными людьми, не противорѣчитъ моему воззрѣнью, когда говоритъ, стр. 186, въ своемъ трактатѣ о согласіи вѣры съ разумомъ: «Тѣ, которые задаются подобными затрудненіями, кажется имѣютъ взглядъ очень ограниченный и хотятъ свести всѣ планы Божественные на свои собственные интересы. Когда Богъ устроялъ вселенную, то Онъ имѣлъ въ виду только Себя самого и Свою славу; такъ что если-бы мы имѣли представленіе о всѣхъ твореніяхъ, о ихъ различныхъ связяхъ и ихъ разнообразныхъ отношеніяхъ; то мы безъ труда поняли бы, что вселенная совершенно соотвѣтствуетъ безконечной мудрости Всемогущаго». И въ другомъ мѣстѣ (стр. 232).

признавали Бога виновникомъ зла, и думали, что только такимъ образомъ Богъ можетъ проявить всѣ свои совершенства въ мірѣ. Поэтому Кальвинъ училъ о вѣчномъ предопредѣленіи однихъ людей къ блаженству, а другихъ къ мученію.

¹⁾ Кирхманъ признаетъ объясненіе Лейбница неудовлетворительнымъ главнымъ образомъ потому, что оно противорѣчитъ его теоріи о предустановленной гармоніи. Но предустановленную гармонію Лейбница никакъ нельзя отождествлять съ безусловнымъ предопредѣленіемъ Божиимъ. Не скорѣе надобно понимать какъ условное предопредѣленіе, по которому первый человѣкъ могъ согрѣшить и могъ не согрѣшить; и сообразно съ этимъ могъ быть предопредѣленъ къ такой или иной участи.

«Если предположить, какъ невозможное, что Богъ не могъ задержать злоупотребленіе свободою воли безъ уничтоженія ея, то надобно согласиться, что когда Его мудрость и Его слава побудили Его создать свободныхъ тварей, то это могущественное основаніе должно было стоять превыше дурныхъ послѣдствій, которыми могла сопровождаться эта свобода». Я постарался раскрыть это еще яснѣе посредствомъ принципа наилучшаго и посредствомъ нравственной необходимости, существовавшей въ Богѣ при выборѣ, не смотря на грѣхъ нѣкоторыхъ созданій, соединенный съ этимъ. Думаю, что я въ самомъ корнѣ рѣшилъ это затрудненіе; но я очень радъ пролить больше свѣта на этотъ предметъ и примѣнить мой принципъ къ частнымъ затрудненіямъ Беля.

161. Вотъ одно изъ нихъ изложенное въ слѣдующихъ словахъ (гл. 148, стр. 856): «Можно ли было бы признать добрымъ государя, если-бы онъ 1) далъ сотнѣ гонцовъ столько денегъ сколько необходимо для прожденія двухъ сотъ лье; 2) еслибы онъ обѣщалъ награду всѣмъ тѣмъ, которые не сдѣлаютъ никакаго займа, и угрожалъ бы тюрьмою всѣмъ тѣмъ, у которыхъ денегъ не хватить; 3) еслибы изъ сотни лицъ избралъ только двухъ, о которыхъ достовѣрно зналъ бы, что они заслужатъ награду, а съ 98 остальными случится на дорогѣ, что или игрокъ, или кто-либо другой введетъ ихъ въ издержки, даже самъ государь распорядился бы устроить это въ извѣстныхъ мѣстахъ ихъ путей; 4) если-бы, наконецъ, онъ дѣйствительно заключилъ въ тюрьму 98 этихъ гонцевъ по ихъ возвращенію? Не ясно ли совершенно, что онъ не питалъ никакой доброты въ отношеніи къ нимъ, и что, напротивъ, онъ predeterminedъ имъ не обѣщенную награду, но тюрьму? Они заслужили это; пусть будетъ такъ. Но тотъ, кто желалъ, чтобы они заслужили это, или послалъ ихъ въ дорогу, гдѣ они несомнѣнно должны были заслужить это, можетъ ли быть названъ добрымъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ наградилъ двухъ остальныхъ?» Безъ сомнѣнія, на этомъ основаніи онъ не могъ бы заслужить названія добраго; но могли сойтись другія обстоятельства, которыя могли бы сдѣлать его достойнымъ похвалы за то, что онъ воспользовался этимъ средствомъ

чтобы испытать этихъ людей и сдѣлать изъ нихъ выборъ, какъ воспользовался нѣкоторымъ особеннымъ средствомъ Гедеонъ для избранія самыхъ сильныхъ и самыхъ выносливыхъ среди своихъ солдатъ. И если государь уже зналъ природныя свойства этихъ гонцовъ, то не могъ ли онъ подвергнуть ихъ этому испытанію для того, чтобы сдѣлать ихъ извѣстными другимъ? И хотя эти обстоятельства непримѣнимы къ Богу, но они даютъ понятъ, какъ дѣйствіе, подобное дѣйствию этого государя, можетъ показаться абсурднымъ, когда его рассматриваютъ внѣ обстоятельствъ, указывающихъ на его причину. Тѣмъ болѣе надобно думать, что Богъ совершилъ благое дѣло, и что мы убѣдимся въ этомъ, когда узнаемъ все, что Онъ сотворилъ.

162. Декартъ въ письмѣ своемъ къ принцессѣ Елисаветѣ (т. I, пис. 10) пользуется другимъ сравненіемъ для соглашенія свободы человѣческой съ всемогуществомъ Божиимъ. Онъ предполагаетъ, что «монархъ запретилъ поединокъ, но навѣрное знаетъ, что два дворянина будутъ драться, если только встрѣтятся; и даже принимаетъ несомнѣнныя мѣры, чтобы они встрѣтились. Они дѣйствительно встрѣчаются и сражаются; ихъ неповиновеніе закону есть дѣйствіе ихъ свободной воли; они достойны наказанія. То, что можетъ сдѣлать государь въ этомъ случаѣ, присовокупляетъ Декартъ, въ отношеніи къ нѣкоторымъ свободнымъ дѣйствіямъ своихъ подданныхъ, то же непогрѣшительно дѣлаетъ Богъ, при своемъ всевѣдѣніи и безконечномъ могществѣ, въ отношеніи ко всѣмъ людямъ. Прежде, чѣмъ Онъ послалъ насъ въ этотъ міръ, Онъ совершенно зналъ, каковы будутъ всѣ расположенія нашей воли, Онъ Самъ даровалъ ихъ намъ; Онъ Самъ также расположилъ всѣ предметы внѣ насъ такъ, чтобы такой или иной предметъ представился нашимъ чувствамъ въ такое или иное время, и по поводу этихъ предметовъ Онъ зналъ, что наша свободная воля опредѣлитъ насъ къ такому или иному поступку и слѣдовательно Онъ желалъ этого; но Онъ не желалъ насъ этому принуждать. И какъ у этого государя можно различать двѣ различныя степени воли: одну, по которой онъ желалъ, чтобы эти дворяне сразились, потому что онъ заставилъ ихъ встрѣтиться; и другую, по которой онъ не желалъ

этого, потому что онъ запретилъ поединки; такъ и богословы различаютъ въ Богѣ волю абсолютную и независимую, по которой Онъ желаетъ, чтобы всѣ дѣла совершались такъ, какъ они совершаются, и другую—относительную, касающуюся заслугъ или опущеній человѣческихъ, по которой Богъ желаетъ, чтобы повиновались Его законамъ» (Декартъ, письмо 10 перв. т. стр. 51, 52. Снести это съ тѣмъ, что говоритъ Арнольдъ, т. 2, стр. 288 и слѣд., въ своихъ размышленіяхъ о системѣ Малевранша въ отношеніи къ ученію Тома Аквината о предшествующей и послѣдующей волѣ Божіей).

163. Вотъ, что отвѣчаетъ ему Бель (отв. провинц. гл. 154, стр. 943). «Этотъ великій философъ, какъ мнѣ кажется, очень ошибается. У этого монарха нѣтъ никакой степени воли, ни малой, ни большой, чтобы эти два дворянина повиновались законамъ и чтобы не сражались. Онъ единственно и всецѣло желаетъ, чтобы они сражались. Это (конечно) не извипяетъ ихъ; они слѣдовали только своей страсти; они не знали, что сообразуются съ волею своего государя; но государь въ дѣйствительности есть нравственная причина ихъ сраженія, и онъ не желалъ бы этого полнѣе, если бы даже внушилъ имъ ненависть, или если бы приказалъ имъ это. Представьте себѣ двухъ государей, изъ коихъ каждый желаетъ, чтобы его старшій сынъ былъ отравленъ. Одинъ прибѣгаетъ къ принужденію, другой же довольствуется тѣмъ, что тайно уготовляетъ сыну такое горе, о которомъ знаетъ, что оно заставитъ сына принять ядъ. Можно ли думать, что воля послѣдняго менѣе полна, чѣмъ воля второго? Такимъ образомъ Декартъ представляетъ ложный примѣръ и не рѣшаетъ затрудненія».

164. Я долженъ согласиться, что Декартъ выражается о волѣ Божіей нѣсколько грубо въ отношеніи къ злу, говоря не только то, что Богъ знаетъ, что наша свободная воля опредѣлитъ насъ къ такому или иному поступку, но что Онъ и желалъ этого, хотя и не принуждалъ насъ къ этому. Не менѣе жестко выражается онъ въ восьмомъ письмѣ того же тома, говоря, что нѣтъ ни малѣйшей мысли въ душѣ человѣческой, которой не желалъ бы Богъ и не желалъ бы отъ вѣчности, чтобы она была въ этой душѣ. Никогда Кальвинъ не выра-

жаются болѣе жестко, и все это не можетъ быть оправдано, если только не подразумѣвать волю попустительную. Рѣшеніе Декарта основывается на различіи между волею признака и волею благоугоднаго (*inter voluntatem signi et beneplaciti*), каковое различіе въ отношеніи къ терминологіи заимствовано у схоластиковъ, но современные философы усвояютъ ему смыслъ неупотребительный у древнихъ. Справедливо то, что Богъ можетъ приказывать что-либо, не желая чтобы это совершилось, какъ приказалъ Онъ Аврааму принести въ жертву своего сына: Онъ желалъ только повиновенія и вовсе не желалъ поступка. Но когда Богъ приказываетъ дѣйствіе добродѣтельное и запрещаетъ грѣхъ, то и на самомъ дѣлѣ желаетъ только того, что приказываетъ; но желаетъ этого не предшествующею волею, какъ я уже объяснялъ это неоднократно.

165. Итакъ, сравненіе Декарта неудовлетворительно, но оно можетъ стать удовлетворительнымъ. Надобно нѣсколько видоизмѣнить примѣръ, подыскавши нѣкоторую причину, которая обязывала бы государя устроить, или позволють, чтобы два врага встрѣтились. Надобно, напримѣръ, чтобы они вмѣстѣ служили въ арміи, или исполняли бы другія безусловно необходимые обязанности, чему самъ государь не могъ бы воспрепятствовать, не причиняя вреда государству; когда напримѣръ, отсутствіе одного или другого могло бы ослабить армію численностію людей приверженныхъ ему, или возбудить ропотъ солдатъ и вызвать какой либо большой беспорядокъ. Вотъ въ этомъ случаѣ можно сказать, что государь не желаетъ поединка, онъ знаетъ о немъ, и однако же допускаетъ его; потому что соглашается лучше допустить грѣхъ другого, нежели самому совершить его. Такъ видоизмѣненное сравненіе это можетъ стать пригоднымъ, если только будемъ помнить различіе, существующее между Богомъ и государемъ. Государь вынуждается къ этому допущенію своимъ безсиліемъ; болѣе могущественный государь не имѣлъ бы надобности принимать этого въ расчетъ; но Богъ всемогущій, совершая все, допускаетъ грѣхъ только потому, что абсолютно невозможно кому бы то ни было поступить лучше. Поступокъ государя, быть можетъ, вызываетъ печаль и сожалѣніе. Это сожалѣніе

условливается его несовершенствомъ, которое онъ и самъ сознаетъ, и это причиняетъ ему непріятность. Богъ же не можетъ испытывать подобнаго чувства и не имѣетъ никакой причины для этого: Онъ сознаетъ свои безконечныя совершенства; даже можно сказать, что несовершенство тварей, какъ таковыхъ, въ отношеніи ко всему, превращается предъ Нимъ въ совершенство и умножаетъ славу Творца. Чего же можно больше желать, когда обладаютъ безпредѣльною мудростію, когда столько же могущественны, какъ и мудры, когда могутъ все, и когда, наконецъ, имѣютъ все въ наилучшемъ видѣ? ¹⁾

166. Когда мы поймемъ все это, тогда, какъ мнѣ кажется, будемъ достаточно вооружены противъ возраженій самыхъ сильныхъ и самыхъ запальчивыхъ. Мы не скрывали ихъ; по существу существуютъ возраженія, которыхъ мы только касаемся; потому что они слишкомъ отвратительны. Ремонстранты и Бель (Отв. провин. гл. 152, въ концѣ, стр. 919, т. III) приводятъ слѣдующее мѣсто св. Августина: *crudellem esse misericordiam, velle aliquem miserum esse ut ejus meseriaris* (жестокое то милосердіе, когда желаютъ несчастія кого-либо, чтобы умилосердиться надъ нимъ); ту же мысль находятъ у Сенеки *de Benef.* 1. 6. гл. 36. 37. Я соглашаюсь, что имѣютъ нѣкоторое осно-

¹⁾ Предполагаемые въ §§ 161—165 случаи подпадаютъ различнымъ рѣшеніямъ. Декартъ рѣшаетъ ихъ тѣмъ, что допускаетъ въ Богѣ двѣ воли, абсолютную и относительную. Бель опровергаетъ это положеніе, говоря, что въ такомъ случаѣ надобно допустить въ Богѣ двѣ противорѣчащія воли. Лейбницъ соглашается съ Белемъ въ этомъ отношеніи и для избѣжанія затрудненія признаетъ въ Богѣ тоже двѣ воли—предшествующую и послѣдующую, но укрѣпленную болѣе сильными мотивами. Такимъ образомъ, по мнѣнію Лейбница, двѣ божественныя воли различаются между собою не противорѣчіемъ, а болѣею и меньшею силою. Схоластики равнымъ образомъ различали въ Богѣ двѣ воли: «*Voluntas signi*» и «*Voluntas beneplaciti*». Подъ первую волю они разумѣли только внѣшніе признаки или начала дѣйствій, но не самыя дѣйствія; подъ вторую же волю разумѣли совершеніе и самыя дѣйствія. Это различіе двухъ божественныхъ волей всего яснѣе можно видѣть на примѣрѣ Авраама, приносящаго въ жертву сына своего Исаака. По одной Божественной волѣ Авраамъ готовился принести эту жертву; а по другой—былъ остановленъ въ началѣ жертвоприношенія. Само собою разумѣется, что всѣ подобныя различенія проявленій Божественной воли имѣютъ значеніе только для школы; они уясняютъ спорный предметъ для вашего разума; но всѣ они представляются только болѣе или менѣе вѣроятными, а не несомнѣнными.

ваніе возражать подобнымъ образомъ противъ тѣхъ, которые думаютъ, будто Богъ не имѣетъ другой причины допущенія грѣха, кромѣ желанія пріобрѣсть возможность проявить свое карающее правосудіе въ отношеніи къ большинству людей, и свое милосердіе въ отношеніи къ небольшому числу избранныхъ. Но надобно помнить, что Богъ имѣетъ причины допущенія грѣха болѣе достойныя Его и болѣе глубокія въ отношеніи къ намъ. Дерзаютъ еще сравнивать дѣйствіе Божіе съ дѣйствіемъ Калигулы, который приказывалъ писать своя эдикты столь мелкими буквами и выставлялъ ихъ въ столь возвышенныхъ мѣстахъ, что ихъ не было возможности читать; или сравниваютъ съ матерью, которая пренебрегаетъ честью дочери, чтобы достигнуть своихъ скрытыхъ интересовъ; или съ королевою Екатериною Медечи, о которой говорятъ, что она принимала участіе въ любовныхъ похищеніяхъ своихъ фрейлинъ, чтобы знать интриги высокопоставленныхъ людей, или даже съ Тиберіемъ, который посредствомъ исключительной услуги палача, достигъ того, что законъ, запрещавшій подвергать обычной казни невинную дѣвицу, не былъ примѣненъ къ дочери Сеяна. Это послѣднее сравненіе прежде всего приведено было Петромъ Бертомъ, бывшимъ тогда арминіаниномъ, и перешедшимъ впослѣдствіи въ римско-католическую церковь. Наконецъ, проводятъ оскорбительную параллель между Богомъ и Тиберіемъ, что со всею подробностію сдѣлалъ въ прошломъ столѣтіи Андрей Карали въ своихъ «*Memorabilia ecclesiastica*» (Церковныя достопамятности), какъ замѣчаетъ Бель. Бертъ воспользовался этимъ сравненіемъ противъ гомаристовъ. Я думаю, что этого рода доказательства имѣютъ мѣсто только въ отношеніи къ тѣмъ, которые предполагаютъ, будто правосудіе есть нѣчто произвольное у Бога; или, что Богъ обладаетъ деспотическою властію, которая можетъ простираться до возможности осужденія невинныхъ; или, наконецъ, что благо не служитъ мотивомъ Божественныхъ дѣйствій ¹⁾.

¹⁾ Арминіане и гомаристы тоже, что ремонстранты и контраремонстранты. См. примѣчаніе къ § 77 второй части «Теодицеи». Сеянъ былъ первымъ министромъ

167. Въ это же время появилась остроумная сатира противъ гомаристовъ, подъ названіемъ «Fur praedestinatus» (предопредѣленный воръ), гдѣ выведенъ воръ, осужденный на вѣселицу, который всѣ свои злодѣянія приписываетъ Богу, и который не смотря на всѣ свои злодѣянія признаетъ себя предназначеннымъ ко спасенію, воображаетъ будто одного этого убѣжденія достаточно для него и доводами *ad hominem* опровергаетъ контраремонстранскаго духовника, призваннаго для приготовленія его къ смерти; но, наконецъ, этотъ воръ былъ обращенъ прежнимъ пасторомъ, низложеннымъ за свои арминіанскія убѣжденія, такъ что тюремный надзиратель изъ состраданія къ вору и въ виду слабости духовника заключаетъ его снова въ камеру. Появился и отвѣтъ на эту сатиру. Но отвѣты на сатиры никогда не нравятся столько, сколько нравятся самыя сатиры. Бель (Отв. провин. гл. 154, т. III, стр. 938) говоритъ, будто книга эта напечатана была въ Англіи во времена Кромвеля, но кажется онъ не зналъ, что она была только переводомъ съ фламандскаго оригинала, болѣе древняго. Онъ присовокупляетъ, что докторъ Георгъ Кендаль опровергалъ ее въ Оксфордѣ въ 1657 году, въ сочиненіи подъ названіемъ *Fur pro tribunali* (Воръ предъ судомъ трибунала), и что она написана была въ формѣ разговорной. Вопреки истинѣ, этотъ разговоръ предполагаетъ, будто контраремонстранты представляли Бога причиною зла и учили въ нѣкоторомъ родѣ магометанскому предопредѣленію, по которому остаются равнодушными къ совершенію добра или зла, и чтобы быть предопредѣленными достаточно воображать себя таковыми. Хотя контраремонстранты остерегаются итти такъ далеко; однако справедливо, что между ними существуютъ нѣкоторые супраляпсаріи, равно какъ и другіе, которымъ трудно правильно учить о правосудіи Божіемъ и объ основаніяхъ милосердія и человѣческой нравственности, потому что они допускаютъ деспотизмъ въ Богѣ, и требуютъ, чтобы человѣкъ безъ всякаго основанія былъ убѣжденъ въ абсолютной досто-

императора Тиверія; послѣ паденія, онъ не только самъ былъ брошенъ въ море и потопленъ шестами, но и дочь его была противозаконно умерщвлена.

вѣрности своего избранія, что приводитъ къ опаснымъ послѣдствіямъ. Но всѣ тѣ, которые признаютъ, что Богъ осуществляетъ наилучшій планъ, избранный Имъ изъ всѣхъ возможныхъ идей о вселенной; что въ этомъ планѣ Онъ находитъ человѣка, вслѣдствіе природнаго несовершенства тварей, расположеннымъ къ злоупотребленію свободою волею и погруженію въ бѣдствія; что Богъ задерживаетъ грѣхъ и бѣдствія настолько, насколько это позволяютъ совершенства вселенной, которые обнаруживаютъ Его собственные совершенства; всѣ эти люди, говорю я, ясно видятъ, что цѣли Божіи наиболѣе праведны и наиболѣе святы во всемъ мірѣ; что твореніе само виновно, когда его ограниченность или природное несовершенство бываютъ источникомъ его злобы; что его злая воля есть единственная причина его бѣдствій; что нельзя быть предопредѣленнымъ ко спасенію, не обладая въ тоже время святостію чадъ Божіихъ; и что всецѣлая надежда, которую можно имѣть на свое избраніе, можетъ основываться только на благой волѣ, которую ощущаютъ въ себѣ по благодати Божіей ¹⁾.

168. Противопологаютъ также метафизическія соображенія моему объясненію нравственной причины нравственнаго зла; но они затрудняютъ меня мало, послѣ того какъ я опровергъ возраженія, заимствованныя изъ нравственныхъ причинъ и представляющія болѣе сильными. Эти метафизическія соображенія касаются природы *возможнаго* и *необходимаго*; они направлены противъ установленнаго мною положенія о томъ,

¹⁾ Кирхманъ говоритъ, что Лейбницъ, усвоивъ первому человѣку свободную волю, этимъ самымъ отвергаетъ божественное предопредѣленіе; потому что божественное предопредѣленіе будто бы можетъ основываться только на знаніи сильнѣйшихъ мотивовъ, которые должны преклонять свободную волю перваго человѣка къ такому, а не иному дѣйствию. Предопредѣленіе и свободная воля, по Кирхману, суть понятія взаимно исключаютъ другъ друга. Но Божественное предопредѣленіе основывается на предвѣдѣніи, а не на предопредѣленіи самихъ мотивовъ. Вопросъ слѣдовательно сводится къ тому, что предшествуетъ въ творческомъ актѣ: предвѣдѣніе или предопредѣленіе? Ясно однакоже, что подобное различіе послѣдовательныхъ моментовъ одного и того же творческаго акта имѣетъ значеніе только для школы, только для нашего болѣе яснаго представленія этого; Богъ же творитъ все однимъ простымъ и несложнымъ дѣвствомъ; для Него нѣтъ ни «прежде», ни «послѣ»; Онъ живетъ одною постоянною жизнью.

что Богъ избираетъ наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Существовали философы, утверждавшіе, что возможно только то, что дѣйствительно происходитъ. Это именно тѣ философы, которые полагали или стремились полагать, будто все существующее безусловно необходимо. Нѣкоторые держались этого мнѣнія потому, что допускали грубую и слѣпую необходимость въ причинѣ, осуществившей вещи; ихъ то преимущественно хочу опровергать. Но существуютъ другіе философы, которые ошибаются только потому, что злоупотребляютъ выраженіями. Они смѣшиваютъ нравственную необходимость съ необходимостію метафизическою; они предполагаютъ, что если бы Богъ неопустительно творилъ только наилучшее, то это лишило бы Его свободы и сообщало бы предметамъ ту необходимость, которой стараются избѣжать философы и богословы. Споръ состоитъ въ однихъ словахъ и притомъ съ тѣми писателями, которые признаютъ, что въ дѣйствительности Богъ избираетъ и творитъ наилучшее. Но есть другіе писатели, которые идутъ гораздо дальше; они думаютъ, что Богъ могъ бы создать все лучше; и вотъ, именно, это мнѣніе должно быть отвергаемо; ибо, хотя оно не отнимаетъ совершенно мудрости и благости у Бога, какъ дѣлаютъ это писатели говорящіе о слѣпой необходимости, но этимъ полагается граница мудрости и благости, а это причиняетъ ущербъ высочайшему совершенству.

169. Вопросъ о возможности предметовъ, никогда не осуществляющихся, былъ изслѣдуемъ древними. Кажется, что Эпикуръ, для сохраненія свободы и для избѣжанія абсолютной необходимости, утверждалъ послѣ Аристотеля, будто будущія случайныя событія не имѣютъ значенія истинъ опредѣленныхъ. Если бы вчера было истинно то, что я сегодня буду писать; то это непременно бы совершиться; оно было бы уже истинною необходимою; и по этой причинѣ оно существовало бы отъ вѣчности. Такимъ образомъ, все совершающееся необходимо и невозможно, чтобы оно могло происходить иначе. Но если бы оно не случилось, то отсюда, по нему, слѣдовало бы, что будущія случайныя событія не имѣютъ значенія истинъ опредѣленныхъ. Для доказательства этого

мнѣнія, Эпикуръ приходитъ къ отрицанію перваго и самого главнаго начала разумныхъ истинъ, по которому всякое предложеніе бываетъ или истиннымъ или ложнымъ. Ибо вотъ какимъ образомъ онъ доказываетъ это положеніе: «Ты отвергаешь, чтобы вчера было достовѣрнымъ то, что я буду писать сегодня; слѣдовательно, это было ложнымъ». Если же здравый смыслъ не можетъ этого допустить, то слѣдуетъ сказать, что это было ни истиннымъ, ни ложнымъ. Послѣ этого нѣтъ надобности опровергать это; еще и Хризиппъ могъ освободить себя отъ труда, предпринятаго имъ для обоснованія великаго начала противорѣчія, какъ свидѣтельствуется объ этомъ Цицеронъ въ своей книгѣ «De fato» (Осудьбѣ) говоря: «Contendit omnes nervos Chrysippus ut persvadeat omne $\Delta\acute{\xi}\iota\omega\mu\alpha$ aut verum esse, aut falsum. Utenim Epicurus veretur ne si hoc concesserit, concedendum sit, fato fieri quaecumque fiant; si enim alterum ex aeternitate verum sit, esse id etiam certum; si certum, etiam necessarium; ita et necessitatem et fatum confirmari putat; sic Chryppus metuit, ne non, si non obtinuerit omne quod enuncietur aut verum esse aut falsum, omnia fato fieri possint ex causis aeternis rerum futurarum». (Хризиппъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы убѣдить, что всякое предложеніе бываетъ или истиннымъ или ложнымъ. Уже Эпикуръ опасался, что если согласиться съ этимъ, то надобно допустить, что все случающееся совершается по опредѣленію судьбы. Если же одно изъ этихъ двухъ положеній было истиннымъ отъ вѣчности, то оно было и извѣстнымъ; а если извѣстнымъ, то и необходимымъ; и такимъ образомъ необходимость и судьба подтверждаются. И Хризиппъ тоже боялся, что если онъ не докажетъ, что всякое предложеніе или истинно или ложно; тогда все будущее должно совершиться по вѣчнымъ причинамъ съ необходимостію судьбы). Бель замѣчаетъ (Лексик. ст. *Эпикуръ*, ч. III, ст. 1141): «ни тотъ, ни другой изъ обоихъ философовъ (Эпикуръ и Хризиппъ не поняли, что истинность этого положенія: *всякое предложеніе бываетъ или истиннымъ или ложнымъ*, не зависитъ отъ того, что называютъ судьбою, какъ думаетъ Хризиппъ и какъ боится этого Эпикуръ. Хри-

зиппъ не могъ безъ вреда для себя допустить, чтобы существовали предложенія ни истинныя, ни ложныя; но онъ ничего не выигрываетъ, доказывая противоположное положеніе: ибо существуютъ ли, или не существуютъ свободныя причины, равно достовѣрно, что слѣдующее предложеніе: *завтра великій моголъ пойдетъ на охоту*, можетъ быть истиннымъ или ложнымъ. Справедливо признавали смѣшнымъ слѣдующее выраженіе Тирезіаса: *все, что я предскажу, случится, или не случится, потому что великій Аполлонъ сообщилъ мнѣ даръ пророчества*. И если-бы, допуская невозможное, Богъ не существовалъ, то и тогда было бы достовѣрнымъ, что все предсказываемое (по этой формулѣ) величайшимъ въ мірѣ глупцомъ происходило бы, или не происходило. Вотъ чего не приняли въ соображеніе ни Хризиппъ, ни Эпикуръ». Цицеронъ (*lib. 1 De natura deorum*) очень хорошо судитъ о всѣхъ изворотахъ Эпикура (какъ замѣчаетъ Бель въ концѣ той же страницы), говоря, что менѣе позорно сознаться въ невозможности отвѣтить своему противнику, чѣмъ прибѣгать къ подобнымъ отвѣтамъ. Однакоже, мы видимъ, что самъ Бель смѣшиваетъ достовѣрное съ необходимымъ, когда полагаетъ, что избраніе наилучшаго дѣлаетъ предметы необходимыми ¹⁾.

170. Перейдемъ теперь къ возможности предметовъ, никогда не осуществляющихся и приведемъ подлинныя слова Беля,

¹⁾ Греки придавали большое значеніе логическому закону *исключеннаго третьяго*. Въ приведенномъ примѣрѣ: «завтра великій моголъ или пойдетъ, или не пойдетъ на охоту», мыслятся только двѣ альтернативы и никакое третье предположеніе невозможно. Это третье невозможное предположеніе и есть исключенное третье. Но третье предположеніе, или исключенное третье, не даетъ намъ никакого представленія; оно есть логическій и физическій нуль. Поэтому и законъ исключеннаго третьяго не даетъ намъ никакихъ дѣйствительныхъ знаній. Да и первыя два предположенія въ приведенной нами альтернативѣ имѣютъ значеніе чисто логическое, а не реальное или дѣйствительное; они основываются на логической возможности, а не на законахъ дѣйствительности или необходимости. Возможность же, дѣйствительность и необходимость бытія предметовъ составляютъ собою нашу логическую категорію; ихъ реальное значеніе ни философски, ни научно не доказано; по крайней мѣрѣ, современные намъ новокантианцы тоже сомнѣваются въ этомъ. Конечно, мы предполагаемъ соотвѣтствіе этой логической категоріи съ реальнымъ міромъ; но это предположеніе въ концѣ концовъ основывается на нашей вѣрѣ, на нашемъ довѣрїи къ свидѣтельству сознанія, а не на какихъ-либо непровержимыхъ доводахъ разума и опыта.

хотя онѣ нѣсколько пространны. Вотъ что онѣ говорятъ въ своемъ Лексиконѣ (стат. Хризиппъ, буква S, стр. 929): «пре-
 словутый споръ о предметахъ возможныхъ и невозможныхъ
 обязанъ своимъ происхожденіемъ ученію стоиковъ о судьбѣ.
 Дѣло идетъ о выясненіи того, существуютъ ли предметы воз-
 можные въ числѣ тѣхъ, которые никогда не существовали и
 никогда не будутъ существовать; или же все не существую-
 щее, не существовавшее и никогда не осуществимое въ
 будущемъ, невозможно. Знаменитый діалектикъ Мегарской
 школы, по имени Діодоръ, держится отрицательнаго отвѣта
 въ отношеніи къ первому изъ двухъ вопросовъ, и утвердитель-
 наго въ отношеніи ко второму; но Хризиппъ сильно опро-
 вергаетъ его. Вотъ два мѣста Цицерона (epist. 4, 9, *ad fami-*
liar). Περὶ δυνατῶν με scito κατὰ Διοδώρον χρίσειν. Quapropter
 si venturus es, scito necesse esse te venire. Nunc vide, utra
 te χρισίς magis delectet: Χρυσίππειά ne, an haec; quam noster
 Diodorus non concoquebat. (Ты долженъ знать, что въ отно-
 шеніи къ возможнымъ предметамъ я согласенъ съ Діодоромъ.
 Поэтому если ты желаешь прійти, то знай, что необходимо
 то, чтобы ты пришелъ. Теперь смотри, какое рѣшеніе тебѣ
 больше нравится, Хризиппа ли, или то, которое предлагаетъ
 намъ Діодоръ (одинъ стоикъ, долго жившій у Цицерона), не
 могшій переварить рѣшенія Хризиппа). Мѣсто это займство-
 вано изъ письма Цицерона къ Варрону. Обширнѣе онѣ рѣ-
 шаетъ весь этотъ вопросъ въ небольшомъ сочиненіи «О судь-
 бѣ», въ котораго я приведу нѣкоторыя мѣста: *Vigilia, Chri-*
sippe, ne tuam causam, in qua tibi cum Diodoro valente dia-
lectico magna luctatio est, deserās... omne quod falsum dici-
tur in futuro, id fieri non potest. Ad hoc, Chrysippe, minime
vis, maximeque tibi de hoc ipso cum Diodoro certamen est.
Ille enim id solum fieri posse dicit, quod aut si verum, aut
futurum sit verum; et quicquid futurum sit, id dicit fieri ne-
cesse esse; et quicquid non sit futurum, id negat fieri posse.
Tu etiam quae non sint futura, posse fieri dicis, ut frangi hanc
gemmam, etiamsi id nunquam futurum sit: neque necesse fuis-
se Cypsum regnare Corinthi, quanquam id millesimo ante
anno Apollinis oraculo editum esset... Placet Diodoro, id so-

lum fieri posse, quod aut verum sit, aut verum futurum sit: qui locus attingit hanc quaestionem, nihil fieri, quod non necesse fuerit: ei quicquid fieri possit, id aut esse jam, aut futurum esse: nec magis commutari ex veris in falsa ea posse quae futura sunt, quam ea quae facta sunt: sed in factis immutabilitatem apparere; in futuris quibusdam, quia non apponent, ne inesse quidem videri: ut in eo qui mortifero morbo urgeatur, verum sit, hic morietur hoc morbo: at hoc idem si vere dicatur in eo, in quo tanta vis morbi non appareat, nihilominus futurum sit. Ita fit ut commutatio ex vero in falsum, ne id futuro quidem ulla fieri possit. (Поостерегись, Хризиппъ, чтобы ты свое положеніе, изъ за котораго ты вошелъ въ споръ съ сильнымъ діалектикомъ Діодоромъ, не оставилъ. Все, что говорятъ ложно о будущемъ, все это не можетъ произойти; но ты Хризиппъ не допускаешь этого и именно изъ за этого сильно споришь съ Діодоромъ. Ибо этотъ утверждаетъ, что только то можетъ произойти, что или истинно, или будетъ истинно, и все будущее необходимо должно совершиться, а все несовершающееся не есть и возможное. Ты, же, напротивъ, говоришь, что и то, что не происходитъ, возможно; на примѣръ, возможно, чтобы этотъ драгоценный камень, былъ разбитъ, хотя бы этого и никогда не произошло, и что не было необходимо, чтобы Кипселъ царствовалъ въ Коринѣ, хотя это было предсказано оракуломъ Аполлона за тысячу лѣтъ прежде. Діодоръ же, напротивъ, утверждаетъ, что только то можетъ произойти, что истинно, или будетъ истинно, каковое мѣсто касается вопроса: ничто не можетъ произойти, что необходимо не произойдетъ, а что можетъ произойти, то или уже есть или будетъ; и имѣющее произойти не болѣе можетъ превратиться изъ истиннаго въ ложное, какъ и то, что уже совершилось; въ совершившемся очевидна неизмѣняемость, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ будущихъ событіяхъ (эта неизмѣняемость) не столь очевидная, поелику не замѣчается. Такъ, на примѣръ, вѣрно то, что кто страдаетъ смертельною болѣзнію, тотъ умретъ отъ этой болѣзни; если же это будетъ сказано правильно о такомъ человѣкѣ, у котораго не проявляется такая сила болѣзни; то и этотъ человѣкъ умретъ. Поэтому и въ будущихъ

событіяхъ не можетъ произойти никакого превращенія (истиннаго въ ложное). Цицеронъ достаточно даетъ понять, что Хризиппъ часто затруднялся при этомъ спорѣ и этому не должно удивляться, потому что принимаемое имъ мнѣніе не находится ни въ какой связи съ его ученіемъ о судьбѣ, и если-бы онъ рѣшился разсуждать послѣдовательно, то онъ охотно прінялъ бы всю гипотезу Діодора. Мы уже видѣли прежде, что свобода, которую онъ усвоилъ душѣ, и его сравненіе ея съ цилиндромъ не помѣшали ему признавать въ сущности всѣ дѣйствія человѣческой воли неизбѣжными послѣдствіями судьбы. Отсюда слѣдуетъ, что все не случающееся, невозможно и что только то возможно, что дѣйствительно происходитъ. Плутархъ (*De stoicor. reprim.* стр. 1053, 1054) совершенно опровергаетъ его, какъ въ отношеніи къ этому пункту, такъ и въ отношеніи къ его спору съ Діодоромъ, и утверждаетъ, что его ученіе о возможности совершенно противоположно ученію о судьбѣ. Замѣтите, что самые славные стоики тоже писали объ этомъ предметѣ, хотя они не шли тѣмъ же путемъ. Арріанъ (*in Epict. lib. 2. C. 29. p. m. 166*) называетъ четырехъ: Хризиппа, Клеанѳа, Архимеда и Антипатра. Самъ же Арріанъ проявляетъ величайшее презрѣніе къ этому спору, и нельзя соглашаться съ Менажемъ, который приводитъ этого писателя, какъ будто бы отзывающагося похвально (*citatur honorifice apud Arrianum Menag. in Laërt, 1, 7, 341 t. e. у Арріана съ похвалою приводится* и пр.) о сочиненіи Хризиппа περί βουατῶν; потому что слова: γεγραφε δὲ καὶ Χρῴσιππος θαυραστῶς и пр. (*объ этомъ предметѣ удивительно писалъ Хризиппъ*) не содержать въ себѣ въ этомъ мѣстѣ похвалы. Это открывается изъ того, что предшествуетъ этимъ словамъ и что за ними слѣдуетъ. Діонисій Галикарнасскій (*De collocat. verbor. c. 17, p. m. 11*) упоминаетъ о двухъ трактатахъ Хризиппа, въ которыхъ онъ подъ заглавіемъ, обѣщающимъ рѣчь объ иномъ предметѣ, говоритъ о многихъ предметахъ изъ области логиковъ. Сочиненіе озаглавлено: Περί τῆς συντάξεως τῶν λόγου μερῶν (*о размѣщеніи частей речи*), гдѣ онъ трактуетъ только о предложеніяхъ истинныхъ и ложныхъ, возможныхъ и невозможныхъ, случайныхъ, сомнительныхъ и пр., о предметѣ, о кото-

ромъ наши схоластики тоже много толковали и подвергали слишкомъ тонкимъ изслѣдованіямъ. Замѣьте еще, Хризиппъ признавалъ, что событія прошедшія были необходимо истинными, чего Клеандръ не хотѣлъ допустить (Аррианъ въ приведенномъ мѣстѣ, р. ш. 165). Ὁν πᾶν δὲ παρεληλυθὸς ἀληθὲς ἀναγκαῖον ἐστὶ, καθάπερ οἱ περὶ Κλεάνθην φέρεσθαι δοκοῦσι: (Не все прошлое по необходимости есть истинное, какъ признаютъ это послѣдователи Клеанѳа). Мы выше видѣли, что полагаютъ, будто Абельяръ держался мнѣній, сходныхъ съ ученіемъ Діодора. Я думаю, что стойки старались дать возможнымъ событіямъ большій объемъ, чѣмъ событіямъ будущимъ, чтобы этимъ смягчить ненавистныя и страшныя послѣдствія, вытекавшія изъ ихъ ученія о судьбѣ.

Кажется, что Цицеронъ въ приведенномъ нами мѣстѣ письма къ Варрону недостаточно понималъ слѣдствія ученія Діодора, такъ какъ онъ находилъ это ученіе предпочтительнымъ. Онъ очень хорошо излагаетъ мнѣнія писателей въ своей книгѣ *De fato* (о судьбѣ), но къ сожалѣнію не всегда приводитъ основанія, на которыхъ они утверждались. Плутархъ въ сочиненіи своемъ «Противорѣчія стойковъ» и Бель удивляются, что Хризиппъ не раздѣлялъ мнѣній Діодора, такъ какъ онъ благопріятствовалъ фаталистическому ученію. Но Хризиппъ и учитель его Клеанѳъ были въ этомъ отношеніи гораздо болѣе разумными, чѣмъ думаютъ. Мы увидимъ это въ послѣдствіи. Вопросъ идетъ о томъ, прошедшее болѣе ли необходимо, чѣмъ будущее. Клеанѳъ утверждалъ это. Противъ этого возражали, что *ex hypothesis* (по условію) надобно, чтобы будущее наступило, равно какъ *ex hypothesis* необходимо было, чтобы прошедшее произошло. Но при этомъ существуетъ то различіе, что на прошедшее нельзя дѣйствовать; это было бы противорѣчіемъ. Но можно производить нѣкоторое дѣйствіе на будущее. Тѣмъ не менѣе гипотетическая необходимость въ томъ и другомъ случаѣ одна и та же; одна *не можетъ* быть измѣнена, а другая *не будетъ* измѣнена и если согласны съ этимъ, то и *не можетъ* быть измѣнена ¹⁾.

¹⁾ Древніе философы много спорили изъ-за различенія возможности предметовъ отъ необходимости, но послѣ того какъ Кантъ доказалъ, что возможность и не-

171. Знаменитый Петръ Абеларъ приближался къ ученію Діодора, когда говорилъ, что Богъ могъ творить только то, что сотворилъ. Это было четвертымъ изъ четырнадцати положеній, извлеченныхъ изъ его сочиненій и осужденнымъ на соборѣ Санскомъ. Это положеніе заимствовано изъ третьей книги «Введенія въ Богословіе», гдѣ онъ преимущественно говоритъ о могуществѣ Божіемъ. Приведенное имъ основаніе состоитъ въ томъ, что Богъ могъ творить только то, что желалъ; слѣдовательно, Онъ не могъ желать созданія чего-либо другого, кромѣ того, что сотворилъ, такъ какъ необходимо, чтобы Онъ желалъ только того, что приличествуетъ Ему; откуда слѣдуетъ, что все несозданное Имъ не приличествуетъ Ему, что Онъ не могъ желать созданія этого, и слѣдовательно не могъ сотворить. Абеларъ самъ признается, что это мнѣніе принадлежитъ исключительно ему, что почти никто не держится этого ученія, что оно кажется противорѣчащимъ ученію святыхъ отцевъ и разуму, и представляется умаляющимъ величіе Божіе. Но кажется, что этотъ писатель очень мало былъ расположенъ уклоняться отъ общепринятаго ученія, потому что въ сущности его ученіе есть не что иное, какъ логомахія: онъ измѣняетъ только смыслъ словъ. Могущество и воля Божія суть способности различныя, объекты ихъ тоже различны, и впадаютъ въ смѣшеніе ихъ, когда говорятъ, что Богъ не могъ создавать ничего, какъ только то, чего желалъ. Совершенно напротивъ: среди многихъ возможностей, Онъ желаетъ только того, что находитъ наилучшимъ. Ибо Онъ созерцаетъ всѣ возможности, какъ объекты своего могущества; но Онъ созерцаетъ только дѣйствительныя и существующіе предметы, какъ объекты Своей воли опредѣляющей. Абеларъ самъ соглашается съ этимъ. Онъ дѣлаетъ себѣ слѣдующее возраженіе: отверженный можетъ быть спасенъ; но онъ не будетъ спасенъ, если

обходимость составляютъ собою логическую категорію, всѣ подобныя споры потеряли свое философское значеніе. Теперь философы спорятъ уже о томъ, надобно ли этой категоріи усвоить одно логическое значеніе, или же надобно находить въ ней соотвѣтствіе съ міромъ дѣйствительныхъ предметовъ. Лейбницъ, допуская предустановленную гармонію, очевидно, отождествляетъ логическую категорію съ реальнымъ міромъ.

Богъ не спасетъ его. Итакъ, Богъ можетъ спасти его, и, слѣдовательно, можетъ сдѣлать нѣчто, чего не дѣлаетъ. На это возраженіе Абаларъ отвѣчаетъ, что можно правильно полагать, что этотъ человѣкъ можетъ быть спасенъ по вниманію къ возможности человѣческой природы, но нельзя сказать, чтобы Богъ могъ его спасти по вниманію къ Самому Себѣ; ибо невозможно, чтобы Богъ творилъ то, чего Онъ не долженъ творить. Но поелику Абеларъ признаетъ, что въ нѣкоторомъ смыслѣ очень правильно можно утверждать (говоря безъ всякаго ограниченія и отлагая въ сторону предположеніе объ осужденіи), что такой-то отверженный можетъ быть спасенъ; и слѣдовательно, часто Богъ не творитъ того, что можетъ быть Имъ сотворено: то отсюда Абеларъ и могъ выражаться такъ же, какъ и другіе, которые понимаютъ это не иначе, когда говорятъ, что Богъ можетъ спасти этого человѣка и что Онъ можетъ творить то, чего не творитъ ¹⁾.

172. Кажется, что пресловутая необходимость Виклефа, осужденнаго на соборѣ Констанскомъ, происходила изъ того же недоразумѣнія. Я думаю, что умные люди причиняютъ вредъ истинѣ и самимъ себѣ, когда безъ причины любятъ употреблять выраженія новыя и неприличныя. Въ наши дни знаменитый Гоббесъ держался того же мнѣнія, т. е. что все непроисходящее, невозможно. Онъ доказываетъ это тѣмъ, что никогда не случается, чтобы всѣ потребныя условія для осуществленія предмета, не существующаго (*omnia rei non futurae requisita*), были даны; а между тѣмъ безъ этого предметъ не можетъ осуществиться. Но

¹⁾ Лейбницъ допускаетъ необходимость бытія только этого видимаго міра и для доказательства этого положенія прибѣгаетъ къ помощи новаго положенія, по нему болѣе достовѣрнаго, чѣмъ доказываемое. Это новое положеніе состоитъ въ признаніи божественной мудрости. Божественная мудрость могла создать только этотъ видимый нами міръ, который поэтому необходимъ. Но на основаніи этого же положенія Абеларъ приходитъ къ отрицанію свободной воли въ Богѣ. Если Богъ, руководясь своею высочайшею мудростію, могъ создать только этотъ видимый нами міръ, тогда въ актѣ творенія Онъ лишенъ былъ свободы избранія другого міра и слѣдовательно сотворилъ міръ по необходимости, а не по свободѣ. Лейбницъ избѣгаетъ этого вывода при посредствѣ той мысли, что мудрость Божія въ актѣ творенія дѣйствовала на божественную волю склоняющимъ образомъ (*inclinant*), а не принуждающимъ (*necessitant*), но въ такомъ случаѣ необходимость бытія этого міра остается недоказанною.

кто же не видитъ, что это доказываетъ только невозможность гипотетическую? Справедливо то, что предметъ не можетъ осуществиться, когда недостаетъ потребныхъ условій. Но какъ мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что предметъ можетъ существовать, хотя онъ не существуетъ; подобно этому считаемъ себя въ правѣ утверждать, что потребныя условія могутъ существовать, хотя они и не существуютъ. Такимъ образомъ, доказательство Гоббеса оставляетъ дѣло такимъ же, какъ и прежде. Это мнѣніе, которое усвоили Гоббесу, какъ если бы онъ училъ объ абсолютной необходимости всѣхъ предметовъ, очень обезславило его и ему самому причинило вредъ, хотя это было его единственнымъ заблужденіемъ ¹⁾).

173. Спиноза пошелъ дальше; онъ, кажется, весьма опредѣленно училъ о слѣпой необходимости, отвергнувъ разумъ и волю въ Творцѣ предметовъ, и воображая, что благо и совершенство существуютъ только въ отношеніи къ намъ, а не къ Нему. Справедливо то, что мнѣніе Спинозы объ этомъ предметѣ заключаетъ въ себѣ нѣчто темное. Ибо Онъ усволяетъ Богу мышленіе, лишая Его разума, *cogitationem, non intellectum concedit Deo* (признаетъ въ Богѣ мышленіе, а не разумъ). Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ онъ смягчаетъ свое ученіе о необходимости. Однакоже, насколько можно понять, онъ не признаетъ въ Богѣ благодати, въ собственномъ смыслѣ, и учитъ, что всѣ предметы существуютъ по необходимости Божественной природы, такъ что Богъ не дѣлаетъ никакого выбора. Не будемъ здѣсь останавливаться на опроверженіи столь

¹⁾ Гоббесъ, равно какъ послѣ него Спиноза, былъ строгимъ приверженцемъ закона причинности во всемъ существующемъ. Гоббесъ училъ что если даны условія (причины) для чего-либо, то это что-либо непременно должно совершиться; если же даны не всѣ условія (причины), тогда совершеніе его невозможно. Такимъ образомъ, Гоббесъ училъ о безусловномъ господствѣ закона причинности. Лейбницъ не противорѣчитъ ему въ этомъ отношеніи, но говоритъ уже объ абстрактной возможности существованія всѣхъ условій (причинъ) для совершенія известнаго факта или событія. Онъ утверждаетъ, что если нѣтъ известныхъ условій (причинъ), то существованіе ихъ все же *возможно*; а поэтому возможно и иное событіе, или иной фактъ, чѣмъ какіе существуютъ на лицо. Такимъ образомъ, и тотъ и другой философъ, хотя не противорѣчатъ всеобщему господству закона причинности, но расходятся въ своихъ выводахъ на основаніи допущенія или недопущенія теоретической области возможнаго.

несостоятельнаго и даже столь необъяснимаго ученія; мое же ученіе основывается на природѣ возможностей, т. е. на природѣ предметовъ, не заключающихъ въ себѣ противорѣчія. Я не думаю, чтобы спинозистъ могъ представить себѣ, будто въ настоящее время въ дѣйствительности существуютъ всѣ романы, или существовали прежде, или еще будутъ существовать въ какихъ-либо мѣстахъ вселенной; однакоже, нельзя отвергать, что романы, подобные романамъ дѣвицы Скудери или романамъ Октовіи, невозможны. Противопоставимъ ему слѣдующія слова Беля, которыя по моему мнѣнію убѣдительны. р. 390. «Велико, говоритъ онъ, затрудненіе спинозистовъ, когда они видятъ, что, по ихъ гипотезѣ, отъ вѣчности столько же невозможно, чтобы, напримѣръ, Спиноза не умиралъ въ Гаагѣ, какъ невозможно и то, чтобы два и два равнялись шести. Они сознаются, что таковъ необходимый выводъ изъ ихъ ученія, и выводъ отвратительный, страшный, возмущающій душу содержащимся въ немъ противорѣчіемъ, діаметрально противоположнымъ общему смыслу. И они сердятся, когда имъ указываютъ, что этимъ они ниспровергаютъ столь всеобщее и столь очевидное положеніе, какъ слѣдующее: все содержащее въ себѣ противорѣчіе невозможно, и все, не содержащее въ себѣ противорѣчія, возможно»¹⁾).

174. О Белѣ можно сказать: *Ubi bene, nemo melius* (гдѣ онъ хорошо говоритъ, никто не можетъ сказать лучше), хотя о немъ нельзя сказать того же, что говорили объ Оригенѣ: *Ubi male, nemo pejus* (гдѣ онъ сказалъ худо, никто не можетъ

¹⁾ Спиноза, на основаніи закона причинности, признавалъ все, дѣйствительно существующее, необходимымъ. Поэтому долженъ былъ утверждать, что смерть его не только случилась, но и *должна* была случиться въ Гаасѣ, а не въ другомъ какомъ либо-мѣстѣ, такъ какъ необходимость его смерти въ этомъ мѣстѣ условливалась рядомъ предшествующихъ причинъ. Лейбницъ же не противорѣчитъ этому, но утверждаетъ, что въ рядѣ предшествующихъ причинъ, условливавшихъ смерть еврейскаго философа въ Гаагѣ, могла войти еще и такая причина, которая видоизмѣнила бы мѣсто смерти Спинозы, такъ какъ въ этомъ нѣтъ никакого логическаго противорѣчія, и область возможнаго обширнѣе области дѣйствительнаго. Такимъ образомъ, Лейбницъ не признаетъ дѣйствительно существующее необходимымъ, а только *дѣйствительнымъ*, потому что необходимое исключаетъ всякую другую возможность. Лейбницъ же думаетъ, что дѣйствительное есть не необходимое, а только имѣющее достаточное основаніе для своего существованія.

сказать хуже). Я прибавлю только—что то, что онъ выдаетъ за основное положеніе, есть только опредѣленіе *возможно* и *невозможно*. Тѣмъ не менѣе Бель въ концѣ дѣлаетъ замѣчаніе, которое нѣсколько искажаетъ все сказанное имъ съ такою основательностію; именно, онъ говоритъ: «Въ чемъ же состоитъ здѣсь противорѣчіе, если бы Спиноза умеръ въ Лейдинѣ? Сдѣлалась ли бы природа поэтому менѣе совершенною, менѣе мудрою, менѣе могущественною? Онъ смѣшиваетъ здѣсь невозможное, поелику оно содержитъ въ себѣ противорѣчіе съ тѣмъ, что не можетъ произойти, посліку оно не можетъ быть годнымъ для избранія. Справедливо, что нѣтъ противорѣчія въ томъ предположеніи, если бы Спиноза умеръ въ Лейдинѣ, а не въ Гаагѣ; ничего не было бы невозможнаго въ этомъ; и дѣло это безразлично въ отношеніи къ могуществу Божію. Но не должно представлять будто какое-либо событіе, какъ бы оно ни было незначительно, могло быть признаваемо безразличнымъ въ отношеніи къ Его мудрости и Его благодати. Иисусъ Христосъ божественно хорошо сказалъ, что у Бога все сосчитано до волосъ на нашей головѣ. Такимъ образомъ, божественная мудрость не допустила, чтобы то событіе, о которомъ говоритъ Бель, произошло иначе, чѣмъ какъ оно произошло,—не потому, чтобы событіе это само по себѣ заслуживало преимущественнаго избранія, а по причинѣ своей связи со всѣмъ рядомъ событій во вселенной, какой рядъ заслуживалъ преимущественнаго избранія. Сказать, что совершающееся не интересуется Божественную мудрость и отсюда заключать, что оно не есть необходимое,—это значитъ принимать ложное положеніе и дѣлать правильный выводъ изъ ложнаго положенія. Это значитъ смѣшивать то, что необходимо по нравственной необходимости, то есть, по началу мудрости и благодати, съ тѣмъ, что необходимо по метафизической и грубой необходимости, которая бываетъ тогда, когда противоположное содержитъ въ себѣ противорѣчіе. Такъ и Спиноза въ этомъ смыслѣ ищетъ метафизической необходимости въ событіяхъ; онъ не допускаетъ, чтобы Богъ опредѣлялся своею благодію и своимъ совершенствомъ, (каковыя свойства этотъ писатель признаетъ химерами по отно-

шенію къ вселенной), а лишь необходимостію своей природы; точно такъ же какъ полукругъ необходимо содержитъ въ себѣ лишь прямые углы, хотя онъ не сознаетъ и не желаетъ этого. Ибо Эвклидъ доказалъ, что всѣ углы, содержащіеся между двумя прямыми линиями, проведенными отъ начала діаметра къ точкѣ круга, необходимо образуютъ прямые углы, и что противоположное мнѣніе содержитъ въ себѣ противорѣчіе ¹⁾).

175. Существуютъ люди, которые вдаются въ противоположную крайность; подъ предлогомъ освобожденія Божественной природы отъ ига необходимости, они представляютъ ее совершенно индифферентною, какъ представляютъ индифферентную волю; они не принимаютъ во вниманіе, что насколько метафизическая необходимость недостойна въ отношеніи къ дѣйствіямъ Божиимъ *ad extra* (во внѣ), настолько нравственная необходимость достойна Его. Только эта счастливая необходимость побуждаетъ мудреца къ благодѣянію, между тѣмъ какъ безразличіе въ отношеніи къ добру и злу служитъ признакомъ

1) Этотъ § имѣетъ очень важное значеніе во всей «Теодицѣ» Лейбница, потому что въ параграфѣ этомъ философъ съ наибольшою ясностію высказываетъ свои понятія о возможномъ и необходимомъ. Лейбницъ совершенно правильно признаетъ возможнымъ все, что не содержитъ въ себѣ противорѣчія, но онъ, какъ справедливо замѣчаетъ Кирхманъ, просматриваетъ, что для дѣйствительнаго противорѣчія необходимы два предложенія, или два понятія, изъ коихъ одно непременно должно быть признано нами истиннымъ, а другое, противорѣчащее ему, поэтому должно быть признаваемо ложнымъ. Тамъ же, гдѣ не соблюдено это условіе, тамъ существуетъ не дѣйствительное противорѣчіе, а только различіе. Но Кирхманъ несправедливо укоряетъ Лейбница въ томъ, что онъ отличаетъ логическую необходимость отъ нравственной. И въ нашей повседневной человѣческой жизни не все то нравственно, что логически необходимо, или не все то логически необходимо, что нравственно; часто случается совершенно наоборотъ. Это же самое имѣетъ приложеніе и къ жизни Божественной. Богъ могъ сотворить міръ по логической необходимости, не принимая во вниманіе нравственныхъ потребностей; но тогда этотъ міръ не былъ бы наилучшимъ; или Богъ могъ бы сотворить міръ по нравственной необходимости, не принимая во вниманіе логической необходимости; но и этотъ міръ не былъ бы наилучшимъ. Такимъ образомъ, какъ въ своей собственной, такъ и въ Божественной жизни мы можемъ отличать логическую необходимость отъ нравственной. Въ творческомъ же актѣ міротворенія, какъ надобно думать, всѣ эти необходимости въ Богѣ дѣйствовали совмѣстно, за-разъ; и такимъ образомъ совмѣстно опредѣлили собою бытіе наилучшаго міра.

недостатка мудрости и благости. Я не говорю уже о томъ, что безразличіе, рассматриваемое въ отвлеченіи, удерживающее волю въ совершенномъ равновѣсіи, есть химера, какъ я показалъ это выше; оно колеблетъ великое начало достаточнаго основанія ¹⁾.

К. Истоминъ.

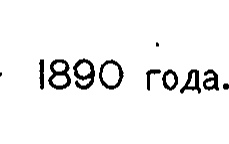
(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Лейбницъ различаетъ логическій законъ невозможности какого-либо противорѣчія отъ логическаго же закона достаточнаго основанія. По его воззрѣнію, логически необходимымъ въ строгомъ смыслѣ надобно признавать только то, что не можетъ терпѣть при себѣ никакого противорѣчія; напротивъ того, законъ достаточнаго основанія не приводитъ человѣка къ подобной логической необходимости, при немъ возможно даже противоположеніе, если только оно не ведетъ къ полному противорѣчю. Оба эти закона приводятъ затѣмъ Лейбница къ допущенію двухъ родовъ необходимости, логической и нравственной, и такимъ образомъ даютъ ему средство признать человѣка свободнымъ, хотя человѣкъ всегда дѣйствуетъ на основаніи закона достаточнаго основанія. Словомъ, Лейбницъ отличаетъ логическую необходимость отъ нравственной. Кирхманъ противорѣчитъ Лейбницу въ этомъ отношеніи и совершенно отождествляетъ обѣ необходимости; но его противорѣчіе и его отождествленіе основываются уже на отрицаніи свободной воли въ человѣкѣ, чего никто еще не доказалъ и доказать не можетъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Іюля № 14. 1890 года.

Содержаніе. ВЫСОЧАЙШІЯ награды по Харьковской Епархіи.—Учрежденіе въ Харьковской епархіи наблюдательной комиссіи за разборомъ по церквамъ епархіи восковыхъ свѣчъ съ епархіальнаго свѣчнаго завода.—Вѣдомость церк. кружечнаго сбора «въ пользу нуждающихся славянъ», полученнаго Славянскимъ Обществомъ въ теченіе 1889 года.—Вѣдомость о средствахъ Харьк. епархіальнаго свѣчнаго завода на 1-е число Іюля мѣсяца 1890 года.—Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.—Разрядной списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ правленіемъ послѣ годичныхъ испытаній за 1889/90 учебный годъ.—Отъ завѣдующаго складомъ книгъ при Старобѣльскомъ Цокровскомъ Соборѣ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, согласно удостоенію Кавалерской Думы, въ 3-й день февраля 1890 г. ВЫСОЧАЙШЕ соизволилъ на награжденіе нижеслѣдующихъ лицъ духовнаго званія орденомъ *св. Анны 3-й степени*, по статуту сего ордена за труды по народному образованію, въ Харьковской епархіи: церкви слободы Огульцовъ, Валковскаго уѣзда, священника Михаила *Ольховскаго* и церкви села Стараго Мерчика, того же уѣзда, священника *Теодосія Мухина*.

Учрежденіе въ Харьковской епархіи наблюдательной комиссіи за разборомъ по церквамъ епархіи восковыхъ свѣчъ съ епархіальнаго свѣчнаго завода.

Его Высокопреосвященствомъ 24 іюля сего года дано Харьковской Духовной Консисторіи слѣдующее предложеніе: въ новой ВЫСОЧАЙШЕ утвержденной 12 іюня сего года инструкціи церковнымъ старостамъ въ § 23 изображено: «Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ учреждены епархіальныя свѣчныя склады для снабженія церквей восковыми свѣчами, ладаномъ и деревяннымъ масломъ, церковнымъ старостамъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность пріобрѣтать озна-

ченныя предметы для церквей, при которыхъ они состоятъ старостами, только изъ этихъ складовъ, а равно и продавать огарки только въ эти склады».

Хотя каждому церковному старостѣ сіе узаконіе будетъ извѣстно, такъ какъ при самомъ избраніи всѣмъ старостамъ вручена будетъ инструкція (§ 19); но какъ опытъ предшествующихъ лѣтъ показалъ, за исполненіемъ сего узаконенія требуется особое наблюденіе со стороны епархіальнаго начальства, какъ въ видахъ скорѣйшаго изытія изъ употребленія въ церквахъ недоброкачественныхъ свѣчъ, такъ и для поддержанія епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ, которые между прочимъ имѣютъ цѣлю вспоможеніе духовнымъ училищамъ и другимъ епархіальнымъ учрежденіямъ.

Наиболѣе надежною мѣрою для сего наблюденія по Харьковской епархіи признаю учрежденіе особой комиссіи изъ духовенства г. Харькова подъ названіемъ: «наблюдательная комиссія за разборомъ по церквамъ Харьковской епархіи восковыхъ свѣчъ съ епархіальнаго свѣчного завода». На комиссію сію возлагаются слѣдующія обязанности:

1) Собрать изъ ктиторскихъ вѣдомостей за послѣдній годъ свѣдѣнія о числѣ прихожанъ въ каждомъ приходѣ епархіи и потомъ пополнять ихъ въ случаѣ открытія новыхъ приходовъ.

2) Требовать отъ правленія Харьковскаго епархіальнаго свѣчного завода въ нижеуказанные сроки вѣдомости о количествѣ свѣчъ взятыхъ старостами всѣхъ церквей изъ складовъ завода.

3) Изъ сихъ свѣдѣній составлять и представлять мнѣ въ текущемъ году за два полугодія отъ 1 января по 1 іюля и отъ 1 іюля по 1 января 1891 года, а въ послѣдующее время по третямъ года особыя вѣдомости. Въ этихъ вѣдомостяхъ въ особыхъ графахъ должны быть помѣщаемы слѣдующія свѣдѣнія: а) именованія церквей съ обозначеніемъ уѣзда и благочинія; б) число прихожанъ при каждой церкви; в) количество забранныхъ старостами для каждой церкви свѣчъ съ епархіальнаго завода; г) уменьшеніе или увеличеніе количества забранныхъ свѣчъ противъ прошедшаго года за то же время; д) количество свѣчъ, какое по мнѣнію комиссіи должно бы быть взято извѣстною церковію съ завода по числу прихожанъ и по примѣру другихъ церковныхъ старостъ, ревнующихъ о доброкачественности церковныхъ свѣчъ и пользѣ епархіи; е) графа болѣе широкая для моихъ замѣтокъ (форма сей вѣдомости прилагается):

ВѢДОМОСТЬ

наблюдательной комиссіи за разборомъ по церквамъ Харьковской епархіи восковыхъ свѣчь съ епархіальнаго свѣчнаго завода.

Именованіе церквей.	Число при- хожанъ.	Колич. за- бранныхъ свѣчь.	Сравнитель- ный заборъ съ прошед- шимъ год.	Желатель- ный заборъ. свѣчь.	Для замѣтокъ Его Высоко- преосвященства.

Въ комиссіи имѣеть быть предсѣдателемъ преосвященный ви-карій по назначеніи онаго въ Харьковскую епархію, до того же времени предсѣдательство я принимаю на себя.

Членами комиссіи назначаются: Мироносицкой церкви протоіерей Щелкуновъ, Святодуховской церкви прот. Левандовскій, соборный священникъ Буткевичъ и Холодногорской Кладбищенской церкви свящ. Гутниковъ.

Для писмоводства въ комиссіи назначаются: соборный діаконъ Новскій и Троицкой церкви діаконъ Подольскій.

Необходимую сумму на расходы по комиссіи примѣрно до ста рублей отпускаеть правленіе свѣчнаго завода.

Вѣдомость церковнаго кружечнаго сбора „въ пользу нуждающихся славянъ“, полученнаго Славянскимъ обществомъ въ теченіе 1889 г.

Въ прошломъ году получено отъ церквей Амурской обл. 109 р. 30 к., Архангельской губ. 73 р., Астраханской губ. 478 р. 20 к., Бессарабской губ. 205 р. 38 к., Варшавской губ. 81 р. 46 к., Виленской губ. 41 р. 41 к., Витебской губ. 74 р. 11 к., Владимирской губерніи 455 р. 52 к., Вологодской губ. 207 руб. 94 к., Волынской губерніи 354 р. 8 к., Воронежской губ. 5 р., Выборгской губ. 21 р. 83 к., Вятской губерніи 366 р. 21 к., Гродненской губерніи 35 р. 65 коп., Донской област. 406 р. 20 к., Екатеринбургской епархіи 88 р. 42 к., Иркутской губ. 568 р. 51 к., Казанской губ. 341 р. 67 к., Калужской губ. 310 р. 53 к., Костромской губ. 207 р. 30 к., Курской губерніи 528 р., 31 к., Кутанской губ. 24 р. 47 к., Лифляндской губ. 37 р. 63 к., Ломжинской губ. 3 р., Люблинской губерніи 45 р. 4 к., Минской губерніи 116 р. 27 к.,

Могилевской губ., 91 р. 28 к., Московской губ. 34 р. 44 к., Нижегородской губ. 164 р. 35 к., Олонецкой губ. 105 р. 87 к., Оренбургской губ. 241 р. 4 к., Орловской губ. 444 р. 24 к., Пензенской губ. 8 р. 6 к., Пермской губ. 81 руб. 70 к., Плоцкой губернии 22 р. 73 к., Подольской губ. 230 р. 95 к., Полтавской губ. 379 р. 76 к., Приморской области 18 р. 26 к., Псковской губ. 137 руб. 89 к., Рязанской губ. 570 р. 43 к., Самарской губ. 466 р. 58 к., С.-Петербургской губ. 543 р. 94 к., Саратовской губ. 105 р. 73 к., Семирѣченской области 46 р. 92 к., Симбирской губ. 90 р. 82 к., Смоленской губ. 327 р. 93 к., Ставропольской губ. 16 р. 42 к., Сувальской губ. 12 р. 26 к., Сырь-Дарьинской области 6 р. 8 к., Съдлецкой губ. 30 р. 33 к., Таврической губ. 341 р. 71 к., Тамбовской губ. 328 р., 64 к., Тверской губ. 644 р. 63 к., Терской области 44 р. 36 к., Тифлисской губ. 29 р. 12 к., Тобольской губ. 46 р. 30 к., Томской губ. 5 р. 24 к., Тульской губ. 421 р. 98 к., Уральской области 13 р. 40 к., Уфимской губ. 61 р. 51 к., Ферганской области 4 р. 92 к., Херсонской губ. 159 р. 11 к., Черниговской губ. 82 р. 89 к., Якутской области 30 руб., Ярославской губ. 109 р. 87 к., Харьковской губ. Изъ Ахтырскаго уѣзда, отъ бл.: 1 окр., св. Г. Хлжнякава 18 р. 24 к., 2 окр., св. В. Федорова 5 р. 84 к., 3 окр., св. Г. Попова 18 р. 22 к.; изъ Богодуховскаго уѣзда отъ бл.: 1 окр., св. А. Ястремскаго 23 р. 21 к., 2 окр., св. А. Снѣсаревскаго 36 р.; изъ Валковскаго уѣзда, отъ бл.: 1 окр. пр. І. Голяковскаго 8 р. 50 к., 2 окр., пр. П. Лобковскаго 13 р.; изъ Волчанскаго уѣзда отъ бл.: 1 окр., св. А. Евенмова 26 руб. 85 к., 2 окр., св. Г. Буханцева 18 р. 42 к.; изъ Зміевскаго уѣзда отъ бл.: 1 окр., пр. А. Сильванскаго 20 р.; 2 окр., св. М. Котлярова 12 р. 25 к., 3 окр., св. І. Чудновскаго 18 руб. 24 к.; изъ Изюмскаго уѣзда отъ бл.: 1 окр., А. Касьянова 19 р. 55 к., 2 окр., пр. Ѳ. Любарскаго 7 р. 80 к., 3 окр., пр. А. Литвинова 15 р. 72 к., 4 окр., св. М. Кунцины 3 р. 31 к.; изъ Купянскаго уѣзда отъ бл.: 1 окр., св. В. Попова 22 р. 30 к., 2 окр., св. М. Чернышева 16 р. 38 к.; изъ Лебединскаго уѣзда отъ бл.: 1 окр., св. К. Щелкунова 9 р. 92 к., 2 окр., пр. І. Салухина 14 р. 54 к., 3 окр., св. М. Лободовскаго 20 р. 37 к.; изъ Старобѣльскаго уѣзда отъ бл.: 1 окр., пр. Н. Шокотова 7 р., 2 окр., св. В. Попова 21 р. 8 к., 3 окр., св. Д. Донченкова 17 р. 22 к., 4 окр., пр. Г. Максимова 46 р. 28 коп., 5 окр., св. В. Алексѣевскаго 15 руб.; изъ Сумскаго уѣзда отъ бл. 1 окр., пр. В. Никольскаго 33 р. 19 коп., 2 окр., св. А. Чугаева 18 р. 26 к.; изъ Харькова, отъ бл. 1 окр., св. П. Полтавцева 38 р.; изъ Харьковскаго уѣзда: отъ бл.: 1 окр., св. Г. Лободовскаго 16 р. 10 к.; 2 окр., св. А. Грекова 9 р., 3 окр., пр. М. Рокитянскаго 7 р. 76 к., 4 окр., св. А. Червонецкаго 14 р. 65 к.—592 р. 20 к. Итого 12.278 р. 33 к.

Вѣдомость о средствахъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода на 1-е число Іюля мѣсяца 1890 года.

Заводъ имѣетъ 1-е въ кассѣ: наличными деньгами 15209 р. 67¹/₂ к., билетами 6900 р., итого 22109 р. 67¹/₂ к.; *2-е въ недавнимомъ имуществѣ:* земля, лѣсъ, каменные и другія постройки 31720 р. 8 к.; *3-е въ заводскомъ и хозяйственномъ инвентарѣ:* паровики, трубы, котлы, вѣса, обозъ, экипажи, лошади, шкафы, мебель и другія хозяйственныя принадлежности 3382 р. 68 к.; *4-е въ матеріалахъ:* свѣчей зол. и пр. 1560 п. 14¹/₂ ф. 34171 р. 94 к., крестиковъ 34 ф. 18 р. 61 к., воска бѣлаго 3544 п. 2¹/₄ ф. 73747 р. 5 к., воска огарочн. и черх. 657 п. 11826 р., воска желтаго 642 п. 35¹/₂ ф. 13770 р. 64 к., воска на кроватяхъ 2852 п. 19 ф. 58475 р. 73³/₄ к., свѣчныхъ огарковъ 18 п. 12 ф. 295 р. 56 к., свѣчнаго лома 1 п. 2³/₄ ф. 23 р. 41 к., обвоощен. остатк. 13 п. 11¹/₂ ф. 119 р. 58¹/₂ к., золота сусал. 260 книж. 142 р. 35 к., фитильн. бумаги 34 п. 35⁷/₈ ф. 589 р. 70³/₄ к., оберточн. синей бум. 4 п. 5³/₈ ф. 20 р. 67 к., увязи для свѣчей 14 п. 8¹/₄ ф. 170 р. 47¹/₂ к., этикетовъ 1 п. 9¹/₂ ф. 48 р. 3 к., подсолнечн. масла 12 п. 10 ф. 53 р. 90 к., гуммиарабкы 7 ф. 4 р. 20 к., оберточн. сѣрой бум. 3 п. 10 ф. 11 р. 70 к., рогожн. кулей: годн. 5580 шт. 1227 р. 60 к., рогожн. кулей негод. 1160 шт. 54 р. 30 к., ящковъ укупор. 1609 шт. 804 р. 50 к., каменнаго угля 1600 п. 240 р., дровъ дуб. 2 сорт. 23 саж. 460 р., итого 196275 р. 96¹/₂ к.; *5-е въ долгахъ:* за комитетомъ Таврическаго епарх. завода 2000 р., за комитетомъ по торговлѣ деревян. масломъ 1500 р., за Макухинымъ Григоріемъ Яковлевичемъ 500 р., за комиссіонерами за свѣчи 68799 р. 13³/₄ к., за свѣчной лавкой архіерейскаго домоуправленія, монастырями и церквами за свѣчи 12894 р. 67 к., итого 85693 р. 80³/₄ к., всего заводъ имѣетъ 339182 р. 20³/₄ к.

Заводъ долженъ: запасному капиталу духовенства 64255 р. 88 к. вкладамъ церквей и причтовъ 10995 р., по квитанціямъ перваго авансоваго взноса на усиленіе средствъ завода въ 1881 г. 1599 р., по квитанціямъ втораго авансоваго взноса, на постройку Купянскаго духовнаго училища 18314 р. 57 к., разнымъ лицамъ за купленные матеріалы 308 р. 40 к., процентовъ 904 р. 29¹/₄ к., итого 96377 р. 14¹/₄ к., а за исключеніемъ означеннаго долга, заводъ имѣетъ въ наличности къ 1-му числу Іюля мѣсяца 1890 года 242805 р. 6¹/₂ к.

Кромѣ того, въ теченіе первой половины сего 1890 года, выдано пзъ средствъ завода: на содержаніе духовныхъ училищъ, на постройку Купянскаго дух. училища и епархіальнаго женскаго и на др. епархіальныя нужды 52104 р. 7 к.

Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.

Предметы занятій съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, имѣющаго открытъ свои засѣданія 20 сентября сего 1890 г. слѣдующіе:

1. Разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училищнаго общежитія въ будущемъ 1891 году.

2. Разсмотрѣніе доклада временно-ревизіоннаго комитета по документальной повѣркѣ экономическаго отчета и прихода-расходной книги училища за 1889 годъ.

3. Разсмотрѣніе вѣдомостей оо. благочинныхъ Сумскаго училищнаго округа о приходѣ, расходѣ и остаткѣ церковныхъ суммъ, а также доставленныхъ ими свѣдѣній о продажѣ вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы, равно и о продажѣ восковыхъ свѣчей въ подвѣдомственныхъ имъ церквахъ и свѣчныхъ складахъ.

4. Текущія дѣла, подлежащія обсужденію съѣзда.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ правленіемъ послѣ годичныхъ испытаній за 1889—90 учебный годъ.

IV К Л А С С А.

Удостоены перевода въ 1-й классъ семинаріи.

Разрядъ I-й. 1. Сокальскій Михайль, — награжденъ книгою, Ступницкій Григорій, Ястремскій Феофилъ, Наумовъ Андрей.

Разрядъ II-й. 5. Александровъ Алексѣй, Козловскій Антоній, Здоровъ Титъ, Крыжановскій Стефанъ, Поповъ Петръ, 10. Кушниренко Иванъ, Хижииковъ Иванъ, Заводовскій Иванъ, Федоровъ Василій, Проскурниковъ Евгеній, 15. Быковцевъ Григорій, Погорѣловъ Григорій, Артюховскій Александръ, Оомиць Григорій, Семеновъ Описимъ, 20. Поповъ Кирилль, Должанскій Петръ, Бѣлицкій Петръ, Збукаревъ Иванъ.

Разрядъ III-й. Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Лапоноговъ Иванъ, 25. Кузнецовъ Петръ, Петрусенко Прокопій, Огицскій Петръ, Донченко Константинъ, Пономаревъ Даніилъ, 30. Вассаковскій Александръ, Москаленко Алексѣй, Федоровъ Иванъ. На основаніи опредѣленія Св. Синода отъ 15—31 Декабря 1889 г. за № 2847, предоставляется право передержки экзамена по греческому языку для полученія свидѣтельства объ окончаніи курса ученику Быкову Макарію.

III К Л А С С А.

Переводятся въ IV классъ.

Разрядъ I-й 1. Строевскій Иванъ, Клиценко Федоръ, Поповъ Павелъ, Краснобутскій Василій, 5. Красиль Павелъ, Столяревскій

Федоръ, Ястремскій Сергѣй, Крушедольскій Иванъ, Федоровскій Николай, 10. Федоровъ Александръ, Стефановскій Павелъ.

Разрядъ II-й. Вербицкій Стефанъ, Федоровъ Николай, Когляровъ Федоръ, 15. Михайловскій Николай, Фіалковскій Константинъ, Рубинскій Василій, Антоновъ Иванъ, Назаревскій Иванъ, 20. Приходьковъ Константинъ, Стефановскій Николай, Люминарскій Димитрій, Ковалевскій Константинъ.

Назначаются къ переводу въ IV классъ съ передержкой экзамена:

Горайстовъ Александръ, 25. Геневскій Алексѣй—по греческому языку, Филоненко Григорій, Рубинскій Георгій, Родовскій Евфимъ, по латинскому языку, Быковъ Павелъ по греческому и латинскому языкамъ.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классъ.

Разрядъ III-й. 30. Матвѣевъ Василій, Понкратьевъ Андрей, Николаевъ Константинъ, Волковъ Иванъ, Аристовъ Иванъ, 35. Флоринскій Петръ, Николаевскій Антоній, Новомірскій Евфимъ—по малоусиѣнности, Козловскій Николай, Чугаевъ Сергѣй—по болѣзни.

II К Л А С С А.

Переводятся въ третій классъ.

Разрядъ I-й. 1. Александровъ Павелъ, Фальченко Иванъ, Доброславскій Веніаминъ—награждены книгами, Поповъ Евграфъ, 5. Захаровъ Александръ, Грищенко Василій, Чугаевъ Евгений, Клисенко Андрей.

Разрядъ II-й. Петровскій Михаилъ, 10. Луценко Иванъ, Пестряковъ Василій, Поповъ Григорій, Денисенко Михаилъ, Чефрановъ Александръ, 15. Григорьевъ Иванъ, Чефрановъ Михаилъ, Малиженовскій Михаилъ, Николаевскій Сергѣй.

Назначаются къ переводу въ III классъ съ передержкой экзамена.

Ильинъ Иванъ, 20. Кривошеевъ Сергѣй—по русскому языку, Бибичъ Леонидъ, Бородаевскій Михаилъ—по русскому и греческому языкамъ, Карповъ Александръ—по греческому языку и арифметикѣ.

Оставляются въ томъ же классъ на повторительный курсъ.

Разрядъ III-й. Заводовскій Андрей—по болѣзни, 25. Кучеровскій Николай, Шматовъ Григорій, Бородаевскій Иванъ, Ястремскій Сергѣй, Калюжный Федоръ, 30. Назаренко Иванъ, Полтавцевъ Всеволодъ, Горайнъ Алексѣй, Каравановъ Павелъ, Котляровъ Алексѣй, 35. Мигулинъ Павелъ, Чумаковъ Николай.

Увольняются изъ училища.

Заводовскій Матвѣй, Лисанскій Семень, Жуковскій Андрей—по малоусиѣнности.

I К Л А С С А.

Переводятся во второй классъ.

Разрядъ I-й. 1. Артемьевъ Василій, Горанинъ Иванъ — награждены книгами, Торанскій Владимиръ, Стеллецкій Николай, 5. Вербицкій Андрей, Салофненко Алексѣй, Любарскій Евгений, Клисенко Михаилъ, Владыковъ Георгій.

Разрядъ II-й. 10. Лепешкинъ Владимиръ, Троицкій Евграфъ, Ступницкій Василій, Краснопольскій Моисей, Проскурниковъ Александръ, Столяревскій Яковъ, Погорѣловъ Михаилъ, Столяревскій Алексѣй, Эпнатскій Андрей, Полтавцевъ Константинъ, 20. Левченко Леонидъ.

Назначаются къ переводу во II классъ съ передержкой экзамена:

Сомохваловъ Анатолий, Сургучевъ Алексѣй, Скляръ Андрей, Семеновъ Иванъ, 25. Должанскій Иванъ — по русскому языку, Лащенко Василій — по арифметикѣ, Проскурниковъ Михаилъ — съ правомъ держать экзаменъ по всѣмъ предметамъ.

Остаются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ:

Разрядъ III-й. Полянскій Иванъ, Коваленко Савва, 30. Ковалевскій Павелъ, Сукачевъ Федоръ, Петровскій Григорій, Невядовскій Стефанъ, Максимовъ Илья, 35. Федоровъ Владимиръ.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНАГО КЛАССА.

Назначены къ переводу въ I классъ.

Разрядъ I-й. 1. Слюсаревъ Александръ, Сорочинскій Николай, Покровскій Николай, Фальченко Николай, 5. Давидовъ Сергѣй, Стефановскій Василій — награждены книгами, Поморцевъ Николай, Карповъ Григорій, Торанченко Юстинъ, 10. Котляровъ Александръ, Нестеренко Василій, Федоровскій Василій, Свриковъ Стефанъ, Новицкій Константинъ, 15. Барабоха Викторъ.

Разрядъ II-й. Столяревскій Георгій, Чефрановъ Василій, Рубинскій Петръ, Федоровскій Николай, 20. Романовъ Аполлосъ, Василевскій Василій, Эллинскій Петръ, Лисенко Яковъ, Моляровъ Николай, 25. Скляръ Петръ.

Назначаются къ переводу въ I классъ съ передержкой экзамена:

Индутный Александръ, Краснопольскій Николай, Рубинскій Иванъ, Сербиновъ Нарьясъ, 30. Сургучевъ Николай, Троицкій Дмитрій — по русскому языку.

Оставлены въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Разрядъ III-й. Вассаковскій Евгений, Сукачевъ Михаилъ, Хлужниковъ Григорій, 35. Ястремскій Карпъ, Григорьевъ Антоній,

Ходской Александръ, Марченко Сергѣй, Калюжный Валентинъ, 40. Поновъ Андрей, Жуковский Иларіонъ. Увольняется изъ училища по прошенію родителей Левитскій Петръ.

Правленіе Сумскаго духовнаго училища объявляетъ, что 7, 8 и 9 августа назначаются на переэкзаменовку воспитанниковъ, получившихъ на годичныхъ испытаніяхъ неудовлетворительныя баллы; 11, 12, 13 и 14 августа назначаются на приемныя испытанія вновь поступающихъ воспитанниковъ. Въмѣстѣ съ симъ Правленіе училища объявляетъ, что въ приготовительномъ классѣ для поступающихъ въ училище по вступительному экзамену имѣется 40 вакансій, въ I кл. одна вакансія, въ III кл. — 7 вакансій, въ IV кл. 2—вакансіи, а во II кл. вакансій не имѣется.

Отъ завѣдующаго складомъ книгъ при Старобѣльскомъ Покровскомъ соборѣ.

Съ разрѣшенія Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, при Старобѣльскомъ Покровскомъ соборѣ открытъ книжный складъ, въ которомъ въ настоящее время имѣются для продажи необходимыя руководства и учебники для церковно-приходскихъ школъ. О чемъ извѣщаются оо. наблюдатели и наставники церковно-приходскихъ школъ Старобѣльскаго уѣзда.

Епархіальныя извѣщенія.

Діаконъ Іоанно-Богословской церкви с. Черемушнаго Валковскаго уѣзда Петръ *Держачевъ* перемѣщенъ къ Покровской церкви заштатнаго города Недригайлова, Лебединскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Сумской Троицкой церкви Петръ *Пономаревъ* волею Божією умре, а на его мѣсто опредѣленъ псаломщикъ Іоанно-Предтечевской церкви с. Луки, Сумскаго уѣзда, Василій *Рождественскій*.

— Псаломщикъ Владиміро-Богород. церкви с. Должика, Харьковскаго уѣзда, Викторъ *Ильинскій* перемѣщенъ къ Іоанно-Богословской церкви с. Янкова-Рога, Ахтырскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Николаевской церкви сл. Вревкиной, Изюмскаго уѣзда, Теофилактъ *Павловскій*, согласно прошенію его, перемѣщенъ къ Екатерининской церкви, сл. Протопоповки, того-же уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика сынъ священника Георгій *Мухинъ*.

— Священническій сынъ Θεодосій *Татарскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Успенской церкви сл. Нижней Покровки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ—соборной Троицкой церкви, г. Волчанска, купецъ Иванъ *Прилуцкій*; Христорождественской церкви, сел. Пятницкаго, Волчанскаго уѣзда, кр. Василій

Христианинъ; Николаевской сл. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, кр. Федоръ *Уманскій*; Троицкой той же сл. мѣщ. Иванъ *Корсиченко* и Успенской кладбищенской той же сл. мѣщ. Семенъ *Масленниковъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Назначеніе епископовъ въ Македонію.—Бракоразводное дѣло королевы Наталіи.—Заграничныя общества для пособія русскимъ.—Протестантскіе миссіонеры.—Императоръ германскій въ званіи пастора.—Услѣхи православія и русскаго дѣла въ Холмщинѣ и Подлісьѣ.—Праздненство въ честь Гуса въ Константѣ.—Разработка въ Св. Синодѣ труда о современномъ состояніи правосл. церкви въ имперіи.—Всероссійское православное братство.—Упраздненіе должности главнаго священника кавказской арміи.—Первый крестный ходъ въ Харьковѣ къ часовнѣ Царя-Освободителя.—Фондъ для пособія ученикамъ коммерческаго училища отъ имени Высокопреосвящен. Амвросія.—Пребываніе о. Іоанна Сергіева въ Харьковѣ.—Биографическія свѣдѣнія о немъ.—Некрологъ.

По словамъ «Моск. Вѣд.», Порта назначила болгарскихъ епископовъ въ нѣкоторые округа Македоніи и это назначеніе неожиданно приобрѣло важное политическое значеніе и можетъ повлечь за собою весьма серьезныя послѣдствія.

Собственно говоря вопросъ о назначеніи болгарскихъ епископовъ созрѣлъ еще почти 20 лѣтъ тому назадъ и тогда уже получили удовлетворительное рѣшеніе *на бумагахъ*; только практическое его осуществленіе оттягивалось изъ году въ годъ, какъ это всегда почти бываетъ съ мѣропріятіями Оттоманскаго правительства, вынужденными у него христіанскими державами на пользу христіанскихъ подданныхъ Турціи.

Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда автономія Румынскаго и Сербскаго княжества добились отъ сюзереннаго турецкаго правительства права основанія у себя автокефальныхъ церковныхъ учрежденій, независимыхъ отъ греческаго патріарха въ Константинополѣ, такое же стремленіе зародилось въ земляхъ съ болгарскимъ населеніемъ, находившимся еще въ полномъ подчиненіи у Турціи. Единственная защитница національныхъ и релігіозныхъ правъ славянскихъ племенъ Балканскаго полуострова, Россія въ то время энергически поддерживала эти требованія Болгаръ, и, благодаря усиліямъ тогдашняго русскаго посла въ Константинополѣ, генерала Игнатьева, въ 1872 году издавъ былъ султанскій фирманъ, коимъ признано было учрежденіе болгарскаго экзархата, совершенно независимаго отъ греческаго вселенскаго патріарха.

Фирманъ 1872 года получилъ однако дѣйствительное примѣне-

ніе лишъ послѣ послѣдней Русско-Турецкой войны, приведшей къ освобожденію и основанію независимаго Болгарскаго княжества, такъ какъ постановленія этого фирмана подтверждены были и 62 ст. Берлинскаго трактата.

Но въ этой статьѣ, обезпечившей церковную самостоятельность Болгарскому княжеству, недостаточно ясно формулировано было примѣненіе фирмана 1872 года къ тѣмъ землямъ и областямъ съ болгарскимъ населеніемъ, которыя и послѣ 1872 г. оставлены были подъ скипетромъ Турціи, какъ Восточная Румелія и Македонія.

Противодѣйствіе учрежденію самостоятельныхъ болгарскихъ епископій въ Македоніи, отличающейся смѣшаннымъ населеніемъ, оспаривающимъ другъ у друга политическое и духовное господство, оказывало главнымъ образомъ греческое духовенство, пользовавшееся въ этомъ отношеніи значительною поддержкой со стороны греческихъ агентовъ въ турецкихъ владѣніяхъ. А такъ какъ послѣдніе преслѣдовали въ данномъ случаѣ чисто политическія цѣли, связанныя съ притязаніями Греціи на извѣстныя части Македоніи, то не удивительно, что и въ другихъ частяхъ этой провинціи, по составу населенія своего болѣе преклонныхъ къ Сербіи и даже Румыніи, агенты сихъ послѣднихъ государствъ также ставили помѣхи учрежденію болгарскихъ епископскихъ престоловъ.

Эта путаница этнографическихъ, политическихъ и религіозныхъ отношеній производила и производитъ до сихъ поръ немалую смуту въ населеніи Македоніи,—смуту, значительно затрудняющую вопросъ о будущей судьбѣ Македоніи и разрѣшеніе Восточнаго вопроса вообще. Но смута эта болѣе всего на руку Оттоманскому правительству, которое охотно пользуется какъ ею, такъ и несогласіями, возникшими между державами-подписчицами Берлинскаго трактата относительно Болгарскаго вопроса, чтобы до поры до времени уклоняться отъ исполненія нѣкоторыхъ принятыхъ на себя предъ державами обязанностей.

Послѣднее рѣшеніе Порты, очевидно, вызвано сильнѣйшимъ давленіемъ тройственнаго союза и Англій на султана, отъ котораго путемъ напередъ обдуманнаго и рассчитаннаго маневра, добились уступокъ на пользу софійскихъ узурпаторовъ, которые увѣрены теперь болѣе чѣмъ когда-либо не только въ своей безнаказанности, но и въ возможности достигнуть дерзкою настойчивостью также и другихъ своихъ цѣлей, угрожающихъ миру Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ назначеніе болгарскихъ епископовъ въ Македоніи, на которую и Сербія имѣютъ притязаніе, рассчитано и на то, чтобы служить нака-

заніемъ сербскому правительству за его «русофильскую» политику. Дѣйствительно, напредьяки уже воспользовались этимъ случаемъ, чтобы возбудить Сербскій народъ противъ Россіи, допустившей такое оскорбленіе, нанесенное Сербіи Турьками и Болгарами.

Нигилисту Стамбулову и напредьяку Гарашанину, конечно, никакого нѣтъ дѣла до интересовъ православной Церкви въ Македоніи. Имъ необходимо лишь разыгрывать предъ своими соотечественниками роль «отцевъ отечества», пекущихся о благѣ своего народа, дабы вѣрнѣе удовлетворить свои хищническіе инстинкты. Нельзя, однако, отрицать что, благодаря дѣятельнымъ интригамъ одной части Европы и апаціи другой, лицемѣрная роль эта можетъ разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ...

— Корреспондентъ «Моск. Вѣдом.» сообщаетъ, что ея величество королева Наталія получила рѣшеніе Сербскаго архіерейскаго собора, подѣ предсѣдательствомъ митрополита Михаила, о незаконности постановленія эксъ-митрополита Мраовича о разводѣ королевы съ королемъ Миланомъ. Рѣшеніе это, дѣйствительно, состоялось 11 іюня и выдано королевѣ въ копіи, носящей указаніе на подписавшихся сербскихъ епископовъ, печать митрополіи и подпись митрополита Михаила.

Едва узнали объ этомъ рѣшеніи Миланъ и регенты, какъ на митрополита, при участіи главы либеральной партіи Авакумовича и профессора Великой Школы Панта Сречковича, друга и поклонника Милана, было произведено въ его домѣ нападеніе или точнѣе сказать, насиліе, по выраженію самого митрополита. Говорятъ, что Миланъ, съ пѣной у рта, съ поднятымъ кулакомъ лѣвой руки и съ револьверомъ въ правой, угрожалъ чести и жизни митрополита, требуя отмѣны выданнаго королевѣ рѣшенія. Когда же митрополитъ Михаилъ отказался исполнить это требованіе, то Ристичъ и Бѣлимарковичъ (регентъ Протичъ уклонился), Авакумовичъ и Сречковичъ принудили митрополита выдать Милану 5 іюля, за № 1.101, заявленіе о некомпетентности Сербскаго архіерейскаго собора въ пересмотрѣ рѣшенія митрополита Мраовича!

Этотъ документъ, выданный подѣ вліяніемъ насилій и угрозъ, очевидно, никакой законной силы имѣть не можетъ и полная законность рѣшенія архіерейскаго собора отъ 11 іюня, которымъ уничтожено окончательно и безповоротно незаконное постановленіе лжемитрополита Мраовича о разводѣ ея величества Сербской королевы съ отставнымъ королемъ Миланомъ, остается внѣ всякаго сомнѣнія.

Изъ Бѣлграда тоже сообщаютъ въ газету «Сербскій Гласъ», что предъ своимъ отъѣздомъ изъ Бѣлграда въ Нишъ Миланъ отправился къ высокопреосвященнѣйшему митрополиту Михаилу и самымъ нахальнымъ образомъ требовалъ отъ владыки письменнаго удостовѣренія въ томъ, что дѣло о разводѣ съ королевой Наталіей имъ, митрополитомъ, никогда болѣе не будетъ разсматриваться по существу. Къ угрозамъ Милана присоединилось еще и давленіе регентства, въ особенности Рястича, который до того грубо обращался съ митрополитомъ, что несчастный старецъ вынужденъ былъ выдать требуемое Миланомъ удостовѣреніе.

Этотъ фактъ произвелъ въ Бѣлградѣ тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ въ Бѣлградѣ рѣшительно всѣмъ извѣстно, что королева Наталія съ своей стороны получила рѣшеніе архіерейскаго собора, которымъ кассировано рѣшеніе бывшаго лжемитрополита Мраовича. Митрополитъ Михаилъ отправилъ къ королевѣ Наталіи письмо, въ которомъ онъ объясняетъ, что произведенное на него давленіе до того разстроило его, что онъ не въ состояніи самъ лично пріѣхать къ ней, чтобъ объявить ей, что выданное имъ удостовѣреніе имѣетъ личный характеръ и нисколько не ослабляетъ находящагося у нея въ рукахъ рѣшенія архіерейскаго собора.

— По поводу недавняго открытія благотворительнаго Общества при русской посольской церкви въ Берлинѣ, «Journal de St.-Petersbourg» сообщаетъ свѣдѣнія о другихъ Обществахъ для пособія русскимъ за-границей. Таково благотворительное Общество русскихъ дамъ въ Ниццѣ, состоящее подъ покровительствомъ ея величества королевы Виртембергской Ольги Николаевны и основанное по ея инициативѣ въ 1885 году, во время пребыванія ея величества въ этомъ городѣ. Общество это находится при православной церкви въ Ниццѣ и заботится объ увеличеніи ресурсовъ для оказанія помощи нашимъ соотечественникамъ. О плодотворной дѣятельности его свидѣлствуютъ, какъ его уставъ, такъ и отчеты послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Въ Штутгартѣ существуютъ также благотворительныя учрежденія, предназначенныя для помощи русскимъ за-границей. О нихъ упоминалось уже во время юбилея короля и королевы Виртембергскихъ. Общій итогъ подписки, въ которой встрѣчаются имена всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, проживающихъ въ Штутгартѣ, превысилъ 10,000 марокъ, требовавшихся для устройства постоянной кровати въ лечебницѣ имени королевы Виртембергской (Olga-Heilanstalt). Излишекъ сверхъ этой суммы, по инициативѣ королевы,

былъ присоединенъ къ прежней подпискѣ, открытой въ память 25-лѣтія царствованія покойнаго Императора Александра II между членами русской колоніи въ Штутгартѣ, въ которой Ихъ Величества вмѣстѣ съ великой герцогиней Вѣрой Константиновной приняли самое широкое участіе. Капиталь этотъ, находящійся въ вѣдѣніи русской миссіи и предназначенный для пособій русскимъ больнымъ и раненымъ офицерамъ, значительно увеличился отъ новаго вклада, къ которому королева прибавила 3,000 фр. и который былъ собранъ русской колоніей въ Ниццѣ по случаю памятнаго юбилея Виртембергскаго королевства, и этотъ капиталъ послужилъ къ организаціи въ іюнѣ 1889 г. новаго благотворительнаго учрежденія, куда отнынѣ принимаются всѣ безъ исключенія русскіе Виртемберга, нуждающіеся въ поддержкѣ или помощи.

— Нѣмецкій путешественникъ, майоръ Висманъ, послѣ своего возвращенія въ Германію, выражается крайнѣ рѣзко о дѣятельности протестантскихъ миссіонеровъ, которые причиняютъ своими требованіями и поведеніемъ разныя затрудненія властямъ и не имѣютъ никакихъ успѣховъ въ своей миссіонерской дѣятельности. Имъ онъ противопоставилъ католическихъ миссіонеровъ, которые ведутъ успѣшно проповѣдь слова Божія и являются помощниками властей. Висманъ объяснилъ эту разницу между миссіонерами тѣмъ, что католическіе миссіонеры имѣютъ строгаго руководителя, которому подчинены безпрекословно, а протестантскіе миссіонеры дѣйствуютъ, какъ имъ самимъ хочется и не признаютъ надъ собою никакой власти. Особенно же бросается въ глаза несоотвѣтствіе между незначительными успѣхами и ужасными затратами на цѣли протестантской миссіи. Висманъ не приводилъ въ подтвержденіе этого цифръ, но это сдѣлала англійская протестантская газета Tablet. Газета пишетъ: «Въ Средней и Сѣверной Индіи протестантскіе миссіонеры въ прошломъ году обратили въ христіанство 298 язычниковъ изъ 220 милліоновъ человекъ, обитающихъ тамъ. Чтобы добиться этого результата Библейское Общество содержало тамъ 841 священника и израсходовало 48296 фунт. стерл. 19 шиллинговъ (болѣе 400000 рублей). 59 протестантскихъ миссіонеровъ проповѣдывали Евангеліе въ Персіи, Палестинѣ и Аравіи. Въ прошломъ году они обратили въ христіанскую вѣру только одну дѣвушку. Это единственное обращеніе потребовало 109 священниковъ и стоило 12000 ф. стерл. (около 120 тысячъ рублей). Если Висманъ говоритъ, что германская миссія затрачиваетъ «ужасныя суммы», которымъ не соотвѣтствуютъ успѣхи, то эти суммы будутъ не меньше затрачиваемыхъ англійскимъ обществомъ.

И на такія-то миссіи собирали съ русскихъ подданныхъ деньги балтійскіе пасторы, пока этому не былъ положенъ предѣлъ правительствомъ.

(«Моск. Вѣд.»)

— Корреспондентъ «Нов. Врем.» рассказываетъ одинъ эпизодъ изъ перваго путешествія Императора Вильгельма II-го къ берегамъ Норвегіи, куда онъ ѣздилъ съ гр. Вальдерзее и другими близкими людьми, безъ гр. Герберта Бисмарка.

Разъ какъ-то Вильгельму II пришла мысль попробовать отслужить нѣчто въ родѣ обѣдни. Какъ извѣстно, прусскій король считается главою церкви въ своемъ государствѣ. Революція 1848 г., унесшая кое-что изъ его прерогативъ, какъ неограниченнаго монарха, оставила нетронутыми эти церковныя привилегіи. И вотъ прусскій король совершенно въ правѣ, какъ глава протестантской церкви, буде пожелаетъ, замѣнить въ неожиданныхъ случаяхъ священнослужителя. Такой случай былъ, какъ рассказываютъ въ Берлинѣ, именно въ то путешествіе, когда на кораблѣ Вильгельмъ II оказался старшимъ изъ имѣющихъ право на церковныя требы. Въ нынѣшнюю поѣздку онъ тоже совершилъ богослуженіе. Официальный отчетъ гласитъ: «его величество, явившись на палубу въ 11 час., высочайше самъ (Allerhöchstselbst) изволилъ отслужить обѣдню».

— По словамъ «Моск. Вѣдомъ», какъ древле наше православное духовенство вообще и монастыри въ частности (первыя школы были при монастыряхъ) были первыми проводниками истинной вѣры и расадниками культуры, такъ и нынѣ: и въ окраинахъ обширной Россіи, куда еще не проникли лучи свѣта, и въ тѣхъ областяхъ Европейской Россіи, гдѣ народъ придерживается другаго вѣроисповѣданія или былъ, въ силу различныхъ историческихъ событій, совращенъ съ истиннаго пути, — монастыри и духовенство играютъ весьма важную роль въ дѣлѣ распространенія православія и русской культуры.

Еще недавно въ такъ называемыхъ Холмщинѣ и Подлясѣхъ былъ въ законѣ русскій языкъ; ополяченный народъ, которому услужливые темные люди нашептывали какія-то сомнительныя историческія воспоминанія, являлся какимъ-то фанатикомъ, а чувствуя снисходительность нашего правительства и полную безнаказанность относился враждебно ко всему русскому въ краѣ: русскаго, даже офицера, встрѣчали и провожали на улицахъ польскими бранными словами, и русскій въ своемъ же отечествѣ являлся какъ бы изгнанникомъ, чужеземцемъ; русское (небольшое) и польское общества жили каждый своимъ заменутымъ кружкомъ.

Такому ненормальному положенію дѣлъ наступаетъ, къ счастью, конецъ. Правительство наше приняло уже мѣры къ введенію всюду русскаго языка, а православное духовенство и монастыри являются, вѣрными послѣдователями желаній правительства и оказываютъ неоцѣненныя услуги въ дѣлѣ торжества православія и русской культуры.

Вотъ что пишетъ корреспондентъ петербургской газеты *День* объ успѣхахъ православія и русскаго дѣла въ Холмщинѣ и Подлясѣ за послѣднее время:

«Стоитъ только побывать во время храмоваго праздника въ Холмѣ, бывшемъ центрѣ униі, гдѣ теперь пребываетъ викарный епископъ Флавіанъ, чтобы воочию убѣдиться въ торжествѣ православія и русской культуры. Десяти тысячъ богомольцевъ со всѣхъ сторонъ епархіи стекаются сюда для поклоненія чудотворной иконѣ Божіей Матери. Весь холмъ, на которомъ красуется соборъ, буквально усыпанъ народомъ. Посмотрите, съ какимъ вниманіемъ слушаетъ онъ живое русское слово проповѣди и съ какимъ благоговѣніемъ принимаетъ крестины и иконы; прислушайтесь къ тѣмъ восторженнымъ разговорамъ о блестящемъ торжествѣ, которые проникаютъ въ самые глухіе края, и вы удивитесь, какъ въ сравнительно незначительный промежутокъ времени, выросло и окрѣпло въ народѣ русское чувство, столько вѣковъ заглушаемое въ немъ и казавшееся уже погибшимъ. Далѣе, взгляните на Лѣснянскій монастырь, бывший разсадникъ полонизма и католическаго фанатизма въ Подлясѣ: теперь тамъ открыта православная женская обитель и бывший костелъ передѣланъ въ прекрасный православный храмъ. Свыше 70 дѣтей изъ окрестныхъ селеній получаютъ здѣсь русское воспитаніе; монахини, встрѣченныя сначала съ недовѣріемъ, теперь завладѣли всѣми симпатіями окрестныхъ жителей; къ нимъ идутъ за совѣтами, за простыми деревенскими лекарствами и обращаются съ нехитрыми домашними нуждами, а престольный праздникъ привлекаетъ тысячи богомольцевъ, въ числѣ которыхъ не мало и католиковъ.

«Всѣ работаютъ сообща, во имя одной идеи и по одному плану. Правда, и теперь еще есть приходы безъ прихожанъ или съ упорствующею ихъ частью, но приходовъ такихъ очень немного—всѣ они на перечесть и то больше въ Сѣдлецкой губерніи, гдѣ народъ былъ болѣе ополяченъ и фанатизированъ, чѣмъ въ Люблинской. Время и усердная работа духовенства, безъ сомнѣнія, одержать и здѣсь побѣду, въ чемъ существенную по-

мощь окажетъ имъ и школа. Уже и теперь многія сотни русскихъ церковно-приходскихъ и министерскихъ школъ разбросаны по всѣмъ болѣе значительнымъ деревушкамъ, но всѣ-таки замѣчаешь, что ихъ еще мало, что негдѣ помѣститъ желающихъ учиться. Намъ приходилось слышать, что даже въ деревняхъ, гдѣ населеніе упорно отказывается посѣщать церкви, школы наполнены учениками; послѣдніе прекрасно усваиваютъ православныя молитвы, слушаютъ объясненіе православнаго богослуженія и осѣняютъ православнымъ крестомъ. Прежде, бывало, заѣзжіи русскій человѣкъ чувствовалъ себѣ здѣсь совершенно чуждымъ; кругомъ слышалась исключительно польская рѣчь, лишь сѣрый мужикъ напоминалъ намъ изрѣдка, что здѣсь русская земля. Теперь совершенно иное: польскій языкъ уже болѣе не въ ходу; въ школахъ, судахъ, во всѣхъ управленіяхъ,--вездѣ Русскіе люди, въ больницахъ польскія монахини замѣнены русскими сестрами милосердія; на желѣзныхъ дорогахъ повсемѣстно введенъ русскій языкъ, и даже сами Поляки, оставшіеся въ краѣ, въ лицѣ помѣщиковъ, купцовъ и ремесленниковъ, начинаютъ говорить по-русски.

— Все болѣе замѣчаемый въ западномъ славянствѣ подъемъ національнаго самосознанія сказывается между прочимъ и въ возрастающей торжественности провозженія національныхъ праздниковъ. Такъ, «Народны Листы» сообщаютъ, что 24 іюня (6 іюля) день смерти Гуса чествованъ былъ въ Констанцѣ съ торжественностью, какою прежде нивогда не бывало. Общество города Констанца относилось доселѣ къ мѣсту смерти Гуса безучастно, такъ что бывали годы, что никто и не помнилъ о знаменательномъ днѣ 6 іюля. Одинъ лишь богатый житель города Цогельманъ постоянно заботился о памятникѣ надъ мѣстомъ, гдѣ костеръ поглотилъ Іоанна Гуса, но года два назадъ Цогельманъ умеръ и казалось, что памятникъ Гуса совсѣмъ оспротѣеть. Чехи однако не забыли могилы своего великаго дѣятеля, а констанцкое городское управленіе не отказало въ своемъ содѣйствіи, разрѣшивъ привести въ порядокъ сильно пострадавшій отъ времени памятникъ. Послѣднее 6-е іюля такъ сильно разлилось отъ того же дня прежнихъ лѣтъ, стеченіе народа у памятника было такъ велико, что сквозь плотную толпу нельзя было пробиться. Изъ этого факта газета заключаетъ, что констанцкое общество совершенно иначе смотритъ теперь на чеховъ, чѣмъ прежде, когда о чехахъ распространялись невѣроятные рассказы. Заботы чеховъ о достойномъ почитаніи памяти Гуса, заботы ихъ о сохраненіи народныхъ правъ и свободы

приобрѣли для нихъ уваженіе и симпатіи, которыя видимо раздѣляютъ и жители Констанца; 6 сего іюля русовъ праздникъ прошелъ, какъ уже сказано выше, необыкновенно торжественно. Памятникъ былъ увѣчанъ множествомъ роскошныхъ вѣнковъ, присланныхъ чехами изъ разныхъ государствъ. Особенное впечатлѣніе произвели вѣнки возложенные на памятникъ отъ города Праги съ лентами славянскихъ цвѣтовъ. Восторженное настроеніе присутствовавшихъ совершенно соотвѣтствовало великому значенію знаменитаго чеха, такъ что торжество это на долго останется въ памяти горожанъ и гостей, находившихся на торжествѣ.

— По газетнымъ извѣстіямъ, въ Св. Синодѣ оканчивается разработка обширнаго труда о современномъ состояніи православной церкви въ имперіи. Въ него войдутъ подробныя свѣдѣнія о числѣ церквей и приходовъ въ каждой епархіи, о составѣ причтовъ, числѣ прихожанъ, раскольниковъ и сектантовъ (особенно подробно разработана часть, касающаяся лютундистовъ) и наконецъ, о средствахъ содержанія каждаго причта и о доходахъ каждой церкви и прихода.

— Въ газетахъ напечатано извѣстіе, что на усмотрѣніе Святейшаго Синода поступилъ проектъ учрежденія Всероссийскаго православнаго братства, имѣющаго цѣлью улучшеніе матеріальнаго положенія сельскаго и приходскаго духовенства, поднятіе уровня нравственности прихожанъ, противодѣйствіе раскольничьимъ и рационалистическимъ сектамъ и пропагандѣ и содѣйствіе духовно-нравственному развитію народа. Члены братства вносятъ, по силѣ возможности, денежные взносы, которые и обращаются на образованіе капитала, изъ котораго выдаются пособія и пенсіи достойнѣйшимъ и бѣднѣйшимъ настоятелямъ церквей и лицамъ, потрудившимся на поприщѣ преподаванія въ церковно-приходскихъ школахъ. Изъ этого-же капитала отпускаются потребныя суммы на устройство школъ и общедоступныхъ библіотекъ, организацию духовно-нравственныхъ бесѣдъ, чтеній и т. д. Членами братства должны быть обязательно всѣ представители духовенства и, по желанію, ревнители духовно-нравственнаго просвѣщенія народа. Отдѣлы братства должны находиться во всѣхъ епархіяхъ, а общее руководство дѣлами Всероссийскаго православнаго братства должно сосредоточиваться въ Святейшемъ Синодѣ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Св. Синода, отъ 31-го мая сего года, Высочайше соизволилъ, 12-го іюня сего года, на упраздненіе должности главнаго

священника кавказской арміи, съ оставленіемъ занимающаго нынѣ эту должность протоіерея Стефана Гумилевскаго въ званіяхъ настоятеля тифлискаго военнаго собора и члена грузино-имеретинской синодальной конторы и на предоставленіе ему, Гумилевскому, пожизненно получаемаго имъ нынѣ содержанія, а также Его Величество соизволилъ на упраздненіе должности секретаря при главномъ священникѣ кавказской арміи, съ оставленіемъ чиновника занимающаго оную, за штатомъ на общемъ основаніи.

— 8-го іюля, въ Харьковѣ, въ день празднованія Казанской иконы Божіей Матери, послѣ Божественной литургіи, отслуженной въ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, въ служеніи многочисленнаго городскаго духовенства, — совершень былъ въ первый разъ послѣ разрѣшенія Св. Синода крестный ходъ къ часовнѣ, воздвигнутой на Сергіевской площади въ память въ Бозѣ почивающаго Царя-Освободителя на средства мѣстнаго купечества. Стеченіе молящагося народа было весьма большое и крестный ходъ представлялъ величественное зрѣлище. По прибытіи въ часовню Владыка совершилъ благодарственное Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и водоосвященіемъ, а затѣмъ заупокойную литію по въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ. На торжественномъ богослуженіи присутствовали: заступающій мѣсто городскаго головы ст. сов. Ф. Ф. Рогожинъ съ членами городской управы, купеческій староста Н. А. Жевержеевъ, представители мѣстнаго купечества и масса молящагося народа.

— Мы уже пзвѣщали о строящемся зданіи Харьковскаго коммерческаго училища, имени Императора Александра III, и о закладкѣ при училищѣ храма во имя Христа Спасителя Нерукотвореннаго Образа. Въ ознаменованіе этого добраго дѣла отъ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго, получено Харьковскимъ купеческимъ старостою Н. А. Жевержеевымъ, состоящимъ предсѣдателемъ комитета по устройству Харьковскаго коммерческаго училища, слѣдующее письмо:

«При закладѣ зданія Харьковскаго коммерческаго училища 17 іюня текущаго года я выразилъ желаніе пожертвовать въ пользу сего училища тысячу рублей серебромъ. Представляя при семъ, въ исполненіе моего обѣщанія, облигацію 2 Восточнаго займа въ 1,000 руб. за № 144256 съ текущими купонами, покорнѣйше про-

шу васъ принять относительно сего моего пожертвованія нѣкоторыя условія.

1) Я желаю, чтобы жертвуемая мною малая сумма, при Божіемъ благословеніи, послужила началомъ неприкосновеннаго капитала училища и была означена по документамъ училища подъ моимъ именемъ.

2) Чтобы проценты съ сей суммы были присоединяемы къ капиталу до открытія ученія въ училищѣ и затѣмъ со всей суммой, кака я составитъ, были выдаваемы вмѣстѣ съ другими благотворительными пожертвованіями, которыя, конечно, будутъ въ пользу бѣдныхъ воспитанниковъ училища.

О послѣдующемъ покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, не оставить меня увѣдомленіемъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою, Амвросій, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій».

На это письмо комитетъ отвѣтилъ слѣдующимъ адресомъ: «Ваше Высокопреосвященство! Комитетъ по устройству въ г. Харьковѣ коммерческаго училища имѣлъ высокое удовольствіе получить отъ Вашего Высокопреосвященства одну тысячу рублей серебромъ облигаціей 2-го Восточнаго займа, при условіи, чтобы внесенный капиталъ былъ неприкосновенный и чтобы получаемые съ онаго проценты выдавались, вмѣстѣ съ другими благотворительными пожертвованіями, въ пользу бѣдныхъ воспитанниковъ училища. Изъявляя Вашему Высокопреосвященству искреннюю признательность за столь щедрое пожертвованіе, комитетъ считаетъ святою обязанностью исполнить желаніе Вашего Высокопреосвященства. Вамъ, всемилостивѣйшій архиѳастырь, какъ инициатору, принадлежитъ починъ въ святой помощи бѣднымъ ученикамъ и ваше славное имя комитетъ съ особенною гордостью вписать въ списокъ жертвователей училища. Съ благословенія же Вашего Высокопреосвященства комитетъ рѣшилъ открыть неприкосновенный фондъ, именуя таковой: «Фондъ для пособія недостаточнымъ ученикамъ коммерческаго училища, учрежденный Высопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ». Въ этотъ фондъ также будутъ вносимы всѣ жертвуемыя суммы, опредѣляемыя для пособія бѣднымъ ученикамъ училища.

Испрашивая благословенія и святыхъ молитвъ Вашего Высокопреосвященства на столь доброе и полезное дѣло, съ глубокимъ уваженіемъ и искреннею признательностью имѣемъ честь быть». (Слѣдуютъ подписи Харьковскаго купеческаго старосты и 14-ти членовъ комитета).

— 12-го іюля съ курьерскимъ поѣздомъ, въ 11 час. 54 мин. дня, въ Харьковъ пріѣхалъ извѣстный протоіерей Кронштадтскаго собора, отецъ Іоаннъ Сергіевъ. Дебаркадеръ желѣзной дороги еще за долго до прихода курьерскаго поѣзда былъ переполненъ громадной массой публики изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Лишь только пробили звонокъ, извѣщавшій о прибытіи поѣзда, толпа заколыхалась, слышались восклицанія, всѣ почти сняли фуражки. Когда же въ послѣднемъ вагонѣ поѣзда изъ купе 1-го класса показалось необыкновенно симпатичное и выразительное лицо отца Іоанна, толпою овладѣло такое волненіе, которое не поддается описанію: всѣ двинулись къ окну вагона и сотни рукъ протянулись къ отцу Іоанну за благословеніемъ. Съ величайшимъ трудомъ удалось отцѣпить вагонъ, въ которомъ находился отецъ Іоаннъ, для того, чтобы можно было присоединить его къ полтавскому поѣзду, съ которымъ отецъ Іоаннъ долженъ былъ отправиться до станціи «Рыжово» на дачу П. П. Рыжова. Толпа все время бѣжала за вагономъ, прося благословенія, множество писемъ и записокъ летѣло въ вагонъ. Отецъ Іоаннъ, благословивъ нѣсколько разъ народъ, въ 12 час. 44 минуты уѣхалъ на станцію Рыжово, гдѣ, если его не будутъ беспокоить, онъ намѣренъ пребыть нѣсколько времени.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ въ Харьковѣ у всѣхъ одна рѣчь—объ от. Іоаннѣ. Знакомые и незнакомые, по словамъ «Южн. Края», спрашиваютъ и рассказываютъ другъ другу, гдѣ и какъ его можно увидѣть, кого онъ посѣтилъ вчера, куда онъ поѣдетъ завтра. Рыжово, въ которомъ живетъ от. Іоаннъ, буквально осаждается людьми всѣхъ сословій. Пріѣзжаетъ онъ въ какой-нибудь домъ, на улицѣ сейчасъ же появляется толпа. «Позвольте войти», просятъ хозяевъ совершенно неизвѣстные имъ люди, и комнаты наполняются народомъ. Но вотъ входитъ о. Іоаннъ. Всѣ тѣснятся вокругъ него, цѣлуютъ его руки, благоговѣнно подходятъ подъ благословеніе. Отцы и матери протягиваютъ къ нему своихъ маленькихъ дѣтей, къ нему приводятъ больныхъ и увѣчныхъ, чтобы онъ возложилъ на нихъ руки. И какое умиленіе, какое ожданіе чего-то необычайнаго сквозитъ во всѣхъ этихъ на него устремленныхъ взорахъ!

Вотъ молодая дѣвушка изъ интеллигентныхъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала она прибытія от. Іоанна! Какъ жаждала она получить его благословеніе! Но ее отгѣснили назадъ,—ей нѣтъ возможности приблизиться къ от. Іоанну, и она вся въ слезахъ, глубоко опе-

чаленная, издали смотритъ на него. Хозяинъ дома замѣчаетъ ее, спрашиваетъ въ чемъ дѣло и подводитъ къ отцу Іоанну.

Съ робостью приближается она къ кроткому пастырю, въ слезахъ падаетъ передъ нимъ на колѣни, прижимаетъ къ губамъ край его одежды. От. Іоаннъ приподнимаетъ ее, благословляетъ, беретъ обѣими руками за голову, цѣлуетъ въ лобъ, и она уходитъ счастливая и умиленная.

— Батюшка! раздается голосъ женщины съ ребенкомъ на рукахъ. Благословите... Больной...

От. Іоаннъ гладитъ по головкѣ блѣдное исхудавшее дитя, потомъ наливаетъ на блюдце изъ своего стакана чаю.

— На, на, говоритъ онъ, поднося блюдце ко рту ребенка. Выпей-ка, выпей!

И ребенокъ послушно пьетъ чай изъ рукъ незнакомаго ему человѣка.

— Ничего, говоритъ от. Іоаннъ, благословляя дитя. Дастъ Богъ, будетъ здоровъ.

И на лицахъ многихъ изъ присутствующихъ читается глубокая увѣренность, что ребенокъ непременно будетъ здоровъ, а когда от. Іоаннъ встаетъ съ своего мѣста, молодая женщина беретъ недопитый имъ стаканъ чаю, доликаетъ его водой и даетъ пить изъ него своимъ и чужимъ дѣтиямъ.

Когда отецъ Іоаннъ служилъ въ соборѣ, къ нему пробрался въ алтарь крестьянинъ одной изъ подгороднихъ деревень съ своимъ несчастнымъ пяти-лѣтнимъ сыномъ-калѣкою на рукахъ. Онъ тоже просилъ молитвъ о. Іоанна. Въ концѣ служенія приведенъ былъ туда же слѣпой старикъ. Многимъ больнымъ не удалось понасть въ этотъ день въ соборъ по случаю громаднаго, не бывалаго стеченія народа. И съ какимъ чувствомъ, съ какою вѣрою приближаются къ от. Іоанну страдающіе и обремененные преимущественно изъ простаго народа! Кажется, никакія препятствія не могли бы остановить ихъ въ испрашиваніи спльныхъ молитвъ о. Іоанна, такъ тепла и непосредственна ихъ вѣра, такъ глубоко убѣждены они въ томъ, что—

Надъ нами тѣ-жъ какъ древле небеса,
И также льютъ намъ благъ свои потоки,
И въ наши дни творятся чудеса,
И въ наши дни являютя пророки.

От. Іоаннъ—чуть-ли не первое и не единственное лицо изъ благаго духовенства, пользующееся такимъ глубокимъ уваженіемъ

не только въ средѣ своей паствы, но и во всей Россіи. Кто не знаетъ отъ Іоанна? Его давно знали и въ Харьковѣ. Сколько телеграммъ, сколько писемъ было послано ему отсюда за послѣдніе годы съ просьбами помолиться о болящихъ, разрѣшить тяжкія сомнѣнія, дать совѣтъ и указанія! Сколько Харьковцевъ ѣздило въ Кронштадтъ для того, чтобы лично переговорить съ о. Іоанномъ, испросить его молитвъ, повѣдать ему свою скорбь, поблагодарить его!

— Онъ спасъ мою жену, говоритъ одинъ. Она уже умирала, всѣ доктора отказались лечить ее. Я послалъ ему телеграмму. «Молитесь, буду и я молиться», отвѣчалъ онъ. И вдругъ въ ея болѣзни произошелъ неожиданный переломъ, поразившій врачей, и она теперь совершенно здорова.

— Онъ спасъ моего сына, говоритъ другой.

— Онъ спасъ мою дочь, говоритъ третій.

Все это можно было слышать задолго до пріѣзда о. Іоанна въ Харьковъ. И вотъ теперь о. Іоанна осаждаютъ просьбами посѣтить то тотъ, то другой домъ, въ которомъ находится то чахоточный, то душевно больной. Если бы о. Іоаннъ рѣшился удовлетворить всѣхъ харьковцевъ, которые хотѣли бы принять его у себя и помолиться съ нимъ въ своемъ домѣ, то ему пришлось бы пробыть у насъ не полторы—двѣ недѣли, а нѣсколько мѣсяцевъ. Тѣмъ не менѣе о. Іоаннъ старается, по возможности исполнить желаніе всѣхъ къ нему обращающихся за совѣтомъ, наставленіемъ, помощію, молитвою и пр. и ежедневно совершаетъ богослуженіе. Такъ 15-го іюля онъ совершилъ Божественную литургію въ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи съ соборнымъ духовенствомъ при пѣніи архіерейскаго хора. Стеченіе народа было такъ велико, что не только молящіеся терпѣли отъ страшной давки, при чемъ, раздавались стоны и крики, но даже и самое отправленіе богослуженія было крайне стѣснено. Вся площадь и прилегающія къ ней улицы были также переполнены народомъ. О. Іоаннъ, утомленный послѣ богослуженія, не могъ даже благословить громадную толпу народа, ожидавшую его выхода. Никакія полицейскія мѣры не могли водворить должный порядокъ. При такихъ условіяхъ понятно, почему при всемъ своемъ желаніи о. Іоаннъ не можетъ принять приглашенія нѣкоторыхъ настоятелей и церковныхъ старостъ совершить богослуженіе въ городскихъ церквахъ.

Желая, однако, еще разъ помолиться вмѣстѣ съ харьковцами, о. Іоаннъ просилъ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія вмѣстѣ съ нимъ совершить благодарственное молебствіе по случаю чудеснаго

спасенія Государя Императора и всей Августѣйшей Семьи отъ угрожавшей Имъ опасности 17 октября 1888 г. Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, вполнѣ раздѣляя желаніе о. Іоанна, рѣшилъ такое молебствіе совершить на Соборной площади, въ день пророка Іліи, въ пятницу, 20 іюля, въ 11 час. дня. И дѣйствительно 20 Іюля, въ день св. пророка Іліи, въ Харьковѣ происходило рѣдкое, по громадному стеченію народа, духовное торжество. Передъ главными входными дверьми Успенскаго собора, на особо устроенномъ помостѣ, въ 12 часу дня, Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, въ служеніи съ дорогимъ гостемъ Кронштадтскимъ протоіереемъ отцомъ Іоанномъ Сергіевымъ, а также съ семью мѣстными священнослужителями—отслужено было молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому. Еще за долго до начала молебствія не только Соборная площадь, но всѣ прилегающія къ ней улицы и переулки были переполнены сплошной массой народа, взбиравшася даже на крыши сосѣднихъ домовъ, чтобы увидѣть всѣми уважаемаго Кронштадтскаго пастыря. Безъ преувеличенія можно сказать, что стеченіе народа было такое же, какое обыкновенно бываетъ въ Харьковѣ во время церемоніи перенесенія чудотворнаго образа Озерянскои Божіей Матери, съ тою только разницею, что въ церемоніи этой обыкновенно участвуетъ масса пришлыхъ богомольцевъ, теперь же молящіеся принадлежали почти исключительно къ мѣстному коренному населенію.

По окончаніи молебствія, при колокольномъ звонѣ, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій благословилъ народъ, послѣ чего отецъ Іоаннъ, поклонившись до земли Владыкѣ, обратился къ народу съ краткой привѣтственной рѣчью и затѣмъ медленно обошелъ кругомъ помоста, благословляя народъ. Послѣ молебствія от. Іоаннъ отправился къ Высокопреосвященнѣйшему Амвросію на чай, а потомъ вмѣстѣ съ владыкой—на обѣдъ къ церковному старостѣ Успенскаго собора К. П. Уткину.—Безъ преувеличенія можно сказать, что весь городъ пренеполненъ удивительныхъ разказовъ о жизни и дѣятельности о. Іоанна. Сотрудникъ «Дня» задается вопросомъ, «гдѣ же секретъ необыкновенной популярности о. Іоанна»? Всякій понимаетъ сердцемъ и умомъ, говоритъ онъ, что о. Іоанну принадлежитъ дивная, чудно-прекрасная слава, сливающая его воедино со всей православной Русью; къ нему рвутся мысли милліоннаго населенія, многіе не довольствуются «мыслью» и идутъ за тысячи верстъ въ Кронштадтъ, чтобы осязательнѣе удовлетворить

свое рвеніе. И вотъ сотрудникъ старается найти ключъ къ разгадкѣ «секрета». Дѣло въ томъ, говоритъ онъ, что жизнь о. Іоанна не дѣлится вовсе на общественную и частную, какъ у всѣхъ вообще другихъ людей. У него нѣтъ частной своей жизни. Онъ весь принадлежитъ своему долгу и служенію, а потому въ его біографическомъ очеркѣ нельзя и ограничиться одними внѣшними фактами. Генералъ или министръ, ученый или ораторъ, вернувшись домой, перестаетъ быть генераломъ, министромъ, ученымъ, ораторомъ; онъ отдается семьѣ, знакомымъ, ѣдетъ въ театръ, играетъ въ карты, пируетъ съ пріятелями. У о. Іоанна этого не случилось за всѣ 35 лѣтъ ни разу; онъ возвращался домой, находилъ сотни народа, десятки неотложныхъ приглашеній, тысячи писемъ, просьбъ и т. п. Наскоро удовлетворивъ голодь, а иногда и не ѣвши, онъ снѣшитъ удовлетворить по возможности всѣхъ, не взырая на утомленіе, голодь... Даже 3—4 часа въ сутки для сна не принадлежатъ всецѣло о. Іоанну; онъ проводитъ ихъ нерѣдко въ вагонѣ, каретѣ, а то и вовсе не спитъ...

Непреоборимая вѣра и пламенная любовь къ Богу, правдѣ и человѣку, пропитывающая каждый атомъ существа о. Іоанна и заставляющая его совершенно забывать свое «я» — вотъ та сила, которая создала скромному священнику славу; это Сократъ или Пифагоръ новѣйшаго времени съ тою только разницею, что древніе философы и мудрецы жили для другихъ по собственному высоко-нравственному ученію, а кронштадтскій пастырь не имѣетъ нужды въ собственномъ ученіи и живетъ для другихъ по заповѣди Христа, подражая примѣру Божественнаго учителя.

И такъ, уничтоженіе собственной частной жизни и своего «я», поглащаемого самоотверженной любовью — составляетъ силу и славу подвижнической жизни о. Іоанна. На примѣрахъ древнихъ христіанъ и греческихъ или римскихъ мудрецовъ мы видимъ, что во всѣ времена человѣчества для самоотверженной любви былъ путь къ той славѣ, которую стяжалъ себѣ о. Іоаннъ. Для этой славы не нужно ни богатства, ни знатнаго происхожденія, ни громкихъ побѣдъ, ни изданія мудрыхъ законовъ: Сократъ не имѣлъ ничего, кромѣ свѣтлаго разума и любви, а между тѣмъ имя его живетъ до нынѣ.

От. Іоаннъ Сергѣевъ, послѣ пребыванія въ Харьковской губерніи, отправится на родину въ Архангельскую губернію. «Петерб. Листъ» добавляетъ къ этому сообщенію, что изъ Москвы о. Іоаннъ поѣдетъ по Московско-Ярославско-Вологодской желѣзной дорогѣ, а потомъ водою проѣдетъ до Архангельска черезъ село Сно, и,

пробывши въ этомъ городѣ нѣсколько дней, направится (на лошадахъ верстѣ около 300) на свою родину, въ село, находящееся на самомъ сѣверѣ Пинежскаго уѣзда, гдѣ намѣревается участвовать въ освященіи выстроеннаго имъ, на свои средства, каменнаго храма, который въ концѣ іюля будетъ совершенно оконченъ. Къ тому же времени, въ родное его село, придутъ иконы для иконостаса изъ Петербурга, гдѣ онѣ были заказаны однимъ изъ высокопоставленныхъ лицъ, почитателей отца Іоанна, у академика Журавлева. Иконы для храма исполнены превосходно и на дняхъ отправлены по назначенію. Отецъ Іоаннъ путешествуетъ въ сопровожденіи своего роднаго племянника, сына священника и уроженца тоже Архангельской губерніи. Изъ этого путешествія отецъ Іоаннъ предполагаетъ возвратиться обратно въ Петербургъ 30 или 31 августа.

— Заимствуемъ изъ «Южн. Край» біографическія свѣдѣнія объ о. Іоаннѣ Сергіевѣ. Онъ родился 18 октября 1829 года въ селѣ Сурскомъ, Архангельской губерніи, Пинежскаго уѣзда, гдѣ его отецъ былъ причетникомъ мѣстной церкви. Восьми лѣтъ отъ роду, почти безъ всякой подготовки, онъ поступилъ въ Архангельское духовное училище. Не смотря на все прилежаніе, онъ считался сначала въ числѣ послѣднихъ учениковъ: школьная наука давалась ему съ великимъ трудомъ. Воспитанный своими родителями въ правилахъ теплой вѣры и благочестія, онъ сталъ горячо молиться Богу, чтобы Господь помогъ ему въ его стараніяхъ и трудахъ. И вотъ онъ сталъ замѣчать, что ученье съ каждымъ днемъ дѣлается для него все легче и легче. Его умъ точно прояснился и онъ быстро началъ выдвигаться впередъ между своими товарищами. Это перемену отъ Іоаннъ считаетъ первымъ проявленіемъ путей Промысла въ своей жизни. 14-ти лѣтъ онъ перешолъ въ Архангельскую семинарію. Здѣсь онъ считался уже постоянно однимъ изъ первыхъ учениковъ. Въ послѣднемъ классѣ у него былъ только одинъ соперникъ, Павловъ, но отецъ Іоаннъ провозмездъ и его, такъ что окончилъ курсъ въ семинаріи первымъ по списку, почему и былъ отправленъ на казенный счетъ въ С.-Петербургскую духовную академію. Это произошло въ 1851-мъ году. Къ этому времени его мать овдовѣла. Чтобы имѣть возможность помогать ей, онъ, не оставляя слушанія лекцій и занятій по завершенію своего образованія, поступилъ въ писмоводители академическаго правленія съ жалованьемъ... около девяти рублей въ мѣсяць. Въ 1855 году онъ окончилъ курсъ въ академіи со степенью кандидата богословія, въ

томъ же году женился на дочери протоіерея, К. П. Несвицкой *), и вскорѣ затѣмъ былъ посвященъ въ діаконы, а два дня спустя, 14-го декабря 1855 года, во іереи. Пастырское служеніе от. Іоанна началось въ томъ же Кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ, при которомъ онъ состоитъ и въ настоящее время. «Слово», произнесенное имъ въ первое священнодѣйствіе литургіи въ Андреевскомъ соборѣ, показываетъ, какія высокія чувства и стремленія воодушевляли от. Іоанна, когда онъ начиналъ прохожденіе «высочайшаго на землѣ званія священническаго». «Сознаю высоту сана и соединенныхъ съ нимъ обязанностей, говорилъ онъ, обращаясь къ своей паствѣ; чувствую свою немощь и недостойнство, но уповаю на благодать и милость Божию, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую. Знаю, что можетъ сдѣлать меня болѣе или менѣе достойнымъ этого сана и способнымъ проходить это званіе. Это любовь ко Христу и къ вамъ, возлюбленные братія мои... Любовь,—великая сила: она и немощнаго дѣлаетъ сильнымъ, и малаго великимъ... Таково свойство любви чистой, евангельской. Да дастъ и мнѣ любвеобильный ко всѣмъ Господь искру этой любви, да воспламенитъ ее во мнѣ Духомъ Своимъ Святымъ». Первое «Слово» от. Іоанна было какъ бы предначертаніемъ всей его послѣдующей дѣятельности. Почти каждый праздникъ от. Іоаннъ проносилъ проповѣдь.

Съ 1857 года началась дѣятельность от. Іоанна, какъ законоучителя. Сначала онъ давалъ уроки въ Кронштадтскомъ уѣздномъ училищѣ, а съ 1862 года въ Кронштадтской гимназіи. Бывшіе ученики ея сохраняютъ о немъ благодарное воспоминаніе. Онъ пользовался въ ихъ средѣ и любовью и уваженіемъ, и еще задолго до того, какъ о немъ заговорила Россія, считался между ними безсребренникомъ, готовымъ отдать нуждающемуся послѣдній грошъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли случай убѣждаться въ этомъ и лично. От. Іоаннъ преподавалъ въ гимназіи двадцать шесть лѣтъ и распрощался съ нею только 16-го августа прошлаго года, убѣдившись окончательно въ невозможности совмѣстить уроки съ своими, столь осложнившимися за послѣдніе годы, обязанностями и дѣлами по священству.

Съ самаго вступленія своего на пастырское поприще, от. Іоаннъ сталъ заботиться объ улучшеніи быта бѣднѣйшей части населенія своего прихода и всего Кронштадта. Еще въ шестидесятыхъ го-

*) Дѣтей у о. Іоанна нѣтъ.

дахъ онъ заговорилъ въ печати объ учрежденіи Домовъ Трудолюбія. Въ 1874 году, по его иниціативѣ, было учреждено при Андреевскомъ соборѣ приходское попечительство. «Церковное попечительство, — говорилъ от. Іоаннъ при его открытіи, — есть учрежденіе первыхъ христіанъ временъ апостольскихъ, которые, по братской любви такъ заботились другъ о другѣ, что не бѣше бо нищъ ни единъ изъ нихъ (Дѣян., 4, 34). Оно особенно необходимо у насъ. Дай Богъ, чтобы оно было и у насъ въ такомъ же духѣ единомыслія и любви». Дѣятельность попечительства, опять таки благодаря главнымъ образомъ отцу Іоанну, съ каждымъ днемъ стала принимать все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Въ короткое время оно добилось пособія для открытія ремесленной школы для бѣдныхъ дѣтей, содержаніе многихъ изъ нихъ приняло на свой счетъ, произвело разборъ нищихъ, построило домъ для погорѣльцевъ, пострадавшихъ во время страшнаго пожара и т. д. Наконецъ, от. Іоанну удалось въ 1882 году осуществить и свою любимую мысль: открытіе «Дома Трудолюбія». Это учрежденіе, возникшее благодаря матеріальной поддержкѣ, оказанной ему от. Іоанномъ, въ настоящее время существуетъ почти исключительно на его средства. Кромѣ собственно «Дома Трудолюбія», въ которомъ паходятъ работу взрослые, оно включаетъ въ себѣ начальную школу, лѣчебницу для приходящихъ, убѣжище для сиротъ и дѣтское дневное пристанище. Оно помѣщается нынѣ въ собственномъ большомъ трехъ-этажномъ домѣ.

От. Іоаннъ, уже давно чтимый въ Кронштадтѣ за свою пастырскую ревность и необыкновенную доброту, получилъ громкую и, можно сказать, всероссійскую извѣстность лѣтъ восемь тому назадъ, когда по его молитвамъ произошло первое чудесное исцѣленіе одного трудно больного родственника духовной дочери от. Іоанна, кронштадтской жительницы Ковригиной. Вслѣдъ за этимъ первымъ случаемъ послѣдовали, по молитвамъ от. Іоанна, и другія чудесныя исцѣленія. О нихъ заговорили въ печати, но слухъ о нихъ еще раньше разнесся по всей Россіи.

По тому образу жизни, который ведетъ от. Іоаннъ въ Рыжовѣ, можно судить и о томъ образѣ жизни, который онъ ведетъ у себя въ Кронштадтѣ. «Ему рѣдко удается спать болѣе четырехъ часовъ, читаемъ въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ («Сѣверъ», 1888 г., № 49). У него нѣтъ и не можетъ быть опредѣленнаго времени для принятія нищъ — и онъ ищетъ всегда наскоро и тѣмъ, что ему предложить. Онъ не знаетъ усталости. По

5—6 часовъ и болѣе онъ находится на ногахъ, служба въ церкви, исповѣдуя и пріобщая Св. Таинъ сотни людей, ежедневно къ нему обращающихся. Нѣсколько мнутъ отдыха, и онъ спѣшитъ всюду, куда зовутъ его — служить молебны, навѣщать больныхъ. Почти каждый день онъ ѣдетъ въ Петербургъ и обратно, а то и гораздо далѣе, во всякую погоду, по всякой дорогѣ. И онъ всегда бодръ и свѣжъ, на губахъ его всегда радостная улыбка, свѣтлыя и лучистыя глаза его всегда полны добротой и любовью. Многія тысячн бѣднаго люда обращаются къ нему за денежной помощью, — и онъ даетъ все и все, что у него есть.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

28 іюня сего года въ 6 часовъ утра скончался послѣ трехлѣтняго страданія отъ паралича заштатный священникъ сл. Долгнйкой Изюмскаго уѣзда о. Григорій Ивановичъ Заводовскій 63 лѣтъ отъ роду. Покойный о. Григорій—сынъ попомаря сл. Стецковки Сумскаго уѣзда. По увольненіи по прошенію изъ высшаго отдѣленія Харьковской духовной семинаріи за 1-й годъ, преосвященнымъ Филаретомъ рукоположенъ былъ во священника къ Николаевской церкви сл. Долгнйкой Изюмскаго уѣзда, гдѣ прослужилъ 37 лѣтъ съ 1850 по 1887 г. Проходя должность сельскаго священника, покойникъ занималъ и другія должности, такъ: съ 1870 по 1876 г., по выбору окружнаго духовенства, проходилъ должность депутата по 2 округу Изюмскаго уѣзда, съ 1879 по 1884 г. съ утвержденія епархіальнаго начальства проходилъ должность помощника благочиннаго по 4 округу Изюмскаго уѣзда. Кромѣ того въ теченіе всей своей службы проходилъ должность законоучителя въ приходскомъ училищѣ. Въ 1887 г. о. Григорія постигло несчастіе: онъ былъ разбитъ параличемъ, вслѣдствіе чего долженъ былъ оставить службу и выйти въ заштатъ. Въ августѣ мѣсяцѣ того же года онъ навсегда оставилъ свой приходъ и перешелъ на жительство въ г. Чугуевъ къ своему зятю, священнику о. Юшкову. Покойный о. Григорій пользовался глубокою любовью своихъ прихожанъ. Когда онъ уѣзжалъ изъ Долгнйкой все прихожане плакали, провожая своего любимаго пастыря, который такъ долго жилъ среди ихъ и такъ много хорошаго для нихъ сдѣлалъ. Покойный о. Григорій много потрудился для блага своей церкви и своихъ пасомыхъ. Въ 1860 г. онъ на свои средства открылъ въ приходѣ школу, въ которой съ 1860 по 1872 г. проходилъ должность пасторика и законоучителя, въ теченіи 5 лѣтъ безмездно, а остальное время пользуясь самымъ незначительнымъ вознагражденіемъ. Благодаря его усердію и стараніямъ былъ устроенъ въ сл. Долгнйкой прекрасный каменный храмъ, на мѣсто стараго разрушеннаго. Онъ же пріобрѣлъ небольшой вкладъ въ пользу мѣстнаго причта. Для своихъ прихожанъ онъ былъ добрымъ пастыремъ, любящимъ отцемъ и благимъ совѣтникомъ и помощникомъ въ нуждахъ. Отличаясь самъ смиреніемъ и незлобіемъ, онъ ста-

рался укоренить эти качества и въ своихъ пасомыхъ. Ссорящихся и враждующихъ онъ, сколько возможно было, примирялъ и поселялъ между ними согласіе и любовь. Это было выдающеюся чертою его пастырской дѣятельности. Память о немъ надолго сохранится среди благодарныхъ прихожанъ. Когда ояи узнали о смерти своего любимаго пастыря, то многіе собрались въ церковь и отслужили по умершемъ панихиду.

За свою ревностную службу и заботы о благосостояніи церкви и прихода онъ неоднократно былъ награждаемъ отъ начальства, такъ: въ 1860 г. онъ былъ награжденъ набедренникомъ, въ 1870 г. скуфьею; 1877 г. за усердную службу по должности священника преподано ему благословеніе Св. Синода; въ 1879 г. награжденъ камилавкою, въ 1883 г. наперстнымъ крестомъ. За 1853—56 г., въ память войны, имѣлъ бронзовый наперстный крестъ на Владимірской лентѣ.

Послѣ покойника кромѣ жены никого не осталось, такъ какъ дѣти его уже взрослые и престоены: сынъ Іоаннъ докторъ медицины, и дочь Марія замужемъ за священникомъ г. Чугуева. Состоянія послѣ себя онъ не оставилъ, кромѣ нѣкоторыхъ скудныхъ сбереженій да пенсію женѣ въ размѣръ 65 р.

Миръ праху твоему неутомимый труженникъ на ивѣ Христовой; да упокоитъ Господь Богъ тебя со святыми своими въ обителяхъ своихъ небесныхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ВЪ ХАРЬКОВѢ

НЕДАВНО ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ ПОЛЕЗНАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИГА

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

дѣйствующихъ и руководственныхъ каноническихъ постановленій, указовъ, опредѣленій и распоряженій Святѣйшаго Правительствующаго Синода (съ 1721—1889 гг. включительно) и гражданскихъ законовъ, относящихся къ Духовному Вѣдомству православнаго исповѣданія.

Составилъ Столоначальникъ Харьковской Духовной Консисторіи

С. В. Калашниковъ.

Цѣна за экземпляръ «Алфавитнаго Указателя» съ пересылкою 2 руб., безъ пересылки 1 руб. 75 коп. Выписывающіе не менѣе 10 экз. платятъ по 1 руб. 70 коп. съ пересылкою.

Съ требованіями можно обращаться къ Автору по мѣсту службы его.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.